

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

ТРАКТАТ ПРАВОВЫХ ИНИЦИАТИВ

Журнал основан в 2026 г.
Выходит 4 раза в год

№ 2 (2) 2026

Journal of Legal Initiatives
Tractatus iniciativarum legis

The journal is founded in 2025
Published 4 times a year

Волгоград – 2026

ISSN 3033-7879

Трактат правовых
инициатив /
Journal of Legal
Initiatives /
Tractatus iniciativarum
legis. –
Волгоград :
ВА МВД России, 2026. –
№ 2 (2). – 120 с.

**Учредитель
и издатель –
Волгоградская
академия
МВД России**

Журнал основан
в 2026 г. Выходит 4 раза
в год тиражом
250 экземпляров

Сайт журнала:
[https://va-
mvd.editorum.ru/ru/nauka/
journal/282/view](https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view)

Редакторы:
О. С. Старовидченко,
С. А. Пан

Компьютерная верстка
Н. А. Доненко

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Редько Александр Александрович, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Введенская Виктория Владимировна, заместитель начальника Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент.

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Попов Виктор Викторович, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

ПЕРЕВОДЧИК

Елисеева Мария Владимировна, старший переводчик-методист группы международного сотрудничества Волгоградской академии МВД России.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Чумаченко Арина Юрьевна, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Состав редакционной коллегии

1. **Велиева Джамиля Сейфаддиновна**, заведующий кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор.

2. **Вопленко Николай Николаевич**, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

3. **Гончаров Александр Иванович**, профессор кафедры гражданского права и процесса Волгоградского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор.

4. **Грачев Николай Иванович**, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент.

5. **Давыдова Марина Леонидовна**, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

6. **Еремеев Дмитрий Витальевич**, заместитель начальника Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. М. Есбулатова, кандидат юридических наук, ассоциированный профессор.

Адрес редакции
и издателя:
400075, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Историческая, д. 130

Подписано в печать:
26.06.2026

Дата выхода в свет:
30.06.2026

Формат 60x84/8.
Гарнитура Arial.
Физ. печ. л. 15,0.
Усл. печ. л. 14,0.
Тираж 250.
Заказ № 36

Журнал включен
в систему Российского
индекса научного цити-
рования. Полнотексто-
вые версии статей и при-
статейные библиографи-
ческие списки
помещаются на сайте
Научной электронной
библиотеки
(www.elibrary.ru)

Отпечатано
в ОПиОП РИО
ВА МВД России.
400005, Волгоградская
обл., г. Волгоград,
ул. Коммунистическая,
д. 36

© Волгоградская
академия
МВД России, 2026

7. *Иншакова Агнесса Олеговна*, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права юридического факультета им. А. А. Хмырова Кубанского государственного университета, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации, Эксперт РАН, доктор юридических наук, профессор.

8. *Локтевич Ольга Игоревна*, доцент кафедры организации предварительного расследования учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

9. *Мазаев Владимир Дмитриевич*, профессор департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

10. *Малый Александр Федорович*, профессор кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета, доктор юридических наук, профессор.

11. *Миронова Светлана Михайловна*, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент.

12. *Поляков Вячеслав Александрович*, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, специалист по учетно-хранительской документации Волгоградского государственного университета, доктор исторических наук, доцент.

13. *Репьев Артем Григорьевич*, заместитель директора Юридического института Российского университета транспорта по науке, заведующий кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса, доктор юридических наук, доцент.

14. *Рудковский Виктор Анатольевич*, профессор кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, профессор кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

15. *Рябов Сергей Иванович*, профессор кафедры философии Волгоградской академии МВД России, доктор исторических наук, профессор.

16. *Сахарбай Арман*, заместитель начальника Актюбинского юридического института МВД Республики Казахстан им. М. Букенбаева, доктор философии (PhD), ассоциированный профессор.

17. *Трофимов Василий Владиславович*, директор научно-исследовательского института государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, доктор юридических наук, профессор.

18. *Шестак Валентин Сергеевич*, профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор.

ISSN 3033-7879

Трактат правовых
инициатив /
Journal of Legal
Initiatives /
Tractatus initiativarum
legis. –
Volgograd :
VA MVD Rossii, 2026. –
No 2 (2). – 120 p.

**Founder
and publisher –
Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia**

The journal is founded
in 2026. Published 4 times
a year with the circulation
of 250 copies

Website of the journal:
[https://va-
mvd.editorum.ru/ru/nauka/
journal/282/view](https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view)

Editors:
O. S. Starovidchenko,
S. A. Pan

DTP
N. A. Donenko

CHIEF EDITOR

Redko Aleksandr Aleksandrovich, First Deputy Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

DEPUTY CHIEF EDITOR

Vvedenskaya Viktoriya Vladimirovna, Deputy Chief of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia for Educational and Scientific Work, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

SCIENCE EDITOR

Popov Viktor Viktorovich, Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

TRANSLATOR

Eliseeva Mariia Vladimirovna, Senior Translator-methodologist of the International Cooperation Office of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

EXECUTIVE SECRETARY

Chumachenko Arina Yuryevna, Senior Lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The Editorial Board

1. *Velieva Dzhamilya Seyfaddinovna*, Deputy Head of the Department of Constitutional and International Law of the Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

2. *Voplenko Nikolay Nikolaevich*, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

3. *Goncharov Aleksandr Ivanovich*, Professor at the Department of Civil Law and Procedure of the Volgograd State University, Professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Doctor of Sciences (Economics), Professor.

4. *Grachev Nikolay Ivanovich*, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

5. *Davydova Marina Leonidovna*, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Volgograd State University, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

6. *Eremeev Dmitriy Vitalyevich*, Deputy Head of the Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Esbulatov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

Address of the editorial
and publishing office:
400075, Volgograd
region, Volgograd,
Istoricheskaya street, 130

Signed to print:
26.06.2026

Date of publication:
30.06.2026

Format 60x84/8.
Font Arial.
Physical print sheets 15,0.
Conventional
print sheets 14,0.
250 copies.
Order No 36

The journal is included in
the system of the Russian
Science Citation Index.
Full texts of articles and
their bibliographic refer-
ences are posted on the
website of the Scientific
Electronic Library
(www.elibrary.ru)

Printed at the printing
section of Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia.
400005, Volgograd
region, Volgograd,
Kommunisticheskaya
street, 36.

© Volgograd
Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
2026

7. *Inshakova Agnessa Olegovna*, Professor at the Department of Business and Private International Law of the Faculty of Law named after A. A. Khmyrov of the Kuban State University, Honorary Worker of Education sector of the Russian Federation, Honorary Worker of Science and High Technologies of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

8. *Loktevich Olga Igorevna*, Associate Professor at the Department of Preliminary Investigation Organization of the Educational Institution 'Institute of Advanced Training and Retraining of the Investigative Committee of the Republic of Belarus', Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

9. *Mazaev Vladimir Dmitrievich*, Professor at the School of Public Law of the Faculty of Law of the National Research University 'Higher School of Economics', Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

10. *Malyy Aleksandr Fedorovich*, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Kazan (Volga Region) Federal University, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

11. *Mironova Svetlana Mikhaylovna*, Professor at the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

12. *Polyakov Vyacheslav Alexandrovich*, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Accounting and Storage Documentation Specialist of the Volgograd State University, Doctor of Sciences (History), Associate Professor.

13. *Repyev Artem Grigoryevich*, Deputy Director of the Law Institute of the Russian University of Transport for Science, Head of the Department of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor.

14. *Rudkovskiy Viktor Anatolyevich*, Professor at the Department of Theory and History of Law and State of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Professor at the Department of Philosophy and Theory of Law of the Volgograd State University, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

15. *Ryabov Sergey Ivanovich*, Professor at the Department of Philosophy of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (History), Professor.

16. *Sakharbay Arman*, Deputy Head of the Aktobe Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after M. Bukenbaev, Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor.

17. *Trofimov Vasilii Vladislavovich*, Director of the Scientific Research Institute of State and Legal Studies, Professor at the Department of Theory and History of State and Law at Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

18. *Shestak Valentin Sergeevich*, Professor at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies of the Donetsk Branch of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

[Редько А. А.]

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Римский А. В., Гончарова Д. А.
Влияние филологии на юриспруденцию:
теория и практика

Шишханов К. У.
Историко-правовое осмысление
феномена идеологии

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Грачев Н. И.
Конституционный статус Крыма в СССР
в контексте проблематики
правовых оснований его возвращения
в состав Российской Федерации.
Статья первая. Генезис крымского казуса:
особенности советского федерализма
и парадоксы Крымской автономии

Веселый И. Н.
Роль некоммерческих организаций
в обеспечении конституционного права
на свободу труда в условиях внедрения
технологий искусственного интеллекта

Грицианова К. П., Самсонов Н. А.
Лишение права управления
транспортными средствами как мера
ответственности: проблемы исполнения
и пределы полномочий госавтоинспекции

Кошелев Д. А.
Роль участкового уполномоченного полиции
в механизме исполнения
административного законодательства
на обслуживаемой территории

Шемет Е. С., Тихонович Е. А.
Системный анализ
пробелов конституционно-правового
регулирования экономического суверенитета
Российской Федерации
в условиях санкционного давления

Попова К. А.
Профессионально-правовая идентичность
руководителя в системе МВД России
как фактор обеспечения законности:
публично-правовой аспект

CONTENTS

8 INTRODUCTION

[Redko A. A.]

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

10 *Rimskii A. V., Goncharova D. A.*
The Influence of Philology
on Jurisprudence: Theory and Practice

19 *Shishkhanov K. U.*
Historical and Legal Reflection
on the Phenomenon of Ideology

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

28 *Grachev N. I.*
The Constitutional Status of Crimea
in the USSR in the Context of the Legal
Grounds for its Return
to the Russian Federation.
The First Article. The Genesis of the Crimean
Incident: Features of Soviet Federalism
and the Paradoxes of Crimean Autonomy

40 *Veselyi I. N.*
The Role of Non-Profit Organizations
in Ensuring the Constitutional Right
to Freedom of Labor in the Context
of Artificial Intelligence Implementation

48 *Gricianova K. P., Samsonov N. A.*
Driving License Revocation as a Measure
of Liability: Enforcement Problems
and Limits of the State Traffic
Inspectorate

56 *Koshelev D. A.*
The Role of a District Police Officer
in the Mechanism
of Administrative Law Implementation
on the Assigned Territory

64 *Shemet E. S., Tikhonovich E. A.*
Systematic Analysis of Gaps
in the Constitutional and Legal Regulation
of Economic Sovereignty
of the Russian Federation
under Sanctions Pressure

77 *Popova K. A.*
Professional and Legal Identity
of the Head of the Ministry
of Internal Affairs of Russia as a Factor
of Ensuring Legality: a Public Law Aspect

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВО

Редько А. А.

Ориентиры в формировании правосознания при выборе профессионального пути (теоретико-правовой взгляд)

МЕСТО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ТЕОРИИ ПРАВА

Челбаев Д. В.

Правовая идеология применения инновационных технологий в судебной деятельности в условиях цифровой реальности (к постановке проблемы)

Трибуна молодого ученого

Попов Г. С., Губанова В. В.

Правовая инициатива: проект административного регламента федерального органа исполнительной власти по предоставлению государственной услуги «Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств»

РЕЦЕНЗИИ, ОТЗЫВЫ, ОБЗОРЫ НАУЧНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИХ МЕРОПРИЯТИЙ

Репьев А. Г.

Границы дозволенного усмотрения: критерии легитимности дискреционного метода в современной правовой системе: отзыв официального оппонента доктора юридических наук, доцента Репьева Артема Григорьевича на диссертацию Цыгановкина Владимира Анатольевича на тему «Дискреционный метод правового регулирования» (Иркутск, 2026. 220 С.), представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1. теоретико-исторические правовые науки

LEGAL POLICY AND LAW

87

Redko A. A.

Guidelines for Shaping Legal Consciousness in Professional Career Selection: a Theoretical and Legal Perspective

PLACE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE THEORY OF LAW

94

Chelbaev D. V.

Legal Ideology of Applying Innovative Technologies in Judicial Activities in the Context of Digital Reality (Framing the Issue)

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

101

Popov G. S., Gubanov V. V.

Legal Initiative: Draft Administrative Regulation of the Federal Executive Authority for the Provision of the State Service "Organization of the Identification, Registration, Temporary Storage and Transfer to State Ownership of Ownerless Vehicles"

PEER REVIEWS, REVIEWS, OVERVIEWS OF SCIENTIFIC AND REPRESENTATIVE EVENTS

110

Repyev A. G.

Limits of Permissible Discretion: Criteria for the Legitimacy of the Discretionary Method of the Modern Legal System: Review of the Official Opponent, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor Repyev Artem Grigoryevich on the Dissertation of Tsyganovkin Vladimir Anatolevich "Discretionary Method of Legal Regulation" (Irkutsk, 2026. 220 p.) Submitted for the Scientific Degree of Candidate of Sciences (Jurisprudence) on Specialty 5.1.1. Theoretical and Historical Legal Sciences

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Вы открыли первые страницы второго номера научно-практического журнала «Трактат правовых инициатив». Одной из национальных целей развития России (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 г.», постановление Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2025 г. № 571 «Об утверждении Правил определения показателей эффек-

тивности мер и инструментов государственной политики в области научно-технологического развития Российской Федерации») является обеспечение к 2030 г. вхождения Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по объему научных исследований и разработок. Леонид Маркович Гохберг, первый проректор, директор Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, констатирует, что Россия занимает 8-е место по объему затрат на науку и 6-е – по численности исследователей. Политика современной России не опирается на перформативные показатели. Данная статистика свидетельствует о наличии зоны роста для отечественной науки. Но также Отечеству нужны качественные работы, а не спектакль эффективности, поэтому план увеличения количественных показателей по умолчанию предполагает высочайший уровень качества. Заинтересовать, вовлечь в дело решения общенародных проблем молодое поколение, создать тренд на участие в управлении государством граждан посредством не только представительской демократии, но и приложения собственной интеллектуальной инициативной деятельности – трек, соответствующий развитию российской идентичной цивилизации.

В названии журнала неслучайно фигурирует слово «Трактат». Происходя от латинского «*tractatus*», в дословном переводе оно означает «подвергнутый рассмотрению». Правовые инициативы, подвергнутые рассмотрению и публичному дискурсу, и есть основная задача (в общем смысле) нашего журнала, если упростить донельзя. Журнал задуман как ответ на потребность в новом типе интеллектуального пространства, где пересекаются доктринальное, практическое и творческое, где теоретический опыт корифеев научного мира в сочетании с эмпирическим накладывается на нешаблонные искры инноваций. Если говорить аллегорично, журнал является той самой «чашкой Петри», где возможна культивация жизнеспособной правовой инициативы с учетом актуальности в перспективном будущем.

«Трактат правовых инициатив» не спланирован простым сборником статей, тем более изданием из разряда графоманского контента: «опубликовать статью, потому что надо что-то опубликовать», для престижа или рейтинга. Этот журнал рожден из искры побуждения дать возможность государственным служащим, молодым ученым, не обремененным догматичностью мышления, под положительным влиянием мэтров науки возвращать новые правовые решения в синергии аккумулированного опыта и новых идей.

В начале года Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, вручая награды молодым ученым, сказал, что «в неутомимом поиске новых знаний – залог великих открытий, от них во многом зависит будущее нашей страны, ее развитие и процветание». Это не просто красивая фраза. В настоящий период усилия российского государства как нико-

гда сконцентрированы на подрастающем поколении. Процессы образования и воспитания, возвращения достойной смены героям прошлого и настоящего претерпевают трансформацию, идет непрерывная адаптация имеющихся и создание новых средств и методов достижения цели. Феноменальные силы вкладываются в процесс единения молодой гвардии россиян под стягом триколора в коллективном стремлении эволюции Отечества. «Трактат правовых инициатив» – наша лепта в общегражданское дело.

Рубрики разработаны и выстроены коллективом редакции в продуманной смысловой иерархии. «Теоретико-исторические правовые науки» и «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» содержат исследования в соответствующих направлениях наук. Журнал предусматривает содержание материалов по направлениям наук одноименным первым двум рубрикам, но раздел «Место искусственного интеллекта в теории права» введен как подпространство для инициативных предложений решения проблем политико-правового характера, возникающих в связи с динамичным процессом развития искусственного интеллекта.

В свою очередь «Трибуна молодого ученого» создает обширную площадку для представления подрастающим поколением ученых инициативных концепций. Смелые проекты, выполненные нешаблонным юным разумом, под руководством наставников представляют особую ценность для редакции. Новые идеи, сгенерированные равнодушием к будущему Родины умом, способны вырасти в реальные правовые решения при их освещении и обсуждении. «Правовая политика и право» также является отдельным подпространством для поиска средств и методов, нового инструментария государственного управления, механизмов защиты прав граждан и обеспечения национальной безопасности. Раздел «Рецензии, отзывы, обзоры научных мероприятий» освещает значимые научные события, свершившиеся и предстоящие, ориентируют читателя. Рубрики составляют взаимодействующую систему, позволяющую классифицировать области научных работ, инициативных предложений, осуществлять эффективную навигацию по страницам журнала.

Дать возможность представить на суд научного сообщества инициативное начинание, вовлечь в процесс мыслительной деятельности в направлении прогресса своего народа молодежь, создать пространство, где будут размещены исследования, внедряемые в практическую деятельность, – это амбициозная цель нашей редакции. Наш читатель не рассматривается как потребитель информации, наш читатель – потенциальный творец новой правовой реальности развивающейся российской цивилизации. Редакция и читатели смотрят в одном направлении. Мы отдаем себя на благо развития каждое сегодня, каждое сейчас. Вперед и только вперед!

 уважением, –

Первый заместитель начальника
Волгоградской академии МВД России
доктор юридических наук, доцент
полковник полиции

А. А. Редько

УДК 340:80

**ВЛИЯНИЕ ФИЛОЛОГИИ НА ЮРИСПРУДЕНЦИЮ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА****Алексей Викторович Римский*****Дарья Анатольевна Гончарова****

* Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, Белгород, Россия, alex.rimskiy@yandex.ru

** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, goncharovadasha2012@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается проблема взаимодействия филологического и юридического знания в современной гуманитарной науке. Актуальность исследования обоснована практической потребностью в повышении качества юридических текстов и эффективности правовой коммуникации. Особое значение уделяется теоретическим (герменевтика, семиотика, риторика) и практическим (толкование, составление документов, лингвистическая экспертиза) разделам филологии. В статье устанавливается, что юриспруденция, оперируя языком, неизбежно использует филологические категории, а филология, со своей стороны, обретает в праве инструмент сохранения языковых норм. Научная новизна статьи заключается в целостном взгляде на функциональную связь филологических и правовых явлений, что находит выражение в форме «юридического языка» как особой знаковой системы.

Анализ влияния филологии на юриспруденцию в теоретическом и практическом аспекте – это междисциплинарный подход, требующий структурированного анализа. В статье автор затрагивает вопросы теории и практики юриспруденции, выражающиеся в обосновании языковой природы правовых форм и анализе приемов и инструментов филологии в юридической работе. Важно подчеркнуть, что данная связь не абстрактна, а является постоянно действующим механизмом.

Ключевые слова: юриспруденция, филология, правовая форма, тексты правовых актов, коммуникация, юридический язык, юридическая герменевтика, лингвосемиотика, риторика в юриспруденции, синтактика права, юридическая текстология.

Для цитирования: Римский А. В., Гончарова Д. А. Влияние филологии на юриспруденцию: теория и практика // Тратат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 10–18.

**THE INFLUENCE OF PHILOLOGY ON JURISPRUDENCE:
THEORY AND PRACTICE****Aleksei Viktorovich Rimskii*****Darya Anatolevna Goncharova****

* Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia, alex.rimskiy@yandex.ru

** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia, goncharovadasha2012@yandex.ru

Abstract. The article describes the problem of interaction between philological and legal knowledge in modern humanities. The relevance of the study is determined by the need to improve the quality of legal texts and the effectiveness of legal communication. Special attention is paid to theoretical (hermeneutics, semiotics, rhetoric) and practical (interpretation, document drafting, linguistic expertise) aspects of philology. The article proves that jurisprudence inevitable borrows the categorical apparatus of philology operating through language as soon as philology finds a resource in law for preserving linguistics norm. The scientific novelty of the article lies in the integrated approach to the study of the functional connection between philological and legal phenomena, which is expressed in the form of “legal language” as a special sign system.

The analysis of philology’s influence on jurisprudence in theoretical and practical aspects represents an interdisciplinary approach requiring structured methodology. In this way, the article covers the theory and practice of jurisprudence expressed in the linguistic nature of legal forms substantiation

and the analysis of specific philological tools in legal work. It is important to emphasize that this connection is not abstract, but rather a permanent mechanism.

Keywords: jurisprudence, philology, legal form, texts of legal acts, communication, legal language, legal hermeneutics, linguistics, rhetoric in jurisprudence, syntactics of law, legal textology.

For citation: Rimskii A. V., Goncharova D. A. The Influence of Philology on Jurisprudence: Theory and Practice. Journal of Legal Initiatives, 10–18, 2026. (In Russ.).

Введение. В эпоху современного развития общества, цифрового образования, социальных сетей, использования цифровых технологий и интернета отмечается актуальность обладания современными юристами навыками лингвистической экспертизы и филологической грамотностью, а качество законодательства и правоприменительной практики напрямую зависят от уровня языковой культуры юриста. Неслучайно Е. В. Пахонина отмечает, что «язык представляет большой интерес как для лингвистов, так и для правоведов, юристов, поскольку является важным фактором развития правовой системы, правосознания, правовой культуры, правовой коммуникации, законотворчества, языковой политики, судебной речи, консультирования, судебной герменевтики, судебного перевода, криминалистического речеведения» [1, с. 34]. Неоднозначность трактовок юридических предписаний, логические ошибки и стилистические погрешности в нормативных актах ведут к нарушению принципа правовой определенности, создают почву для обширного круга юридических ошибок и даже правонарушений. Все это существенно актуализирует проблематику междисциплинарных научных исследований, особенно включающих в себя использование научного потенциала филологии, которая предоставляет юридической науке и практике довольно обширный спектр инструментов для конструктивного разрешения указанных проблем.

Термин «филология» неоднозначно трактуется в отечественной научной литературе. Современная филология опирается на научные традиции отечественного языкознания. Большой вклад в понимание филологии внесла С. Г. Тер-Минасова. Ее работы, в том числе последние – «Язык и межкультурная коммуникация» [2, с. 352], «Война и мир языков и культур» [3, с. 286], заставляют по-новому взглянуть на взаимосвязь, взаимодействие и взаимозависимость филологии и культурной антропологии. В рамках научной школы С.Г. Тер-Минасовой ведутся серьезные исследования филологической компетенции и характеризуются ключевые аспекты филологического знания.

Е. Н. Соловова, Е. А. Пореченкова отмечают, что «филология – это не отдельная наука, а область знаний, объединяющая целый ряд различных наук, общей целью которых является познание духовных достижений человеческого опыта посредством языка, на котором создаются те или иные произведения, и культуры, без знания которой невозможно полное понимание значения этих произведений» [4, с. 5].

Г. О. Винокур, один из первых отечественных ученых, создавших в 40-х гг. XX столетия учебный курс «Филология», писал, что «читатель умелый, владеющий своим искусством в совершенстве, знакомый с техникой чтения не одного, а разных видов сообщений... словом, мастер чтения и есть тот человек, которого мы называем филологом. Само же искусство читать в предполагаемом здесь смысле справедливо будет обозначить в этом случае словом „филология“» [5, с. 38].

С. И. Гиндин отмечал, что «филология представляется не только методологической основой других гуманитарных наук и общественных наук, но и одной из практических служб, без которых не может существовать современное развитое общество» [6, с. 83].

При объединении двух идей («искусство читать» + «практическая служба обществу») представляется правильным видеть содержание филологии в синтезе знаний о языке как знаковой системе, позволяющей запечатлевать информацию и обмениваться ей в рамках социальной коммуникации, и знаний о том, как правильно конструировать языковые формы и понимать их значения и смыслы в целях эффективной коммуникации, в том числе правовой. Понимание глубинной сути текста (чему учит филология) необходимо для правильного создания и применения законов (чем занимается юриспруденция). Законы – это тоже тексты, и чтобы понять сущность права, необходимо владеть искусством чтения текстов. Филология как мастерство понимания слова и юриспруденция как наука о праве не просто существуют параллельно, а находятся в тесном содружестве.

Юриспруденция (лат. *jūris prūdentia* «правоведение» – *jūs* род. п. *jūris* «право» + *prūdentia* «предвидение, знание») – наука, которая занимается изучением сущности, свойств и функций государства и права, и филология (греч. *philología*, букв. «любовь к слову») – содружество гуманитарных дисциплин – лингвистической, литературоведческой, исторической и др., изучающих историю и выясняющих сущность духовной культуры человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов, на первый взгляд представляются областями знания, лежащими в разных плоскостях. Первая связана с выявлением закономерностей возникновения, функционирования и развития явлений, составляющих огромный пласт государственно-правовой действительности. Вторая – с языком, текстом и культурой слова. Однако при более глубоком рассмотрении становится очевидным, что эти дисциплины объединены неразрывной связью, основой которой является язык. Право, будучи властным регулятором общественных отношений, существует в самых различных ипостасях, больший или меньший смысловой акцент на которых делается в различных школах, направлениях правопонимания. Однако практически все эти направления допускают то, что как минимум одним из аспектов проявления права является норма права, при этом практически хрестоматийным является признание того, что признаком нормы права является формально-определенный характер. Это предполагает текстовую формализацию юридической нормы, например, в нормативных правовых актах. Кроме того, в ходе реализации права и особенно применения права мы вновь встречаемся с обилием юридических текстов, содержащихся в обширном круге правовых документов, составляющих одно из слагаемых самой сути процедурно-процессуальной формы правоприменения как особой формы реализации права, причем независимо от того, идет ли речь о юрисдикционном, организационном (оперативно-исполнительном) либо ином виде правоприменения [7, с. 455].

Форма права выражена текстом, языковыми конструкциями, и именно здесь лингвистика как центральная часть филологических знаний может быть особенно востребована. Одним из первых ученых, обративших внимание на взаимопроникновение языка и права, а не просто на использование внешней оболочки первого для отображения второго, стал А. А. Ушаков: «Изучение языка и права показывает, что язык, наряду со своими главными функциями, выполняет в известной степени и функции, связанные с регулированием поведения людей, т. е. язык выступает в качестве регулятора общественных отношений, в чем, как известно, и состоит суть права. Разумеется, эта общность языка и права содержит в себе принцип различия. Но факт остается фактом, что принятые формы употребления слов иногда определяют и формы поведения людей» [8, с. 14].

Несмотря на сложность и многоаспектность вопроса об определении права и различия между разнообразными правовыми школами в подходах к решению этого вопроса, вряд ли можно отрицать тот факт, что все эти научные школы в той или иной мере признают в природе права его информационную составляющую, которая рассматривается в языке. А. Ф. Черданцев справедливо утверждает, что «право есть не что иное, как определенная система информации, а правовое регулирование – движение информации, в ходе которого создаются, передаются, сохраняются различные по содержанию и форме виды информации. В этом процессе участвует юрист. Его деятельность – это, по сути дела, работа с информацией. Он ее получает, анализирует, хранит, передает, а также сам создает новые формы информации» [9, с. 5].

Связь между юриспруденцией и филологией определяется тем, что право, безусловно, существует в языковом пространстве. Язык по отношению к праву играет одновременно роль социокультурной основы и единственной формы бытия. Как познание права, так и его практическое функционирование происходят путем создания и истолкования юридических текстов. Все это открывает большие возможности для междисциплинарных юридико-филологических исследований [10, с. 20].

Формой правовой информации выступает язык как определенная знаковая система. Язык – основной инструмент работы юриста, «он оперирует в своей деятельности языковыми феноменами (явлениями), которые не просто представляют собой знаки (письменные и звуковые), но и имеют смысл и значение. В практике и теории эти навыки выступают как логико-языковые явления, наполненные разным содержанием. Они составляют массив правовой и сопутствующей ей информации» [9, с. 5].

Влияние филологии на юриспруденцию с точки зрения существования права в языке и воплощения его через текст можно рассмотреть на двух уровнях: фундаментальном теоретико-методологическом и прикладном.

Методы. Общенаучные методы исследования, включающие анализ и синтез, дедукцию и индукцию, а также частнонаучные методы помогают в рассмотрении указанного вопроса со стороны теории и практики. В частности, такой общенаучный срез правовой методологии, как системный подход, применяется в случае рассмотрения права как знаковой системы, а языка – ее субстанции, а также при указании на связь: филологический инструмент – правовой институт – социальное действие. Интерпретационный метод в филологическом контексте правовых форм направлен на рассмотрение грамматического, логического, исторического и систематического толкования как филологических процедур, применимых к праву. Формально-догматический метод применяется при анализе юридических понятий. Метод междисциплинарного синтеза – главный методологический прием исследования, позволяющий объединять и комбинировать правовые и языковые методы. Вместе с тем при характеристике влияния филологии на юриспруденцию проводится опыт не просто сопоставления филологии и юриспруденции, а происходит «встраивание» филологического метода в структуру юридического знания и юридической практики.

Результаты. Подход к языку как к субстанции, являющейся «средством выражения воли законодателя как фундаментальной основы законотворчества», взаимодействующей с юридической техникой и обеспечивающей акт правовой коммуникации, предложил Н. А. Любимов, по мнению которого «право всегда объективируется в языке» [11, с. 8]. Здесь филология предоставляет юриспруденции инструментарий для понимания самой природы права.

Говоря об основных направлениях, где филология и юриспруденция пересекаются наиболее тесно, отметим роль языковых правил и приемов в структуре юридической техники и законотворчестве. Филологические знания здесь критически важны, чтобы текст был: точным (исключение двусмысленности, синонимии там, где это недопустимо); понятным (соблюдение синтаксических норм, чтобы длинные предложения в статьях законов можно было прочесть и понять однозначно); системным (унификация терминологии). Так, например, разработка поправок в закон требует от юриста не только понимания правовой материи, но и владения стилистикой официально-деловой речи, чтобы поправка органично вписалась в существующий текст.

Вместе с тем создание нормативного правового акта и иного формального источника права актуализирует другую довольно сложную для юриста задачу – понять, что именно составляет содержание правового текста. И тогда речь идет о толковании права, где применяются филологические методы грамматического (анализ структуры предложения, значений слов, грамматических форм, знаков препинания) и логического толкования (использование законов логики для выявления смысла, который не лежит на поверхности, но вытекает из текста). Говоря о грамматическом толковании права, нельзя не вспомнить знаменитую фразу «Казнить нельзя помиловать», являющуюся классическим примером зависимости смысла от пунктуации.

Говоря о юридической герменевтике, которая напрямую происходит из филологической герменевтической традиции толкования священных и классических текстов, можно заметить, что ее значение возрастает, хотя определение все еще остается дискуссионным. По мнению С. С. Алексеева, «юридическая герменевтика – это наука (и искусство) толкования юридических терминов и понятий, вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности» [12, с. 130].

Законы, подзаконные нормативные правовые акты, договоры, акты применения права (в том числе многочисленные юридические решения), протоколы и иные правовые документы содержат в себе тексты, требующие интерпретации. Да, ученые-юристы выделяют различные способы толкования права, среди которых можно увидеть, например, телеологический, историко-политический и иные. Филология также требует всегда учитывать исторический, культурный, политический, психологический и иные контексты создания юридической нормы, а также исследовать эволюцию значения слов.

Именно в силу этого в языковом аспекте право важно рассматривать как вторичную моделирующую систему, построенную на основе естественного языка. Оно не существует в материальном мире непосредственно, а лишь через систему знаков (тексты нормативных правовых актов, судебные решения, договоры, акты толкования права и т. д.), поэтому его можно и нужно анализировать как семиотическую и лингвистическую систему. Ведь не зря А. Ф. Черданцев подчеркивает, что «в правовом регулировании носителем информации является язык как определенная знаковая система» [9, с. 13]. Такой подход понимания права как знаковой системы, основанный на лингвистических и семиотических методах, помогает разрешить неясности, про-

белы, коллизии через анализ семантики и контекста; создавать более четкие, непротиворечивые тексты, минимизируя риски разночтений, а также помогает улучшить диалог между государством и гражданами, между юристами и неспециалистами.

Лингвосомиотический взгляд позволяет увидеть право как живой, динамичный язык и средство социальной коммуникации. Это язык общения коммуникативного сообщества, находящийся в постоянном развитии и интерпретации. Право не только реконструирует, но и конструирует социальную реальность через знаки, а значит, анализ генезиса смыслообразования этих знаков – ключ к пониманию того, как право работает, изменяется и воздействует на человека в самых различных аспектах.

С точки зрения семиотики, изучающей знаки и знаковые системы, право можно анализировать по трем уровням: синтактика права (отношение знаков между собой), семантика права (отношение знака к обозначаемому) и прагматика права (отношение знаков к пользователям).

Формальная структура синтактики права заключается в том, что нормативный правовой акт (особенно закон) построен по строгим правилам (статьи, главы, разделы, отсылки). Системность и иерархия синтактики права прослеживается в том факте, что знак-норма получает значение не изолированно, а только в системе формализации других норм (Конституция – кодекс – федеральный закон). Противоречие между знаками, в том числе так называемая коллизия, разрушает систему. И непосредственно логические связи, выражающиеся в структуре правовой нормы (гипотеза, диспозиция, санкция) аналогично синтаксису предложения выступают в качестве синтаксиса правовой нормы.

Не каждый правовой термин, с точки зрения его семантического рассмотрения, имеет юридически закрепленное определение. Это актуализирует проблему многозначности слов естественного языка («вина», «разумный срок», «существенный вред») в рассматриваемом контексте права и требует изучения значения и смысла юридических терминов для сужения семантического поля и избегания расплывчатости смысла. В процессе толкования права происходит уточнение значения и смысла правовой нормы, пределов ее действительности. Отсюда и напрашивается вывод о том, что правовой знак должен четко указывать на объекты реального мира (например, кто является «налогоплательщиком», что есть «недвижимая вещь»?).

И, конечно же, как результат, возникает вопрос, как язык права воздействует на адресата? Это прагматическая сторона права, здесь прослеживается целенаправленность правовых текстов, которые создаются для регулирования поведения (приказ, дозволение, запрет), стиль и силу воздействия которых определяют адресат (кому говорят? – гражданам, судам, органам власти) и автор (кто говорит? – законодатель). Интерпретация и эффективность прагматики права заключается в том, что значение знака реализуется только в акте его понимания и применения гражданином или юристом. Одна и та же норма может по-разному «прочитываться» в различных контекстах.

Таким образом, право, рассматриваемое в одном из своих аспектов как средство коммуникации, осуществляемое при помощи институализированных знаков, где важно, *что* сказано (семантика), *как* организовано (синтактика), и с *какой целью* и *кем воспринимается* (прагматика). Неслучайно значимой основой образования, в том числе для юристов, начиная со Средних веков являлся античный тривиум (грамматика, логика, риторика). Риторика в юриспруденции – это не просто красивая речь, а фундаментальное искусство убеждения; это способ эффективной коммуникации, которая лежит в основе большинства юридических процедур. Именно риторика выступает третьим инструментом понимания природы права.

Ряд важнейших функций юридического дискурса, составляющих его специфику, прямо соотносятся с задачами риторических выступлений: это, например, информативная, интерпретационная, аргументирующая функции. Для успешной реализации этих функций и полноценного становления профессиональной личности особое значение имеет развитие коммуникативных навыков, среди которых важнейшее место занимает умение выстраивать стратегии убеждения и достигать соответствующий результат [13, с. 468]. Для эффективного убеждения юристу необходимо выстраивать свою речь вокруг таких базовых элементов, как построение юридической аргументации, использование этических и эмоциональных средств в рамках процессуальной этики, техники построения речи в разнообразных юридических контекстах. Риторика – один из ключевых профессиональных навыков, без которых невозможны успешные переговоры и общение с гражданами.

Нельзя не выделить текстологию и критический анализ, которые как инструменты понимания знаковой природы права позволяют нам найти подход к правовым актам как к текстам, имеющим историю, редакции, источники. Их важность особенно прослеживается при изучении сравнительного правоведения и рецепции права. В судебной экспертизе различные формы и виды изучения текста применяются при исследовании и оценке письменных доказательств, документов, договоров, авторских произведений. Юридическая текстология помогает выявлять подделки и интерполяции в документах, анализировать смысловое расхождение в договорах и нормативных актах, восстанавливать утраченные тексты.

Научная критика представляет собой метод научного познания, который заключается в проверке соответствия теоретических положений критериям истинности, объективности, доказуемости, верифицируемости и др. Особенно значима роль критики в ее применении к новому знанию. В науке только то знание считается имеющим право на существование, которое предварительно прошло через горнило критики, успешно выдержав это испытание [14, с. 54].

Критический анализ в праве ориентирован на выявление недостатков исследуемых явлений в юридической сфере и применяется при оценке научных доктрин, правоприменительной практики, а также характеристик правовых норм как результатов правотворческой деятельности.

Следует акцентировать внимание на значении терминологической точности и определенности нормативно-правовых предписаний, а также на использовании в юридических текстах архаизмов, формализованных конструкций, иностранных и латинских заимствований и оценочных категорий, требующих специального юридического толкования. Синтаксис юридического языка отличается сложностью и громоздкостью: предложения, как правило, насыщены придаточными, деепричастными оборотами и уточняющими конструкциями, что направлено на устранение возможной двусмысленности. Наличие безличных и пассивных конструкций, в которых акцент делается на действие, а не на субъект («устанавливается, что...», «считается принятым...»), и использование императива в прямых предписаниях также являются характерным маркером языка права. Текстология и дискурс-анализ, которые выражаются в жанре правового дискурса, интертекстуальности и риторических приемах, наряду с построением нарратива, – это неотъемлемые языковые инструменты, демонстрирующие практическую ценность лингвосомиотического подхода к толкованию права.

Практическое применение филологических знаний в юриспруденции гораздо шире, чем может показаться на первый взгляд. Юрист работает, прежде всего, со словом – будь то текст закона, показания свидетеля или договор. Филология дает инструменты для точного анализа, интерпретации и создания юридически значимых документов.

Практическое влияние филологии на юриспруденцию носит, в том числе, инструментальный характер. Если мы говорим про законодательную технику, то непременно качество закона напрямую зависит от качества языка, на котором он написан: точность и однозначность формулировок; нейтральность и отсутствие эмоциональной окраски; системность терминологии (один термин – одно значение во всём правовом массиве); ясность и доступность для понимания (борьба с юридическим канцеляритом).

Говоря о юридической практике, нельзя избежать темы толкования права. Юристы на постоянной основе занимаются филологическим анализом, устанавливая «обычное значение слов», выявляя волю законодателя или сторон договора. Составление юридических документов требует логичной, структурированной и убедительной речи, а судебная лингвистическая экспертиза как отдельная научно-практическая область включает в себя разносторонний анализ, проводимый экспертами-филологами: анализ признаков клеветы, оскорблений, экстремизма в текстах и высказываниях; анализ авторства анонимных текстов; анализ двусмысленности в рекламе; анализ содержания словесных угроз.

Составление договоров – это одна из важных филологических задач в праве, соответственно, договорная работа и юридическое консультирование должны содержать такие неотъемлемые аспекты, как предвидение и закрытие языковых лазеек; четкое определение прав и обязанностей через языковые конструкции; интерпретацию двусмысленностей в договорах в пользу одной из сторон.

При составлении или анализе договора юрист-филолог обращает внимание на терминологическую чистоту, а именно использованы ли термины правильно, нет ли подмены понятий; синтаксическую однозначность, чтобы условие договора нельзя было прочитать двояко. Ведь часто

споры возникают из-за неудачно расположенного придаточного предложения или несогласования падежей.

В этой логической связке филологии и юриспруденции также нельзя не указать и на тот факт, что в международном праве и сделках с иностранными контрагентами юрист должен понимать, что прямой дословный перевод термина может исказить смысл. И, естественно, неотъемлемым требованием является проверка качества юридического перевода документов.

Не менее яркое и востребованное направление, где филолог выступает в роли эксперта, а юрист (следователь, судья, адвокат) использует его заключение как доказательство – это лингвистическая экспертиза. Ввиду того что практическая необходимость проведения лингвистической экспертизы чаще всего возникает для установления юридических фактов в ходе рассмотрения и разрешения судебных дел, в большинстве случаев понятие «лингвистическая экспертиза» тождественно понятию «судебно-лингвистическая экспертиза».

Выделяют множество видов экспертиз, типовыми задачами которых являются выявление значения единиц различных языковых уровней, установление в тексте информации определенного содержания, определение степени адекватности передачи в одном тексте смысла другого текста, установление характеристик наименований и т. д. Так, в лингвистической экспертизе по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации эксперт определяет, являются ли сведения порочащими, выражены ли они в форме утверждения о факте (что можно проверить) или оценочного суждения (мнения), а в лингвистической экспертизе по делам об оскорблении и клевете проводится анализ лексики на предмет неприличной формы выражения и порочащего характера сведений. В лингвистической экспертизе по делам об экстремизме проводится анализ на выявление в текстах (листовках, постах в соцсетях) признаков возбуждения ненависти либо вражды, унижения достоинства человека по признакам пола, расы, национальности и т. д., в то время как автороведческая экспертиза направлена на установление автора текста (например, анонимного письма или предсмертной записки) по особенностям стиля, лексики и синтаксиса.

Еще одной точкой пересечения филологии и юриспруденции можно назвать лингвистику конфликта и переговоры, когда филологические знания помогают юристу в устной коммуникации. Так, при анализе речи оппонента можно выявить речевые манипуляции, демагогические приемы и логические ошибки в речи процессуального противника. При выстраивании аргументации необходимо владеть нормами риторики, поскольку они обеспечивают логичность и убедительность профессиональной юридической (в частности, судебной) речи. В сфере досудебного урегулирования знание речевых стратегий также имеет существенное значение, так как способствует взаимопониманию сторон и облегчает достижение согласия.

Заключение. Осмысление связи филологии и юриспруденции позволяет сделать вывод о необходимости более серьезной языковой подготовки будущих юристов. Юрист по своей природе является и человеком слова, и человеком текста. От того, насколько точно, грамотно и убедительно он выражает свои мысли, зависят не только его профессиональный авторитет, но и судьбы конкретных людей, исход дел и общее восприятие права в обществе. Речевая культура юриста может рассматриваться как элемент юридической техники в широком смысле, обеспечивающий придание юридическим смыслам и информационно-правовым блокам корректной правовой (законодательной) формы.

Коммуникативные компетенции специалиста юридической профессии выступают важнейшим инструментом как доказательной деятельности, так и взаимодействия, позволяя точно донести конкретное содержание права и обеспечить его правильное восприятие адресатом. Формирование таких компетенций должно носить постоянный характер и предполагает обращение не только к правовым текстам, но и к классической литературе как источнику развития речи, освоение риторики и логики, а также регулярную практику публичных выступлений и переговорных процессов.

Филология для юриспруденции имеет не вспомогательное, а базовое значение. Она обеспечивает точность выражения законодательной воли, влияет на обоснованность и справедливость судебных актов и в конечном счете способствует устойчивости правовой системы в целом. Для юриста филология – это не просто знание языковых норм, а полноценный инструмент профессионального мышления. Способность анализировать тексты, выявлять скрытые смыслы, видеть возможные варианты толкования и составлять безупречные с языковой точки зрения документы – признак квалифицированного специалиста в области права.

Филология помогает освободить язык права от избыточной формальности и превратить его в действенный профессиональный инструмент. Язык постоянно развивается, тогда как правовые тексты нередко сохраняют устойчивость, и потому именно филологический подход позволяет адаптировать правовые нормы к современным условиям. Это особенно важно и в международном праве, где перевод юридических текстов требует предельной точности, поскольку даже незначительная ошибка способна повлечь серьезные политические и экономические последствия. Отсутствие филологической грамотности ограничивает профессиональные возможности юриста, тогда как ее наличие обеспечивает глубину теоретического осмысления феномена права и связанную с использованием присущего ему инструментального потенциала практическую результативность.

Список источников

1. Пахонина Е. В. К вопросу о проблеме взаимосвязи языка и права // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 2 (128).
2. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2008. 352 с.
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ, 2007. 286 с.
4. Соловова Е. Н., Пореченкова Е. А. Определение состава филологических наук // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 2–8.
5. Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. Вып. 1: Задачи филологии // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1981. С. 38–39.
6. Гиндин С. И. Введение в общую филологию // Авторские учебные программы по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам: психология, педагогика, лингвистика, литературоведение. М.: Логос, 1998. 250 с.
7. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2000. 776 с.
8. Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: Рос. академия правосудия, 2008. 314 с.
9. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: моногр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. 320 с.
10. Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. И. Грачев. – Волгоград: Волгогр. гуманитар. ин-ут. М.: ИКД «Зерцало-М», 2018. 876 с.
11. Любимов Н. А. Конституционное право России: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.
12. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
13. Феденева Ю. Б. Норма как источник риторической аргументации // Риторика и речесоммуникативные дисциплины в науке и практике современного общества: сб. материалов XXV Междунар. науч. конф. по риторике, Москва, 2–4 февраля 2022 г. / сост.-редакторы: В. И. Аннушкин, А. Г. Жукова, Л. В. Селезнева. М.: Гос. ин-ут рус. языка им. А. С. Пушкина, 2022. С. 468–473.
14. Малиновский А. А. Критико-правовой метод в юриспруденции // Рос. журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 2 (7). С. 54–61.

References

1. Pahonina E. V. K voprosu o probleme vzaimosvyazi yazyka i prava // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023. № 2 (128).
2. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. M.: MGU, 2008. 352 s.
3. Ter-Minasova S. G. Vojna i mir yazykov kul'tur: voprosy teorii i praktiki mezh'yazykovoj i mezhkul'turnoj kommunikacii: ucheb. posobie. M.: AST, 2007. 286 s.
4. Solovova E. N., Porechenkova E. A. Opredelenie sostava filologicheskikh nauk // Inostrannye yazyki v shkole. 2007. № 8. S. 2–8.
5. Vinokur G. O. Vvedenie v izuchenie filologicheskikh nauk. Vyp. 1: Zadachi filologii // Problemy strukturnoj lingvistiki. M.: Nauka, 1981. S. 38–39.

6. Gindin S. I. Vvedenie v obshchuyu filologiyu // Avtorskie uchebnye programmy po humanitarnym i social'no-ehkonomicheskim disciplinam: psihologiya, pedagogika, lingvistika, literaturovedenie. M.: Logos, 1998. 250 s.
7. Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurist, 2000. 776 s.
8. Ushakov A. A. Izbrannoe: Ocherki sovetskoj zakonodatel'noj stilistiki. Pravo i yazyk. M.: Ros. akademiya pravosudiya, 2008. 314 s.
9. Cherdancev A. F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii: monogr. M.: Norma: INFRA-M, 2012. 320 s.
10. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. N.I. Grachev. – Volgograd: Volgogr. gumanit. in-ut. M.: IKD «Zercalo-M», 2018. 876 s.
11. Lyubimov N. A. Konstitucionnoe pravo Rossii: lingvisticheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002. 26 s.
12. Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
13. Fedeneva Yu. B. Norma kak istochnik ritoricheskoy argumentacii // Ritorika i rechekomunikativnye discipliny v nauke i praktike sovremennogo obshchestva: sb. materialov XXV Mezhdunar. nauch. konf. po ritorike, Moskva, 2–4 fevralya 2022 g. / sost.-redaktory: V. I. Annushkin, A. G. Zhukova, L. V. Selezneva. M.: Gos. in-ut rus. yazyka im. A.S. Pushkina, 2022. S. 468–473.
14. Malinovskij A. A. Kritiko-pravovoj metod v yurisprudencii // Ros. zhurnal pravovyh issledovaniy. 2016. T. 3. № 2(7). S. 54–61.

Римский Алексей Викторович,

профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Белгородского юридического института МВД России им. И. Д. Путилина,
доктор философских наук;
e-mail: alex.rimskiy@yandex.ru

Гончарова Дарья Анатольевна,

доцент кафедры теории и истории
права и государства Волгоградской академии МВД России,
кандидат филологических наук;
e-mail: goncharovadasha2012@yandex.ru

Rimskii Aleksei Viktorovich

Professor at the Department of State and Legal Disciplines
of the Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
Doctor of Sciences (Philosophy);
e-mail: alex.rimskiy@yandex.ru

Goncharova Darya Anatolevna,

Associate Professor at the Department of Theory and History of Law and State
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Philology);
e-mail: goncharovadasha2012@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.02.2026; одобрена после рецензирования 13.03.2026; принята к публикации 26.03.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after peer reviewing 13.03.2026; accepted for publication 26.03.2026.

* * *

УДК 340.114.5

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ
ФЕНОМЕНА ИДЕОЛОГИИ****Камиль Умаралиевич Шишханов**

научно-исследовательский центр № 5

Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, Москва, Россия,
89275240075@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен идеологии сквозь призму исторического и правового развития общества. Цель исследования: выявить взаимосвязь между идеологическими концепциями и развитием правовых норм и институтов на разных исторических этапах, а также определить влияние идеологии на правотворчество и правоприменение. В статье проводится историко-правовой анализ феномена идеологии с акцентом на развитии либеральных, консервативных и социал-демократических идей на территории Российского государства. Автор исследует эволюцию либеральной идеологии, а также прослеживает становление консервативных концепций, включая традиционалистские воззрения имперского периода и современные течения. Отдельное внимание уделяется социал-демократическому направлению: его роли в российской политической истории, влиянию меньшевистской традиции и актуализации социально ориентированных идей в постсоветский период. Анализируется конфигурация современного идеологического пространства России, где взаимодействуют элементы либерализма, консерватизма и социально-государственных установок. Рассматривается концепция национальной идеи как возможного интеграционного фактора: ее исторические предпосылки («русская идея»), правовые ограничения и актуальные поиски ценностного консенсуса. Выводы статьи подчеркивают необходимость сбалансированного подхода к роли идеологии в правовой сфере: с одной стороны, признание ее влияния на формирование ценностных основ права, с другой – соблюдение принципов плюрализма и недопущение монополизации идеологического пространства.

Ключевые слова: идея, идеология, политико-правовые концепции, легитимация власти, правовые системы, национальная идеология, историко-правовое исследование.

Для цитирования: Шишханов К. У. Историко-правовое осмысление феномена идеологии // Труды правовых инициатив. 2026. № 2. С. 19–27.

**HISTORICAL AND LEGAL REFLECTION
ON THE PHENOMENON OF IDEOLOGY****Kamil Umaralievich Shishkhanov**

Research Center No. 5 of the National Research Institute

of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia,
89275240075@mail.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of ideology through the prism of historical and legal development of society. The purpose of the study is to identify the relationship between ideological concepts and the development of legal norms and institutions at different historical stages, as well as to determine the influence of ideology on law-making and law enforcement. The article provides a historical and legal analysis of the phenomenon of ideology with an emphasis on the development of liberal, conservative and social democratic ideas on the territory of the Russian state. The author examines the evolution of liberal ideology and also traces the formation of conservative concepts, including traditionalist views of the imperial period and contemporary trends. Particular focus is placed on the social-democratic direction, examining its role in Russian political history, the impact of the Menshevik tradition, and the relevance of socially oriented ideas during the post-Soviet era. The article analyzes the structure of Russia's contemporary ideological landscape, characterized by the interaction of liberal, conservative, and socio-state elements. The concept of the national idea as a possible integration factor is considered: its historical prerequisites ("the Russian idea"), legal restrictions, and current efforts to find a value consensus. The article's conclusions underscore the

necessity of a balanced approach to ideology's role in the legal domain. On the one hand, it acknowledges the influence of ideology on shaping the value foundations of law. On the other, it stresses adherence to pluralism and the prevention of any monopolization of ideological discourse.

Keywords: idea, ideology, political and legal concepts, legitimization of power, legal systems, national ideology, historical and legal research.

For citation:. Shishkhanov K. U., Historical and Legal Reflection on the Phenomenon of Ideology. Journal of Legal Initiatives, 19–27, 2026. (In Russ.).

Введение. Идеология как система идей, ценностей и представлений о наилучшем устройстве общества и государства неизменно занимает центральное место в политико-правовом развитии любого социума. В контексте российской истории идеологические концепции не только отражали актуальные социальные процессы, но и активно формировали траекторию государственного строительства, влияя на содержание правовых норм и институтов. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления роли ключевых идеологических течений (либерального, консервативного и социал-демократического) в эволюции Российского государства, а также поисками устойчивой конфигурации идеологического пространства и национальной идеи в современных условиях. Особую значимость это приобретает в свете конституционного запрета на государственную идеологию при одновременной потребности общества в ценностном консенсусе. Основной целью статьи является историко-правовое осмысление феномена идеологии на примере развития либеральных, консервативных и социал-демократических идей в России, а также анализ современного идеологического пространства и рассмотрение перспектив формирования национальной идеи.

Для достижения поставленной цели автором поставлены и решены следующие задачи: проследить эволюцию либеральной идеологии; исследовать влияния на правовую политику консервативных концепций; проанализировать роль социал-демократического течения в контексте феномена идеологии; охарактеризовать конфигурацию современного идеологического пространства России, где взаимодействуют элементы либерализма, консерватизма и социально-государственных установок; рассмотреть концепцию национальной идеи как возможного интеграционного фактора: ее исторические предпосылки («русская идея»), правовые ограничения и актуальные поиски ценностного консенсуса.

Методы. Методологическая основа исследования включает историко-правовой, сравнительно-правовой и системный подходы, позволяющие комплексно оценить влияние идеологических доктрин на развитие российского государства и права. Научная новизна работы состоит в интеграции историко-правового анализа с актуальным осмыслением идеологических процессов, что дает возможность выявить преемственность и трансформацию идеологических концепций в контексте российской государственности. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования ее результатов в правотворческой деятельности, образовательном процессе и политико-аналитической работе при формировании стратегий социально-политического развития России.

Результаты. В условиях современной действительности идеологические концепции оказывают определяющее воздействие на конституирование публичного сознания, характер политических устройств и архитектуру правовых систем. Выступая в качестве концептуальной основы, идеология детерминирует функционирование государственных институтов, очерчивает круг прав и обязанностей субъектов правоотношений, а также обуславливает становление национальной идентичности. Исследование историко-правового измерения данного феномена открывает возможность для более глубокого осмысления механизмов воздействия устойчивых ценностно-мировоззренческих систем на траектории общественного развития и эволюцию государственности.

Ретроспективный анализ идеологических парадигм, охватывающий период от античной эпохи до новейшего времени, наглядно свидетельствует о том, что трансформация господствующих идеологических установок неизменно влекла за собой существенные изменения в правоприменительной практике и нормативно-законодательном регулировании различных исторических периодов.

Правовая система любого социума органически взаимосвязана с превалирующей идеологической парадигмой, которая детерминирует эволюцию законодательных механизмов и нормативных конструкций в соответствии с устоявшимися в конкретной цивилизации аксиологически-

ми установками и фундаментальными принципами [1, с. 90]. Данное взаимодействие характеризуется выраженной реципрокностью: идеологические концепции констатируют правовые основания, тогда как сформировавшиеся правовые институты, в свою очередь, осуществляют обратное воздействие на идеологические доктрины и трансформируют доминирующие общественные настроения.

Идеология, представляя собой многомерный и внутренне дифференцированный феномен, пронизывает разнообразные сферы социального бытия, оказывая существенное детерминирующее воздействие на политические, экономические и культурные процессы, протекающие в рамках современного общества [2, с. 11].

Истоки идеологии восходят к древнейшим эпохам и обусловлены фундаментальным стремлением человека к осмыслению окружающей действительности, ее внутренних закономерностей и собственного положения в мироустройстве. На протяжении исторического пути цивилизации складывались разнообразные идеологические концепции, которые выступали отражением трансформирующихся экономических укладов, эволюционирующих форм политической организации общества и самобытных культурных традиций.

С позиции архитектуры идеология являет собой многоуровневое образование, включающее взаимосвязанную совокупность концептуальных установок, аксиологических ориентиров, мировоззренческих убеждений и регулятивных норм, детерминирующих восприятие индивидом социальной реальности и собственной роли в ней [3, с. 208]. Перечисленные элементы органично интегрированы в содержание образовательных программ, массмедийного пространства, религиозных вероучений и политических доктрин, оказывая тем самым существенное воздействие на конструирование как коллективного общественного сознания, так и индивидуальных мировоззренческих позиций.

Феномен идеологии, по мнению А. О. Иванова, обладает двойственной природой: с одной стороны, она выступает консолидирующей силой, способной интегрировать индивидов в единое сообщество посредством разделяемых убеждений и ориентировать их коллективные усилия на реализацию общезначимых целей, тогда как с другой – представляет собой потенциальный механизм манипулятивного воздействия и социального контроля [4, с. 33].

Идеологическое содержание характеризуется принципиальной нестабильностью и подвижностью, обусловленной его глубокой укорененностью в историческом контексте, социокультурной динамике и конъюнктуре политической повестки конкретного периода. Данное обстоятельство объясняет тот факт, что одно и то же доктринальное учение способно претерпевать кардинальные трансформации под воздействием меняющихся исторических условий и социальных обстоятельств [5, с. 58]. Вместе с тем, несмотря на указанную изменчивость, структурным фундаментом любой идеологической системы неизменно служат базовые аксиологические принципы, детерминирующие ее концептуальную сущность и вектор развития. Означенные принципы охватывают широкий спектр проблематики – от вопросов правового статуса личности и моделей социальной организации до характера экономических отношений и конструирования национальной идентичности [6, с. 129].

Необходимо констатировать, что идеология представляет собой многомерный и концептуально насыщенный феномен, оказывающий определяющее воздействие на конструирование общественного мировоззрения и политической культуры социума. Ее историческое происхождение, внутренняя организация и смысловое наполнение выступают отражением динамичной изменчивости и богатства человеческого опыта, превращая идеологические системы в действенный механизм детерминации исторических траекторий развития как общества в целом, так и государственных институтов в частности.

Что касается российской действительности, следует подчеркнуть, что идеологические концепции на протяжении всей отечественной истории оказывали и продолжают оказывать существенное формирующее влияние на правовую архитектуру государства и характер социально-политических процессов. Специфика восприятия либеральных, консервативных и социал-демократических доктрин в условиях российского общества наглядно демонстрирует принципиальное своеобразие трансформации западных идеологических парадигм применительно к национальному историко-культурному контексту, что закономерно предопределяет уникальность историко-правовых закономерностей государственного развития страны [7, с. 41].

Эволюция либеральной идеологии на территории Российского государства представляет собой сложную траекторию, берущую начало в эпоху постепенного складывания институтов граж-

данского общества, когда либеральные концепции обладали определенным, пусть и ограниченным, влиянием на общественно-политические процессы, и завершающуюся в условиях современной политической конфигурации фактической маргинализацией данного идейного течения. Предпринимавшиеся в различные исторические периоды – в частности, в эпоху реформаторской деятельности последних представителей династии Романовых, а впоследствии и в годы горбачевской перестройки – попытки инкорпорировать либеральные принципы в отечественное правовое пространство неизменно наталкивались на значительное сопротивление, детерминированное глубоко укоренившимися цивилизационными и историко-культурными факторами, принципиально отличающими российскую государственность от западных политических моделей [8, с. 24]. Вместе с тем было бы методологически некорректным полностью отрицать то концептуальное воздействие, которое либерализм оказал на формирование института частных прав личности и создание предпосылок для развития предпринимательской деятельности в российском обществе.

Консервативная идеология, в свою очередь, неизменно обретала благоприятные условия для своего укоренения и распространения в российском идеологическом пространстве. Пиетет перед историческими устоями, тяготение к централизованным формам государственного управления и приоритетная роль религиозного института в качестве фундаментальных опор общественной организации сформировали устойчивую почву для консолидации и воспроизводства консервативного мировоззрения [9, с. 28]. В контексте современной российской государственности консерватизм все отчетливее проявляет себя как доминирующая сила, оказывающая существенное воздействие на конфигурацию политического курса и архитектуру правовой системы, преследуя при этом цели поддержания социальной устойчивости и воспроизводства культурно-исторической идентичности.

Социал-демократическое течение в российской политической истории претерпевало чередующиеся фазы как стремительного подъема, так и глубокого упадка. Проследивая исторический путь от революционных преобразований начала прошлого столетия до непродолжительных периодов идеологического обновления в эпоху постсоветской трансформации, представляем возможным констатировать, что концепции социал-демократической направленности оказали существенное формирующее воздействие на становление системы социальных институтов и нормативно-правовой базы государства. Тем не менее в контексте современных российских политических реалий движения, придерживающиеся социал-демократической доктрины испытывают значительные структурные затруднения при реализации программных установок, обусловленные доминированием консервативных политических сил и устойчивыми авторитарными тенденциями в механизмах государственного управления [9, с. 85]. Считаем возможным подчеркнуть, что конфигурация идеологического пространства современной России детерминирована глубоким воздействием исторически укоренившихся ценностных ориентиров и самобытных культурно-цивилизационных характеристик, составляющих фундаментальную основу общественного мировоззрения.

Стремление к имплементации либо трансформации западных идеологических концепций неизбежно наталкивается на комплекс существенных противоречий, что в конечном счете обуславливает самобытность российской модели государственного развития, оказывая непосредственное воздействие на процессы становления и последовательного преобразования отечественной правовой системы [10, с. 24].

В контексте дискуссий, посвященных осмыслению национальной идеи, политической доктрины, государственной и национальной идеологии, а равно феномена русской идеи, вычленяется широкая совокупность концептуальных категорий, нуждающихся в углубленном систематическом изучении и всестороннем исследовании характера их взаимообусловленности. Научное осмысление указанных категорий представляется принципиально значимым для постижения историко-правового измерения идеологического феномена, поскольку каждая из них обнаруживает присущую ей концептуальную самостоятельность и содержательную специфику в контексте функционирования общественных институтов, политических механизмов и правовых отношений [11, с. 26].

Концепция национальной идеи представляет собой интегрированную совокупность мировоззренческих установок и аксиологических ориентиров, которые консолидируют представителей нации, обеспечивая их идентификацию в рамках единого социокультурного пространства и формируя устойчивую основу для общенациональной сплоченности. Данная концепция ори-

ентирована на воспроизводство и поступательное развитие культурных традиций, языкового своеобразия и исторической памяти народа, а также на выработку стратегических приоритетов и долгосрочных целей, разделяемых всеми членами общества.

Политическая идеология, в отличие от национальной идеи, функционирует как структурированная система теоретических концептов, нормативных принципов и ценностных императивов, детерминирующих вектор политической деятельности, а также совокупность инструментов и механизмов, посредством которых осуществляется достижение стратегических целей [12, с. 36]. Будучи доктринальным основанием политических партий, общественных движений и государственных институтов, политическая идеология выполняет ключевую роль в процессах политической мобилизации социума, обеспечивая интеграцию различных групп населения вокруг единых политических установок.

Официальная государственная идеология представляет собой синтез национальных и политических концептуальных основ, трансформирующихся в институционально закреплённую совокупность ценностных установок и целевых ориентиров, которые детерминируют направленность государственного управления, нормотворческой деятельности и реализации политического курса страны. Функциональное предназначение данной идеологии заключается в обеспечении социально-политической устойчивости общественной системы, стимулировании поступательного развития государственных институтов, а также в отстаивании национального суверенитета и защите стратегических интересов страны на международной арене [13, с. 14].

В дискурсе, посвящённом проблематике национальной идеологии, феномен русской идеи занимает исключительное положение, принципиально отличающее его от смежных концептуальных категорий. Данный философско-мировоззренческий конструкт значительно превосходит по своему содержательному наполнению традиционные представления о национальной идее, воплощая в себе многовековые интенции к постижению сущностных основ российской исторической судьбы, культурного своеобразия и духовной самобытности. В своей глубинной основе русская идея аккумулирует устремлённость нации к нравственному, духовному и цивилизационному самоопределению в контексте мировой истории.

Фундаментальная дилемма, возникающая при сопоставлении данных категорий, состоит в необходимости достижения равновесия между интересами коллективными и индивидуальными, между централизованным государственным регулированием и правом народов на самоопределение, между императивами стабильности и динамикой прогрессивного развития. Каждая из рассматриваемых идеологических систем привносит существенный вклад в конструирование интегрированной модели социальных взаимодействий, однако при условии гипертрофированного преобладания какой-либо одной из них неизбежно генерируются глубинные противоречия и деструктивные конфликты.

Детальное исследование указанных категорий обнаруживает принципиальную значимость их органичного взаимодействия для обеспечения эффективной государственной деятельности, поступательного развития гражданского общества и преемственности культурно-исторических традиций. Вместе с тем совершенно очевидна императивная потребность в систематическом поиске оптимального синтеза между обозначенными концепциями и идеологическими установками, что представляется одинаково злободневным как в контексте трансформации российского социума, так и применительно к глобальному международному сообществу в его совокупности.

Анализируя идеологический феномен в историко-правовом измерении, обратим особое внимание на уникальный путь, пройденный Россией в процессе конструирования собственной национально-государственной доктрины. В рамках многовекового российского исторического контекста данный процесс наглядно демонстрирует, каким образом идеологические концепции выступали в качестве инструмента консолидации многочисленных этнических групп и культурных традиций в целостную государственную систему, претерпевая существенные трансформации на протяжении различных исторических периодов и под воздействием меняющихся обстоятельств.

Начиная с ранних этапов своего становления, российская государственная идеология базировалась на триединой концептуальной основе, органично соединявшей в себе религиозное начало, монархический принцип и народный элемент, что в конечном счёте получило своё законченное доктринальное выражение в знаменитой триаде «Православие, Самодержавие, Народность», ставшей квинтэссенцией официальной государственной идеологии соответствующего исторического периода.

Данные элементы составляли основополагающую базу, на которой выстраивалась и эволюционировала российская государственная система, обеспечивая консолидацию политической власти и поддержание внутреннего единства. Существенное положение в системе русской идеологической мысли занимала концепция мессианского предназначения России, предполагавшая ее исключительную роль в мировом историческом процессе по отношению к иным народам и политическим образованиям.

В течение продолжительного исторического периода данная идеологическая система претерпевала трансформации, диктуемые меняющимися историческими реалиями, однако неизменно удерживала свои концептуальные основания. В имперскую эпоху она выступала в качестве теоретического обоснования политики территориальной экспансии, тогда как советский период ознаменовался попыткой интеграции национально-исторических традиций с доктриной коммунизма, результатом чего стало формирование самобытного социокультурного явления, не имевшего аналогов в мировой практике.

Нынешний период отечественной истории отмечен активными поисками обновленной национально-государственной идеологической парадигмы, призванной обеспечить адекватный ответ на многочисленные вызовы глобализационных процессов, одновременно выступая гарантом сохранения самобытной национальной идентичности и государственного суверенитета.

В плоскости правового анализа принципиально значимой характеристикой российской национально-государственной идеологии выступает ее нормативно-правовая закреплённость. В противовес широко укоренившейся в западных правовых системах концепции идеологической нейтральности государственных институтов российская модель предполагает непосредственное воплощение идеологических принципов в системе юридических актов, что детерминирует органическую встроенность идеологической составляющей в конструкцию государственного механизма. Данное обстоятельство, в свою очередь, порождает специфические закономерности как в сфере правоприменительной деятельности, так и в области нормативного регулирования общественных отношений на территории Российской Федерации.

Проведенный историко-правовой анализ феномена национально-государственной идеологии дает возможность проследить, каким образом фундаментальные идеологические установки, укоренившиеся в глубинных пластах общественного сознания, детерминировали и продолжают детерминировать магистральные векторы эволюции российской государственности. Означенные идеологические константы оказывали и по сей день оказывают существенное воздействие на конституирование социально-политического, культурного и правового пространства российского общества, что наглядно свидетельствует о самобытности и исторической исключительности цивилизационного пути России в общемировом контексте. Вся совокупность исторических процессов, протекавших на территории российского государства, органически сопряжена с непрекращающимися поисками и последовательным конструированием самостоятельной идеологической доктрины, призванной соответствовать как актуальным требованиям эпохи, так и насущным потребностям развивающегося общества.

В данном контексте принципиальное значение приобретает доктрина «русской идеи», представляющая собой самобытный путь государственного развития, фундаментом которого служат неповторимые историко-культурные и духовно-нравственные ориентиры российского народа. Генезис и последующая трансформация «русской идеи» в правовом и историческом измерениях воплощают в себе динамику общественно-политического дискурса в России, отображая глубинные устремления русского общества к осмыслению собственной идентичности и обретению суверенного самоопределения.

С точки зрения исторической ретроспективы, «русская идея» представляет собой многогранный концепт, претерпевший значительную трансформацию вследствие многочисленных интерпретаций и концептуальных переосмыслений, последовательно выдвигавшихся на протяжении различных исторических эпох выдающимися представителями философской и интеллектуальной мысли.

Концептуальное содержание «русской идеи» преимущественно раскрывается через призму универсального гармонического синтеза западной и восточной цивилизационных традиций, при котором духовно-нравственное измерение человеческого бытия последовательно утверждается в качестве доминирующего по отношению к материально-прагматическому [14, с. 35]. Принципиально значимым компонентом данной идеологической конструкции выступает тезис об исключительности российского исторического пути, органически сопротивляющегося какой-либо редукции к западноевропейским классификационным схемам и категориальным системам.

Применительно к правовой сфере следует констатировать, что «русская идея» оказала существенное формообразующее воздействие на становление отечественной государственно-правовой системы, пронизывая своим концептуальным содержанием как нормативно-законодательную базу, так и правоприменительную деятельность. Интеграция идеологических постулатов «русской идеи» в юридическую практику и научно-теоретические построения не только детерминировала развитие российского правосознания и юридической доктрины, но и выступала в роли катализатора, обусловившего качественную трансформацию и последовательную модернизацию отечественного права.

Следует подчеркнуть, что концепция «русской идеи», функционирующая в качестве идеологической основы государственного строительства, оказывает существенное влияние на современный дискурс относительно стратегических векторов развития российского общества. Данная интеллектуальная традиция неизменно служит источником вдохновения для представителей политической элиты, научного сообщества и публичных интеллектуалов, осуществляющих поиск оптимальных моделей социально-правовой организации, способных в наибольшей степени воплотить самобытность российской цивилизации, ее исторически сложившуюся траекторию и актуальные вызовы современности.

Из вышеизложенного следует, что «русская идея», рассматриваемая сквозь призму историко-правового анализа, представляет собой фундаментальный методологический инструмент постижения специфического пути эволюции российской государственности и социума, а также глубинных духовно-культурных оснований, детерминирующих их развитие на протяжении длительного исторического периода.

Заключение. Проведенное историко-правовое осмысление феномена идеологии в контексте российского государства позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Идеология в России исторически выполняла не только мировоззренческую, но и правообразующую функцию, влияя на содержание законов и институтов.

Взаимодействие либеральных, консервативных и социал-демократических идей создавало динамику общественно-политического развития, чередование периодов реформ и стабилизации.

Современное идеологическое пространство России характеризуется плюрализмом при доминировании умеренно-консервативных и социально-ориентированных установок.

Национальная идея способна стать консолидирующим фактором, если будет опираться на исторический опыт, правовые нормы и реальные потребности общества.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углубленным изучением механизмов влияния идеологических доктрин на правотворчество, анализом новых идеологических трендов в условиях глобальных вызовов, а также разработкой моделей ценностного консенсуса, отвечающих интересам российского общества и государства.

Список источников

1. Чернобель Г. Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал российского права. 2010. № 1 (157). С. 84–94.
2. Губерский Л. В. Идеологические стратегии и гуманитарные ценности // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 2013. № 1. С. 3–17.
3. Хмылев В. Л. Концепт идеологии и его интеграция в современную эпоху // Известия ТПУ. 2026. № 1. С. 206–211.
4. Иванов А. О. Влияние идеологии на образование и право: историко-правовое исследование // Новый ракурс. 2020. № 2. С. 32–38.
5. Максимов В. А. Государственная идеология в современной России – конституционно-правовой взгляд // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 11. С. 54–59.
6. Кротов А. В. Государственная идеология как обязательный признак конституционного государства // Lex russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 8. С. 123–132.
7. Вольтер О. В. Феномен либеральной, консервативной и социал-демократической идеологий в российском контексте // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 3. С. 38–44.
8. Охотский Е. В. Государственная идеология – неперенная составляющая успешной политики и созидającego государственного строительства // Право и управление. XXI век. 2022. № 4 (65). С. 19–33.
9. Овчинников А. И. Понятие государственной идеологии и ее функции в современном государстве // Философия права. 2012. № 2 (51). С. 84–89.

10. Ширинянц А. Консерватизм в современном идеологическом и политическом пространстве России // Россия и мусульманский мир. 2016. № 2 (284). С. 19–31.
11. Лапаева В. В. Национальная идея России как глобальный проект // История государства и права. 2023. № 9. С. 22–28.
12. Волков Ю. Г., Лубский А. В., Войтенко В. П. Возможности имплементации зарубежных моделей нациестроительства и национальной интеграции в российских условиях // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 15–32.
13. Астафичев П. А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18.
14. Вольтер О. В. Политическая, государственная и национальная идеология в контексте современной России // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. 2012. № 2. С. 32–38.

References

1. Chernobel' G. T. Pravovye principy kak ideologicheskaya paradigma // Zhurnal rossijskogo prava. 2010. № 1 (157). S. 84–94.
2. Guberskiy L. V. Ideologicheskie strategii i humanitarnye cennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12: Politicheskie nauki. 2013. № 1. S. 3–17.
3. Hmylev V. L. Koncept ideologii i ego integraciya v sovremennuyu ehphu // Izvestiya TPU. 2026. № 1. S. 206–211.
4. Ivanov A. O. Vliyaniye ideologii na obrazovanie i pravo: istoriko-pravovoe issledovanie // Novyj rakurs. 2020. № 2. S. 32–38.
5. Maksimov V. A. Gosudarstvennaya ideologiya v sovremennoj Rossii – konstitucionno-pravovoj vzglyad // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2024. № 11. S. 54–59.
6. Krotov A. V. Gosudarstvennaya ideologiya kak obyazatel'nyj priznak konstitucionnogo gosudarstva // Lex russica (Russkij zakon). 2023. T. 76. № 8. S. 123–132.
7. Vol'ter O. V. Fenomen liberal'noj, konservativnoj i social-demokraticheskoj ideologii v rossijskom kontekste // Izvestiya vuzov. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2011. № 3. S. 38–44.
8. Ohotskiy E. V. Gosudarstvennaya ideologiya – nepremennaya sostavlyayushchaya uspešnoy politiki i sozidayushchego gosudarstvennogo stroitel'stva // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2022. № 4 (65). S. 19–33.
9. Ovchinnikov A. I. Ponyatie gosudarstvennoj ideologii i ee funkcii v sovremenном gosudarstve // Filosofiya prava. 2012. № 2 (51). S. 84–89.
10. Shirinyanc A. Konservatizm v sovremenном ideologicheskom i politicheskom prostranstve Rossii // Rossiya i musul'manskij mir. 2016. № 2 (284). S. 19–31.
11. Lapaeva V. V. Nacional'naya ideya Rossii kak global'nyj proekt // Istoriya gosudarstva i prava. 2023. № 9. S. 22–28.
12. Volkov Yu. G., Lubskij A. V., Vojtenko V. P. Vozmozhnosti implementacii zarubezhnyh modelej naciestroitel'stva i nacional'noj integracii v rossijskih usloviyah // Gumanitarij Yuga Rossii. 2017. № 6. S. 15–32.
13. Astafichev P. A. Konstitucionnyj zapret na gosudarstvennuyu ili obyazatel'nuyu ideologiyu: k voprosu o doktrinal'nom osmyslenii i obosnovanii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2022. № 8. S. 12–18.
14. Vol'ter O. V. Politicheskaya, gosudarstvennaya i nacional'naya ideologiya v kontekste sovremennoj Rossii // Izvestiya vuzov. Sociologiya. Ekonomika. Politika. 2012. № 2. S. 32–38.

Шишханов Камиль Умаралиевич,

научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;
89275240075@mail.ru

Shishkhanov Kamil Umaralievich,

Research Fellow at Research Center No. 5 of the National Research Institute
of the Ministry of Interior of the Russian Federation;
89275240075@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2026; одобрена после рецензирования 23.05.2026; принята к публикации 29.05.2026.

The article was submitted 19.05.2026; approved after peer reviewing 23.05.2026; accepted for publication 29.05.2026.

* * *

УДК 342.2

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТАТУС КРЫМА В СССР
В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ПРАВОВЫХ ОСНОВАНИЙ
ЕГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В СОСТАВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ. ГЕНЕЗИС КРЫМСКОГО КАЗУСА:
ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКОГО ФЕДЕРАЛИЗМА
И ПАРАДОКСЫ КРЫМСКОЙ АВТОНОМИИ**

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
grachev.n.i@mail.ru

Аннотация: Работа посвящена поискам и анализу историко-правовых оснований возвращения Крыма в состав Российской Федерации. В ее первой части показывается недостаточность правовых аргументов, выдвинутых российской стороной в обоснование законности и легитимности выхода Крыма из состава Украины, и аргументируется необходимость привлечения новых доводов историко-правового характера для доказательства правомерности действий Российского государства, народа Крыма и населения Севастополя при воссоединении Крыма с Россией. Это событие принадлежит к таким случаям в практике международных отношений, для юридической оценки которых необходимо опираться не только на принципы и институты международного права, но и изучение истоков сложившейся ситуации, исторических фактов, имеющих юридическое значение и приведших к возникновению международно-правового конфликта. За время существования СССР статус Крыма менялся не менее пяти раз, и с момента юридически ничтожной передачи Крымской области из РСФСР в УССР в 1954 г. это приобрело характер правовой неопределенности, еще более усилившейся в период конституционной реформы в СССР 1989–1991 гг. После его фактического упразднения, продолжая оставаться таковым вплоть до 2014 г. Поэтому правильная юридическая оценка возвращения Крыма в состав России может быть дана, только если понимать его как продолжающийся процесс распада СССР и переустройства того геополитического пространства, которое он занимал, а также его возможной реинтеграции в какой-либо обозримой перспективе. В связи с этим исследуются особенности советского федерализма и специфические черты Крымской АССР, послужившие побудительным мотивом ее антиконституционного преобразования в административно-территориальную единицу после Великой Отечественной Войны, что существенно облегчило ее последующую противоправную передачу в 1954 г. из РСФСР в состав УССР и послужило важнейшей предпосылкой международно-правовых коллизий, связанных с возвращением Крыма в состав Российской Федерации.

Ключевые слова: Крымская АССР, советский федерализм, советская автономия, международное право, юридические коллизии, Конституция Крымской АССР, Конституция РСФСР, распад и правопродолжательство СССР.

Для цитирования: Грачев Н. И. Конституционный статус Крыма в СССР в контексте проблематики правовых оснований его возвращения в состав Российской Федерации. Статья первая. Генезис крымского казуса: особенности советского федерализма и парадоксы Крымской автономии // Трактакт правовых инициатив. 2026. № 2. С. 28–39.

**THE CONSTITUTIONAL STATUS OF CRIMEA
IN THE USSR IN THE CONTEXT OF THE LEGAL GROUNDS
FOR ITS RETURN TO THE RUSSIAN FEDERATION,
THE FIRST ARTICLE. THE GENESIS
OF THE CRIMEAN INCIDENT: FEATURES OF SOVIET FEDERALISM
AND THE PARADOXES OF CRIMEAN AUTONOMY**

Nikolay Ivanovich Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
grachev.n.i@mail.ru

Abstract: The work is devoted to the search and analysis of the historical and legal grounds for the return of Crimea to the Russian Federation. The first part shows the insufficiency of the legal arguments put forward by the Russian side to substantiate the legality and legitimacy of Crimea's secession from Ukraine, and argues for the need to use new historical and legal arguments to prove the legitimacy of the actions of the Russian state, the people of Crimea and the population of Sevastopol during the reunification of Crimea with Russia. This event belongs to such cases in the practice of international relations, for the legal assessment of which it is necessary to rely not only on the principles and institutions of international law, but also to study the origins of the current situation, historical facts of legal significance and which led to the emergence of an international legal conflict. During the existence of the USSR, the status of Crimea has changed at least five times since the legally insignificant transfer of the Crimean region from the RSFSR to the Ukrainian SSR in 1954. It acquired the character of legal uncertainty, which intensified even more during the period of constitutional reform in the USSR in 1989-1991, and after its actual abolition, continuing to remain so until 2014. Therefore, a correct legal assessment of the return of Crimea to Russia can only be given if it is understood as an ongoing process of the collapse of the USSR and the restructuring of the geopolitical space it occupied, as well as its possible reintegration in any foreseeable future. The article examines the features of Soviet federalism and the specific features of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, which motivated its unconstitutional transformation into an administrative-territorial unit after the Great Patriotic War, which greatly facilitated its subsequent illegal transfer in 1954 from the RSFSR to the Ukrainian SSR and served as the most important precondition for international legal collisions related to the return of Crimea to the composition of the Russian Federation.

Keywords: Crimean ASSR, Soviet federalism, Soviet autonomy, international law, legal collisions, Constitution of the Crimean ASSR, Constitution of the RSFSR, disintegration and succession of the USSR.

For citation: Grachev N. I. The Constitutional Status of Crimea in the USSR in the Context of the Legal Grounds for its Return to the Russian Federation The First Article. The Genesis of the Crimean Incident: Features of Soviet Federalism and the Paradoxes of Crimean Autonomy. Journal of Legal Initiatives, 28–39, 2026. (In Russ.).

Крымский полуостров в силу своего географического положения и уникальных природных условий с древнейших времен является перекрестком морского транзита между Европой и Юго-Восточной Азией. Несколько тепловодных портов делают его стратегическим плацдармом, позволяющим иметь прямой выход на Балканы, Малую Азию, Кавказ и просторы Восточно-Европейской равнины. Контроль над Крымом позволяет доминировать в Северном Причерноморье и бассейне всего Черного моря¹, обеспечивая выход в Средиземноморье, к Атлантическому и Индийскому океанам. Военно-политическая борьба за Крым ведется как минимум с XV в. И сейчас на нем сходятся геополитические интересы, потребности и цели самых разных стран², поэтому воссоединение Крыма с Россией, произошедшее в 2014 г., очень важно для нее, прежде всего, с точки зрения стратегической безопасности. Нет сомнения, что в случае промедления со стороны России в феврале–марте 2014 г. ее уступки политическому давлению

¹ См.: Британский полковник Кроуфорд объяснил стратегическое значение Крыма для Украины. URL: <https://vz.ru/news/2023/3/8/1202293.html> (дата обращения: 01.12.2025).

² Гресь Р. А. Проблема геополитического значения Крыма в истории и современном мире: геополитическая «роза ветров» // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 8. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/08/84238> (дата обращения: 01.12.2025).

со стороны коллективного Запада или поисков компромисса с ним Крым достаточно скоро стал бы базой НАТО.

Однако в настоящее время присоединение Крыма можно считать вполне легитимным лишь с точки зрения современного конституционного права России. Подавляющее большинство российских исследователей в качестве доказательств правомерности вхождения Крыма в состав России указывают на чрезвычайные обстоятельства, сложившиеся на Украине после государственного переворота в феврале 2014 г. По сути они прекратили действия ее Конституции и создали в стране угрозу гражданской войны, грозящей трагическими последствиями для населения Республики Крым, что и дало правовое основание поставить вопрос о его выходе из состава Украины и провести по нему референдум [1; 2; 3; 4, с. 9-45]. Все это действительно должно рассматриваться как совокупность значимых юридических фактов, послуживших побудительной причиной вхождении Республики Крым в состав России.

Международные организации признают нахождение Республики Крым и Севастополя в составе России только де-факто, но не де-юре. Принятые под давлением США и других западных стран резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не восприняли эти доказательства как достаточные, признав, «что референдум, проведенный в Автономной Республике Крым и городе Севастополе 16 марта 2014 г., не имеет законной силы и не может быть основой для любого изменения статуса Автономной Республики Крым или города Севастополя»¹. Присоединение Крыма и Севастополя к России называют аннексией и временной оккупацией части территории Украины². Основными доводами в обоснование этой позиции в публикациях западных специалистов выступают: а) нелегальность сепарации Республики Крым из состава Украины, что выразилось в грубом нарушении его органами власти, организовавшими проведение референдума о присоединении Крыма к России, украинской Конституции, в соответствии с которой «Украина является унитарным государством», ее «территория в пределах существующей границы целостна и неприкосновенна», а «Автономная Республика Крым является неотъемлемой частью Украины» (ст. 2 и 134 Конституции Украины); б) нарушение российской стороной международно-правовых договоренностей, действующих между Россией и Украиной по поводу уважения территориальной целостности последней³; в) применение Россией военной силы для того, чтобы взять под контроль полуостров и заставить украинских военных отказаться от вмешательства в процесс деления [5; 6].

Сложность и противоречивость международно-правового подхода к рассматриваемым событиям заключается в том, что современное международное право, его процедуры и механизмы выстраивались под стабильное состояние международных отношений и не приспособлены для разрешения конфликтов цивилизационного и геополитического характера. Поддержание международного правопорядка в их условиях требует разработки специальных норм и процедур, когда «наряду с *ординарным международным публичным правом*» существовало бы и «**экстраординарное международное публичное право**» [4, с.77]. Однако, пока оно не сложилось, не исключено, что после окончания специальной военной операции Крым может снова стать предметом международных споров. По-видимому, Российской Федерации, с учетом уже использованных аргументов о легитимности крымского референдума, следует найти новые доводы и основания правомерности воссоединения Крыма с Россией. Для этого, на наш взгляд, необходимо признать, что все юридические коллизии, связанные с присоединением Крыма, сам вооруженный конфликт на Украине, продолжающийся уже более двенадцати лет, нерешенные проблемы в Закавказье и Средней Азии и т. п. представляют собой **политические последствия фактического развала СССР – незаконного с позиции всех критериев легитимности и легальности**, как с точки зрения конституционного, так и международного права. Именно это является одной из основных причин военно-политических конфликтов на постсоветском

¹ О территориальной целостности Украины: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES 68/262 от 27 марта 2014 г. URL: <https://guam-organization.org/rezolyutsiya-ga-oon-68-262-o-territorialnoj-tselostnosti-ukrainy/> (дата обращения: 10.12.2025).

² Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь Украины, а также районов Черного и Азовского морей: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 2018 г. № A/RES/73/194. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/451/05/pdf/n1845105.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).

³ Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия: междунар. договор от 5 декабря 1994 г. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%203007/Part/volume-3007-I-5224> (дата обращения: 12.12.2025); Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной. Ратифицирован Федеральным законом РФ от 2 марта 1999 г. № 42-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

пространстве, которые невозможно преодолеть без адекватного разрешения вопросов юридического наследства СССР, прежде всего проблем правопродолжательства (континуитета) по отношению к нему. Пока этого не будет сделано, перманентно тянущиеся и возникающие конфликты на постсоветском пространстве не прекратятся, существующие границы постсоветских государств не будут окончательно установлены, а политическая карта Евразии не станет стабильной.

Урегулирование указанных проблем невозможно вне анализа историко-правового контекста и при игнорировании условий и обстоятельств, которые влияли на принятие тех или иных юридических документов в конце 80-х и в 90-е годы минувшего столетия. Правильная юридическая оценка возвращения Крыма в состав России может быть дана, только если понимать его как продолжающийся процесс распада СССР и переустройства того геополитического пространства, которое он занимал, а также его возможной реинтеграции в какой-либо обозримой перспективе.

В связи с этим обратим внимание, что в основание трактовок правомерности или неправомерности воссоединения Крыма с Россией обеими сторонами конфликта, международными организациями и аналитиками кладется прежде всего вопрос законности акта «сецессии», т. е. выхода Республики Крым из состава Украины. Именно так трактуются принятие Декларации о независимости Крыма и Севастополя Верховным Советом Автономной Республики Крым и Севастопольским городским Советом от 11 марта 2014 г.¹ и постановления о независимости Крыма Верховным Советом Крыма 17 марта 2014 г.² по результатам референдума о вхождении Крыма в состав Российской Федерации, проведенного 16 марта 2014 г. В преамбуле этого постановления также указывается, «что народы Крыма высказались за вхождение в состав России и, следовательно, за выход из состава Украины». Указанная трактовка практически отождествляет фактическое и правовое состояния нахождения Крымского полуострова в составе Украины со статусом Автономной Республики Крым, которые на самом деле на момент принятия этих актов не совпадали, о чем свидетельствует анализ сюжетных поворотов, метаморфоз и трансформаций правового положения Крыма. Оно за годы существования Советского Союза менялось не менее пяти раз и с момента юридически ничтожной передачи Крымской области из РСФСР в УССР в 1954 г. приобрело характер правовой неопределенности, еще более усилившейся в период конституционной реформы в СССР 1989–1991 гг., и после его фактического упразднения, продолжая оставаться таковым вплоть до 2014 г. И прежде чем переходить к международно-правовым аспектам возвращения Крыма в состав России, необходимо разобраться с его конституционно-правовым статусом на протяжении этого времени.

Часть 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации утверждает «преемственность в развитии Российского государства», «объединенного тысячелетней историей» и признает его «исторически сложившееся государственное единство»³. В связи с этим требует развенчания бытующее еще со времен «горбачевской перестройки» мнение о том, что коренным населением Крыма являются крымские татары. Русские появились в Крыму на три столетия раньше татар, когда в середине 60-х гг. X в. князь Святослав закончил свой поход против хазар на Таманском полуострове, ставшего с того времени русским Тмутараканьским княжеством [7, с. 376–377]. Татары же обосновались в восточной части полуострова во второй половине XIII в., когда в г. Солхат, переименованном позднее в Кырым, появилась золотоордынская администрация. И только с начала XIV в. они постепенно оседают на всей территории Тавриды, а сам полуостров со временем начинает именоваться Крым [8, с.191]. В конце XV века Крымское ханство стало вассалом Османской империи. А по результатам русско-турецких войн XVIII в. по Высочайшему Манифесту императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. Крым был возвращен России⁴ и вошел в состав Таврической губернии, что было признано Турцией в ст. II Ясского мирного договора между нею и Россией от 29 декабря 1791 г.⁵

¹ Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополя (утв. постановлением Верховного Совета Автономной Республики Крым и постановлением Севастопольского городского Совета 11 марта 2014 г.) // Справ.-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/70619906/> (дата обращения: 17.12.2025).

² О независимости Крыма: постановление Верховной Рады Автономной Республики Крым от 17 марта 2014 г. № 1745-6/14. URL: e.org/wiki/Постановление_ВР_АРК_от_17.03.2014_№_1745-6/14 (дата обращения: 17.12.2025).

³ Конституция Российской Федерации (Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

⁴ Высочайший Манифест о принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, подъ Российскую Державу (1783 г. Апрель 08). URL: <https://web.archive.org/web/20230928173713/> https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1783_04_08_01 (дата обращения: 21.12.2025).

⁵ Ясский мирный договор между Российской и Османской империями: трактат вечного мира и дружбы, заключенный между Империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в Яссах в 29 день Декабря 1791-го года чрез назначен-

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. в принятой 10 июля 1918 г. Конституции РСФСР Россия была провозглашена федерацией¹, принципом построения которой стала национально-территориальная автономия политического характера на базе компактно проживающих этнических групп, создание которых рассматривалось в контексте реализации права наций на самоопределение. Первоначально создание советских автономных республик происходило снизу, по непосредственному волеизъявлению трудящихся масс и местных органов власти. После гражданской войны решения по их созданию принимались актами высших государственных органов РСФСР по согласованию с местными и закреплялись учредительными съездами советов соответствующих территорий, подтверждающими волю населения к образованию собственной национальной государственности, на которых принимались конституции республик, формировались их органы власти и управления и решались другие вопросы учредительного характера и значения [9, с. 90–91, 186–203]. В соответствии с Конституцией РСФСР 1925 г., принятой на основе Конституции СССР 1924 г., конституции автономных республик представлялись на утверждение ВЦИК и на окончательное утверждение Всероссийского Съезда Советов². Сами же учредительные съезды советов автономий рассматривались как акты самоопределения их народов и важные вехи на пути превращения «бывших колониальных» и «феодалных» народов Российской Империи в социалистические нации.

В отличие от других автономных республик на территории Крыма отсутствовала основная национальная группа, составляющая большинство населения, формой самоопределения которой должна была стать сформованная здесь автономия. По итогам предварительной переписи 1921 г. крымские татары составляли в Крыму всего 25,9 %, что, однако, стало результатом массовой эмиграции русского населения с его территории за годы гражданской войны [10]. Согласно переписи 1939 г. татары составляли уже лишь 19,4 % от населения республики [8, с. 204]. Тем не менее создание автономии в Крыму увязывалось с решением национального вопроса, что мотивировалось его далеким окраинным положением и сложной многоэтнической структурой [9, с. 191–192], где проживали представители 70 национальностей, а русские и украинцы составляли 51,5 % населения [10]. В то же время название республики оказалось привязанным к названию территории Крымского полуострова, на котором она была образована.

Статус Автономной Советской Социалистической Республики Крым получил Декретом ВЦИК и СНК РСФСР в октябре 1921 г.³, а 10 ноября 1921 г. Учредительный Всекрымский Съезд Советов принял его первую Конституцию, которая из всех этнических меньшинств, проживающих в Крыму, наиболее значительной признала татарскую народность, установив в качестве государственных языков Крымской АССР русский и татарский (ст. 2)⁴. После образования в 1922 г. СССР Крымская АССР осталась в составе РСФСР в качестве одного из ее субъектов. При этом важно, что союзные республики обладали по Конституциям СССР 1924 и 1936 гг. статусом суверенного государства, а автономные республики наделялись целым рядом юридических признаков, свойственных государствам, и признавались в партийных документах «суверенными в своих внутренних делах» [11, с. 145], хотя это и не было закреплено нормативно. По конституционному законодательству они характеризовались как социалистические государства, входящие в состав РСФСР и осуществляющие государственную власть на автономных началах (ст. 1 Конституции Крымской АССР 1937 г.⁵).

30 июня 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено представление Верховного Совета РСФСР о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область

ных к тому с обеих Сторон Полномочных и подтвержденный обоюдными Государскими Ратификациями разменными между взаимными Полномочными в Яссах в 29 день Генваря 1792 года. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Ясский_мирный_договор (дата обращения: 21.12.2025).

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

² Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Об Автономной Крымской Советской Социалистической Республики: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 октября 1921 г. URL: <https://diletant.media/articles/43933265/> (дата обращения: 23.12.2025).

⁴ Конституция (Основной закон) Крымской Автономной Социалистической Советской Республики. Утв. постановлением I Учредительного Всекрымского Съезда Советов от 10 ноября 1921 г. URL: <https://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1921.htm> (дата обращения: 23.12.2025).

⁵ Конституция (Основной закона) Крымской Автономной Советской Социалистической Республики. Симферополь: Гос. изд-во Крым. АССР, 1937.

в составе РСФСР¹. Его юридическое обоснование излагалось в Законе РСФСР от 25 июня 1946 г. «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область», где указывалось, что «во время Великой Отечественной войны... многие чеченцы и крымские татары... вступали в организованные немцами добровольческие отряды и вместе с немецкими войсками вели вооруженную борьбу против частей Красной Армии, по указке немцев создавали диверсионные банды для борьбы с Советской властью в тылу, причем основная масса населения Чечено-Ингушской и Крымской АССР не оказывали противодействия этим предателям Родины». В связи с этим они «были переселены в другие районы СССР, где были наделены землей с оказанием необходимой государственной помощи по их хозяйственному устройству»².

В 1989–1991 гг. в период перестройки нормативными актами Союза ССР переселение народов во время Великой Отечественной Войны было признано преступным и незаконным. Незаконной была признана ликвидация целого ряда национально-государственных образований и отменены нормативные акты, на основе которых она производилась, включая Указ Президиума Верховного Совета СССР «О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР»³.

Не давая развернутой политической и правовой оценки актам, на основе которых депортировались отдельные народы Советского Союза и упразднялись некоторые советские автономии в 1940-х гг., перестроечным актам по их отмене и реабилитации депортированных народов в конце 1980 – начале 1990-х гг., поскольку эта тема нуждается в самостоятельном исследовании, отметим только, что политическая конъюнктура довлела над их принятием и в том, и в другом случае. В этом нет ничего необычного или противоестественного, ведь «все юридическое в основе своей имеет политическую природу» [12, с. 635]. Вызывает удивление, однако, с какой легкостью и быстротой, не принимая во внимание экстраординарные условия, в которых находилась страна в 1944–1945 годах, Верховный Совет СССР в период «перестройки», не удосужившись мотивировать незаконность нормативных актов 1940-х гг. о депортации, отменил их, заменив правовую аргументацию декларативными заявлениями о том, что выселение в годы Второй мировой войны из родных мест балкарцев, ингушей, калмыков, карачаевцев, крымских татар, немцев, турок-месхетинцев, чеченцев явилось «варварскими акциями сталинского режима»⁴. На наш взгляд, отмена актов 1940-х гг. о депортации назрела гораздо раньше, чем это было сделано, но отменять их нужно было по причине устранения обстоятельств, послуживших их принятию.

Ирония истории в данном случае состоит в том, что анализ самих нормативных актов высших органов государственной власти СССР перестроечных времен показывает абсурдность юридической оценки событий почти полувековой давности с позиций современности. При этом их сравнение с нормативными актами сталинской эпохи, если рассматривать их с точки зрения вызванных политико-правовых последствий, будет совсем не в их пользу. Оценивать их содержание необходимо не в привязке к абстрактному гуманизму, а конкретно-исторически, с позиций выживания и воспроизводства государствообразующего народа и укрепления суверенитета государства. Если результатом правотворчества 40-х – начала 50-х годов XX века стали победа советского народа в Великой Отечественной войне, рекордное по темпам восстановление народного хозяйства страны и превращение СССР в одну из двух сверхдержав мира, то итогом процессов «революционного обновления советского общества», его «демократизации и очищения всех сторон жизни от деформаций и искажений общечеловеческих принципов гуманизма»⁵

¹ О преобразовании Крымской АССР в Крымскую область в составе РСФСР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. URL: <https://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/1945-46.htm> (дата обращения: 23.12.2025).

² Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область: закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 25 июня 1946 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/165561> (дата обращения: 21.12.2025).

³ См.: Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов подвергшихся насильственному переселению и обеспечения их прав: постановление Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. № 2013-1. Справ.-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/6336492/> (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав: декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.

⁵ См.: О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав: декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1989. № 23. Ст. 449.

оказался развал страны, непрекращающиеся военно-политические конфликты на постсоветском пространстве и новая «холодная» война правопродолжателя Советского Союза – современной России с коллективным Западом, грозящая вот-вот перерасти в терминальную фазу. Все это предполагает историческую переоценку сталинского и горбачевско-ельцинского периодов отечественной истории, а также глубокий юридический анализ законности и правомерности правовых актов, принятых в период «горбачевской перестройки», приведшей к развалу СССР.

Вопрос упразднения Крымской АССР в 1945 г. требует специального исследования как минимум по следующим причинам. Во-первых, его процедура явно нарушала действующее в тот период конституционное законодательство и может быть охарактеризована с позиции действующего тогда советского законодательства как конституционно-правовой деликт, который и является изначальным основанием крымского международно-правового казуса и во многом самой украинской проблемы. Этот случай – яркое свидетельство, что пренебрежительное отношение к праву, конституционным нормам и юридическим процедурам приводит к самым негативным политическим последствиям, причем чаще всего отложенным.

Во-вторых, автору в частных беседах неоднократно приходилось слышать, что в сложившихся после Великой Отечественной войны условиях такое решение было политически оправданно и (или) целесообразно. Однако именно преобразование Крымской АССР в Крымскую область существенно облегчило ее последующую передачу в 1954 г. из состава РСФСР в состав УССР¹ – такую же антиконституционную передачу, как и ликвидация автономии в 1945 г., что стало уже непосредственной причиной череды геополитических и международно-правовых проблем. Исходя из этого, безусловно, преобразование Крыма из автономной республики в область оказалось грубой политической ошибкой. Это была одна из немногих политических ошибок И. В. Сталина, негативный эффект которой он не только не смог просчитать, но которого как раз стремился избежать, принимая решения об изменении статуса Крыма. Ее результатом стало немыслимая в сталинскую эпоху безответственная передача исключительно важного в военном и геополитическом отношении региона, руководство которым фактически осуществлялось напрямую из Москвы, Украине, претендовавшей на него еще в начале 1920-х гг., в момент образования Крымской АССР. В то же время необходимо понять природу этой ошибки, во многом обусловленную происхождением советского федерализма, имеющего своими доктринальными истоками идеологию «красного» глобализма и просвещенческую, модернистско-конструктивистскую и позитивистскую концепцию национального строительства на основе принципа самоопределения этносов в многосоставных обществах традиционного типа.

«Красная глобализация» нашла свое выражение в провозглашении на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. основной программной целью компартии совершение мировой революции как необходимой предпосылки построения на всей планете коммунистического общества. Федерация рассматривалась в этом аспекте как наиболее подходящая модель перехода к добровольному слиянию наций [13, с. 76], а объединение государств, организованных по советскому типу – как переходная форма на пути к их полному единству². Это предопределило и то предпочтение, которое было отдано при образовании СССР в 1922 г. ленинской концепции договорной (союзной) федерации в противовес сталинскому плану «автономизации», по которому все образованные на тот момент советские республики должны были войти в состав РСФСР на правах автономных образований.

Свою негативную роль при попытке реализации этого проекта сыграла западно-европейская концепция наций, получившая свое первоначальное воплощение в создании национальных государств в результате буржуазных революций конца XVIII в. и национально-освободительных движений XIX в. в Европе и Америке и считающая национальную идентичность народов единственно правильной [14, с. 19–21]. Эту просвещенческую парадигму разделяло и руководство российской Компартии, полагая возникновение и формирование наций неизбежным этапом развития человечества, а нации – современной (постфеодальной) моделью социально-политической организации. Принятие федеративной территориальной организации государства

¹ О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР: указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1954 г. Справ.-правовая система «ГАРАНТ». URL: <https://base.garant.ru/185534/> (дата обращения: 27.12.2025).

² Программа Российской коммунистической партии (большевиков): принята VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г. URL: https://samlib.ru/k/kucher_p_a/00121_programma_rkpb.shtml (дата обращения: 28.12.2025).

первоначально РСФСР, а затем и Советским Союзом было во многом обусловлено необходимостью решения национального вопроса.

Можно сказать, что советский федеративный проект родился как уступка этно-политическим движениям на окраинах бывшей Российской империи, став основной формой нациестроительства в постреволюционном многоэтническом обществе и одним из главных средств его модернизации [15, с. 38]. Это сделало политико-территориальное устройство СССР уникальным явлением в истории федеративного и государственного строительства в целом. Декларируя цели мировой революции и интернационализма, СССР в то же время стал формой сохранения исторической России на основе установления кардинально новых межэтнических отношений [16, с. 16], что предопределило существенную амбивалентность и известную противоречивость в его национально-государственной организации, вызванную конкуренцией между двумя, на первый взгляд, несовместимыми парадигмами: интернациональным характером Советского государства и социалистического строительства как такового, с одной стороны, и национального принципа образования союзных и автономных республик как субъектов федерации, с другой. Тем самым в основу территориальной организации страны была положена идея политизации этничности, целью которой являлось нахождение оптимальной государственной формы, способной обеспечить стране политическое единство, победу в гражданской войне и дальнейшее социалистическое строительство.

Чтобы восстановить государство и удержать в своих руках власть, лидеры большевистской партии (прежде всего Ленин и Сталин) пошли на то, чтобы разделить территорию страны на десятки национальных единиц разного уровня и статуса (от формально суверенных союзных республик до административно автономных областей и округов), сформировать в них новую национальную элиту, развивать национальное самосознание этнических меньшинств, проводить экономическое выравнивание территорий и создавать новую, социалистическую по содержанию и национальную по форме, культуру. Тем самым в 1918–1922 гг. большевиками была изобретена формула удержания в своих руках государственной власти в бывшей Российской империи [17, с. 12–46].

Союзные и автономные республики Советского Союза создавались на базе компактного проживания этнических меньшинств, выступая формами их национального самоопределения. В них обязательно выделялась титульная нация, под которой в советской практике национального строительства понималась часть населения, этническая принадлежность которого определяла официальное наименование данного государства [18, с. 728]. Это предопределило практику коренизации, ставшую одним из важнейших направлений национальной политики советского государства в 1920 – начале 1930-х гг., которая предусматривала подготовку, выдвижение и использование в республиках национальных кадров для работы в государственных, партийных, общественных, хозяйственных органах, и организацию официального делопроизводства на родных языках этих народов, наряду с русским, что повышало степень участия этнических групп в социалистическом строительстве и обеспечивало равноправие народов СССР. Само создание субъектов федерации и автономий по этническому принципу можно рассматривать как проявление принципа коренизации [16, с. 20, 34]. Эту линию в качестве основного курса в разрешении национального вопроса фактически установил еще X съезд РКП(б) в марте 1921 г. [19, с. 579], хотя считается, что официально она была провозглашена на XII съезде, проходившем в апреле 1923 г. [20, с. 695–696].

Одной из основных особенностей Крымской АССР являлся ее многоэтнический состав. И по сути Крымская АССР была образована не по национальному признаку, как практически все советские автономии, а по сугубо территориальному. Ни в названии Крымской АССР, ни в ее правовых актах титульная нация никогда не выделялась и не определялась [21, с. 138].

Тем не менее в соответствии с господствующей в национальной политике тенденцией к статусу Крымской АССР был добавлен «национальный антураж» [22, с. 203], что выразилось, во-первых, в провозглашении в ее Конституции 1921 г. государственным языком республики, наряду с русским, татарского языка (ст. 2), а во-вторых, в процессах татаризации состава партийно-государственных органов как результата целенаправленных действий центральной и местной власти по вовлечению представителей крымско-татарского народа в управление автономией и выравнивании его социального положения с русским и другими народами [23].

Более того, Крым стал регионом апробирования политики коренизации [24, с. 46–48], где с начала 1921 г. партийные и советские руководящие работники из числа татар стали

активно добиваться татаризации государственного аппарата в Крыму¹. Данный процесс шел трудно и болезненно, сопровождался ошибками и перегибами. Однако это создавало у части крымско-татарского населения представление о национальном характере Крымской АССР [25, с. 103–109], провоцируя у него проявления национализма, которые стали пресекаться центральной властью, что привело в конечном итоге к коррекции политического курса. Татаризация перестала господствовать на территории полуострова, сосредоточившись в районах, где крымские татары составляли большинство населения. В новой редакции Конституции Крымской АССР, принятой в 1929 г., русский и татарский языки уже названы не государственными, а общеупотребительными, в то же время каждому гражданину обеспечивалась возможность в его сношениях с государственными органами и общественными организациями пользоваться родным языком (ст. 6)².

Было пересмотрено и административное деление республики. Вместо 10 образovali 16 районов, границы которых более-менее согласовывались с расселением по национальному признаку: пять татарских (Судакский, Алуштинский, Бахчисарайский, Ялтинский и Балаклавский), один немецкий (Биюк-Онларский) и один еврейский (Фрайдорфский). Другие районы имели смешанный состав населения, и национально-территориальное районирование осуществлялось в них (так же как в некоторых национальных районах) на уровне сельсоветов³.

Таким образом, административные меры, проводимые в ходе политики коренизации и направленные на усиление языкового и культурного влияния татар в Крымской АССР, не привели к значительным результатам в силу малочисленности этой этнической группы, ее анклавного расселения и культурной отсталости [21, с. 142–143]. С начала 1930-х годов здесь был взят курс на удовлетворение запросов всех национальных меньшинств. В Конституции Крымской АССР 1937 г. понятие государственного языка уже отсутствует, а предусматривается лишь публикация законов Крымской АССР на русском и татарском языках (ст. 24), а ведение судопроизводства «в сельских районах, районах городов и поселках с большинством татарского населения – на татарском языке, в сельских районах, районах городов и поселках с большинством русского населения – на русском языке, в сельских районах и поселках с большинством немецкого или еврейского населения – соответственно на немецком или еврейском языках, а в центральных судебных учреждениях – на татарском и русском языках с обеспечением для лиц, не владеющих этими языками, полного ознакомления с материалами дела через переводчика, а также права выступать на суде на родном языке» (ст. 78).

Все перечисленное существенным образом отличало Крымскую АССР от других автономных республик и было связано с тем, что здесь не было преобладания какого-то коренного населения. Поэтому, ни де-факто, ни де-юре создание национальной автономии в Крыму было невозможно, во-первых, из-за слишком пестрого национального состава населения, а во-вторых, потому, что попытка ее создания, как показала практика, не позволяла эффективно выполнить задачи социалистического строительства, как их понимала правящая коммунистическая партия. В результате реальная довоенная этнополитика советской власти в Крыму носила двойственный характер. Доктринально она выступала проекцией указанной выше идеологической конструкции национального строительства, но на практике оказывалась бесконечным лавированием между различными этническими группами и поэтому отличалась значительной противоречивостью. В конечном итоге она всегда определялась интересами обеспечения политического единства союзного государства и задачами советского строительства в целом, а не партикуляризмом отдельных народов или субъектов федерации [16, с. 55–57].

Тем не менее, с концептуально-правовой точки зрения, именно депортация крымских татар и других национальных групп, проведенная в 1944 г. советским руководством, как бы лишала Крым этнонационального своеобразия, что противоречило декларируемым принципам советского федерализма и чисто теоретически, исходя из содержания этих принципов, препятствовало сохранению конституционного статуса автономной республики в Крыму, требовало его

¹ Хованцев Д. В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/38417599.pdf> (дата обращения: 29.12.2025).

² Конституция (Основной закон) Крымской Автономной Социалистической Советской Республики. Утв. постановлением VI Учредительного Всекрымского Съезда Советов от 5 мая 1929 г. // Конституция КрымАССР и положения, постановления и инструкции о строении органов власти КрымАССР, объеме их прав и круге деятельности. Вып. 1. Симферополь: 2-я Гостип. «Крымполиграфтреста», 1930. С. 10–30.

³ Непомнящий А. А. Севастьянов А. В. Красный Крым. (1921–1941). URL: <https://krimoved-library.ru/books/kodzova-istoriya-krima10.html> (дата обращения: 30.12.2025).

преобразования в административно-территориальную единицу, хотя на практике национальный принцип оказался чуждым местным историческим традициям и не играл решающей роли в жизни этого полиэтнического региона. Однако идеологические постулаты нациестроительства в СССР оказались настолько сильны, что советское руководство не смогло отойти от одного из основных догматов социалистической теории федерализма, согласно которому автономные республики являются политической формой решения национального вопроса и не могут создаваться по сугубо территориальному принципу. При этом само преобразование Крымской АССР в область было произведено с грубыми нарушениями конституционного законодательства, без предусмотренной в таких случаях процедуры, а потому носило явно противоправный характер, что в значительной степени было результатом правового нигилизма, охватившего все советское общество, не исключая руководство государства, вызванного чрезвычайными обстоятельствами, в которых находилась наша страна долгие годы.

В результате Конституция Крымской АССР 1937 г. и Закон РСФСР от 2 июня 1940 г. о ее утверждении официально не были отменены или признаны ничтожными и формально-юридически продолжали действовать. Сложилась парадоксальная ситуация: хотя де-факто Крымский полуостров в 1945 г. и стал областью в составе РСФСР, де-юре Крымская АССР продолжала существовать. Поэтому и статус уже восстановленной в январе 1991 г. Крымской республики, заставший ее в момент упразднения Советского Союза в составе Украины, был скорее фактическим, нежели юридическим. Но из этого вытекает, что легитимное решение вопроса принадлежности Крыма с международно-правовой точки зрения возможно только на основе исследования проблематики ликвидации и правопродолжательства Союза ССР.

Список источников

1. Брега А. В. Политико-правовые аспекты вхождения Крымского полуострова в состав Российской Федерации: между легальностью и легитимностью // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2020. № 10 (1). С. 84–89.
2. Кабышев В. Т., Заметина Т. В. Принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и города Севастополя – восстановление исторической справедливости: конституционно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 58–74.
3. Пряхина Т. М. Признание факта принятия в Российскую Федерацию Республики Крым // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 16–22.
4. Томсинов В. А. «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М.: ИКД «Зерцало-М», 2020. 132 с.
5. Марксен К. Крымский кризис с точки зрения международного права // Дайджест Публично-го Права Института Макса Планка. 2014. № 2. С. 201–230.
6. Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. № 13 (1). P. 133–145.
7. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.: Наука, 1993. 592 с.
8. Широкопад А. Б. Утерянные земли России. М.: Вече, 2012. 480 с.
9. Чистяков О. И. Становление Российской Федерации (1917–1922). М.: Зерцало-М, 2003. 352 с.
10. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 году. Симферополь: Изд. КрымЦСУ, 1922. 115 с.
11. Хирш Ф. Империя наций: этнографическое знание и формирование Советского Союза. М.: Нов. лит. обозрение, 2022. 472 с.
12. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 1. С. 219–368.
13. Ленин В. И. Черновой набросок проекта программы // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 70–76.
14. Суни Р. Г. Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН); Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2014. С. 17–40.
15. Аманжолова Д. А. Советский федеративный проект и коллизии нациестроительства в 1920–1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Т. 23. № 1. С. 30–40.

16. Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества: моногр. / В. В. Касьянов, А. В. Баранов, А. В. Ишин, А. Ю. Рожков. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. 450 с.
17. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН): Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 662 с.
18. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Инфра-М, 2007. 858 с.
19. Резолюция Десятого съезда РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе // Протоколы X съезда РКП(б). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1963. С. 573–583.
20. Резолюция Двенадцатого съезда РКП(б) по национальному вопросу // XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968. С. 691–697.
21. Харабуга В. В., Афанасьев В. А. Дискуссия о государственном статусе Крымской АССР (1921–1945) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 7 (73). № 3. 2021. С. 133–148.
22. Быкова Т. Б. Створення Кримської АСРР (1917-1921 рр.). Київ: Інститут історії України НАНУ, 2011. 247 с.
23. Куртсеитов Р. Д. Крымская АССР как реализованное право на самоопределение крымскотатарского народа в 1921–1945 гг.: создание, этнокультурные, социально-политические процессы (часть первая) // Крымское историческое обозрение. 2023. Т. 10, № 2. С. 78–106.
24. Кондратюк Г. Н. Вели Ибраимов (1888–1928 гг.): штрихи к портрету // Крымское историческое обозрение. 2019. № 2. С. 43–57.
25. Пащенко В. Н. Становление и деятельность органов государственного управления Крымской АССР в 1921–1929 гг. Историографический очерк // Культура народов Причерноморья. 2002. № 31. С. 103–109.

References

1. Brega A. V. Politiko-pravovye aspekty vhozhdeniya Krymskogo poluostrova v sostav Rossijskoj Federacii: mezhdunarodnaja legal'nost' i legitimnost' // Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 10 (1). S. 84–89.
2. Kabyshev V. T., Zametina T. V. Prinyatie v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym i goroda Sevastopolya – vosstanovlenie istoricheskoy spravedlivosti: konstitucionno-pravovoj analiz // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2014. № 2 (97). S. 58–74.
3. Pryahina T.M. Priznanie fakta prinyatiya v Rossijskuyu Federaciju Respubliki Krym // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2015. № 5 (106). S. 16–22.
4. Tomsinov V. A. «Krymskoe pravo», ili Yuridicheskie osnovaniya vossoedineniya Kryma s Rossiej. M.: IKD «Zercalo-M», 2020. 132 s.
5. Markssen K. Krymskij krizis s tochki zreniya mezhdunarodnogo prava // Dajdzhest Publichnogo Prava Instituta Maksa Planka. 2014. № 2. S. 201–230.
6. Müllerson R. Ukraine: Victim of Geopolitics // Chinese Journal of International Law. 2014. № 13 (1). R. 133–145.
7. Rybakov B. A. Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII–XIII vv. M.: Nauka, 1993. 592 s.
8. Shirokorad A. B. Uteryannye zemli Rossii. M.: Veche, 2012. 480 s.
9. Chistyakov O. I. Stanovlenie Rossijskoj Federacii (1917–1922). M.: Zercalo-M, 2003. 352 s.
10. Predvaritel'nye itogi perepisi v Krymu v 1921 godu. Simferopol': Izd. KrymCSU, 1922. 115 s.
11. Hirsh F. Imperiya nacij: etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuza. M.: Nov. lit. obozrenie, 2022. 472 s.
12. Marks K. K kritike gegelevskoj filosofii prava // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. M.: Gospolitizdat, 1955. T. 1. S. 219–368.
13. Lenin V. I. Chernovoj nabrosok proekta programmy // Lenin V. I. Poln. sobr. soch. T. 36. M.: Politizdat, 1969. S. 70–76.
14. Suni R. G. Sovetskoe i nacional'noe: edinstvo protivorechij // Sovetskie nacii i nacional'naya politika v 1920–1950-e gody: materialy VI mezhdunar. nauch. konf. Kiev, 10–12 oktyabrya 2013 g. M.: Ros. polit. ehncikl. (ROSSPEHN); Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 2014. S. 17–40.
15. Amanzholova D. A. Sovetskij federativnyj proekt i kollizii naciestroitel'stva v 1920–1930-e gg. // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii. 2024. T. 23. № 1. S. 30–40.

16. Nacional'naya politika v Severo-Kavkazskom krae i Krymskoj ASSR, 1920-e gg.: institucional'nyj i kommunikacionnyj aspekty vzaimodejstviya vlasti i obshchestva: monogr. / V. V. Kas'yanov, A. V. Baranov, A. V. Ishin, A. Yu. Rozhkov. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2022. 450 s.
17. Martin T. Imperiya polozhitel'noj deyatel'nosti. Nacii i nacionalizm v SSSR, 1923–1939 M.: Ros. polit. ehncikl. (ROSSPEHN): Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2011. 662 s.
18. Bol'shoj juridicheskij slovar' / pod red. A. Ya. Suhareva. 3-e izd., dop. i pererab. M.: Infra-M, 2007. 858 s.
19. Rezolyuciya Desyatogo s"ezda RKP(b) ob ocherednyh zadachah partii v nacional'nom voprose // Protokoly H s"ezda RKP(b). Stenograficheskij otchet. M.: Gospolitizdat, 1963. S. 573–583.
20. Rezolyuciya Dvenadcatogo s"ezda RKP(b) po nacional'nomu voprosu // XII s"ezd RKP(b). Stenograficheskij otchet. M.: Politizdat, 1968. S. 691–697.
21. Harabuga V. V., Afanas'ev V. A. Diskussiya o gosudarstvenno-pravovom statuse Krymskoj ASSR (1921–1945) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Istoricheskie nauki». 2021. T. 7 (73). № 3. 2021. S. 133–148.
22. Bykova T. B. Stvorennaya Krims'koj ASRR (1917–1921 rr.). Kiiv: Institut istorii Ukrainy NANU, 2011. 247 s.
23. Kurtseitov R. D. Krymskaya ASSR kak realizovannoe pravo na samoopredelenie krymskotatarskogo naroda v 1921–1945 gg.: sozdanie, ehtnokul'turnye, social'no-politicheskie processy (chast' pervaya) // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. 2023. T. 10, № 2. S. 78–106.
24. Kondratyuk G. N. Veli Ibraimov (1888–1928 gg.): shtrihi k portretu // Krymskoe istoricheskoe obozrenie. 2019. № 2. S. 43–57.
25. Pashchenya V. N. Stanovlenie i deyatel'nost' organov gosudarstvennogo upravleniya Krymskoj ASSR v 1921–1929 gg. Istoriograficheskij ocherk // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. 2002. № 31. S. 103–109.

Грачев Николай Иванович,

профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
grachev.n.i@mail.ru

Grachev Nikolay Ivanovich,

Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law,
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
grachev.n.i@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.04.2026; одобрена после рецензирования 12.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.

The article was submitted 16.04.2026; approved after peer reviewing 12.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

* * *

УДК 342+347.1

**РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ ТРУДА
В УСЛОВИЯХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА****Иван Николаевич Веселый**

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина –
филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Россия,
veselyin@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые основы участия некоммерческих организаций в обеспечении занятости населения в условиях трансформации рынка труда. Цель работы состоит в исследовании конституционно-правовых механизмов государственной поддержки некоммерческого сектора и оценке его потенциала как сферы трудоустройства граждан. Научная новизна работы состоит в обосновании трансформации содержания конституционного права на свободу труда в условиях цифровизации экономики, в рамках которой государственная гарантия занятости реализуется через интеграцию институтов гражданского общества, прежде всего некоммерческих организаций, в систему публичных механизмов содействия занятости. Методологическую базу составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, анализ статистических данных Минэкономразвития России и Росстата. В ходе исследования выявлены и охарактеризованы публично-правовые основы деятельности некоммерческих организаций как работодателей, систематизированы механизмы государственной поддержки некоммерческого сектора. Констатируется ограниченность масштаба некоммерческого сектора, вместе с тем выявлены направления деятельности некоммерческих организаций, способные содействовать трудоустройству граждан.

Ключевые слова: право на свободу труда, искусственный интеллект, некоммерческие организации, занятость населения, добровольчество, грантовая поддержка.

Для цитирования: Веселый И. Н. Роль некоммерческих организаций в обеспечении конституционного права на свободу труда в условиях внедрения технологий искусственного интеллекта // Тратат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 40–47.

**THE ROLE OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS
IN ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO FREEDOM
OF LABOR IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IMPLEMENTATION****Ivan Nikolaevich Veselyi**

Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin –
a Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russia,
veselyin@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the legal framework for the participation of non-profit organizations in ensuring employment under labor market transformation. The purpose of the study is to examine constitutional and legal mechanisms of state support for the non-profit sector and to assess its potential as an area of citizen employment. The scientific novelty of the study consists in substantiating the transformation of the content of the constitutional right to freedom of labor in the context of economic digitalization, whereby the state guarantee of employment is implemented through the integration of civil society institutions, primarily non-profit organizations, into the system of public employment promotion mechanisms. The methodological basis comprises formal legal and comparative legal methods, as well as analysis of statistical data from the Ministry of Economic Development of Russia and Rosstat. The study identifies and characterizes the public law foundations of non-profit organizations as employers and systematizes mechanisms of state support for the non-profit sector. The limited scale of the non-profit sector is designated; however, the areas of non-profit organizations' activities capable of facilitating citizen employment are identified.

Keywords: right to freedom of labor, artificial intelligence, non-profit organization, employment, volunteerism, grant support.

For citation: Veselyi I. N. The Role of Non-Profit Organizations in Ensuring the Constitutional Right to Freedom of Labor in the Context of Artificial Intelligence Implementation. Journal of Legal Initiatives, 40–47, 2026. (In Russ.).

Введение. Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), сопряженное с их массовым внедрением в различные сферы экономической деятельности, представляет собой один из наиболее значимых вызовов для конституционных основ государства и общества. По данным экспертов Института статистических исследований и экономики знаний национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», совокупный вклад от использования технологий ИИ во всех отраслях экономики в ВВП России составит 11,6 трлн рублей в 2030 г., а к 2035 г. достигнет 46,5 трлн рублей [1, с. 1–3]. При этом зарубежные исследования свидетельствуют о том, что около 40 % работников во всем мире и 60 % в развитых экономиках заняты в профессиях с высоким уровнем риска от применения технологий ИИ. Воздействие ИИ различается в зависимости от уровня квалификации и опыта работников, снижая потребность в начинающих работниках и операционных специалистах, функции которых могут быть автоматизированы [2, с. 149–151].

В связи с изложенным выше Указом Президента Российской Федерации¹ образована Комиссия при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта. К задачам Комиссии отнесены, в частности, разработка подходов, обеспечивающих адаптацию отраслей экономики и социальной сферы к активному использованию технологий ИИ, а также анализ рисков и угроз, возникающих в связи с их использованием, включая координацию мер по нейтрализации таких рисков. Создание указанного органа свидетельствует о признании ИИ стратегическим приоритетом национального развития и актуализирует вопрос о социальных последствиях массового внедрения данных технологий, включая влияние на занятость населения.

Названные тенденции развития общественной жизни актуализируют вопрос о механизмах реализации конституционного права граждан на свободу труда в условиях сокращения традиционных форм занятости.

Следует отметить, что право на свободу труда в современной конституционной доктрине рассматривается не только как субъективное право на свободный выбор рода деятельности, но и как комплекс позитивных обязанностей государства по формированию институциональной среды занятости. В условиях технологической трансформации данное право приобретает характер «динамической гарантии», требующей адаптации правовых механизмов к изменяющимся экономическим условиям. В тексте Конституции Российской Федерации прямо закреплены гарантии в сфере труда: право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (часть 1), и право на защиту от безработицы (часть 3)². Эти гарантии органично связаны с конституционным статусом России как социального государства, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Более того «социальная политика на государственном уровне не может не учитывать экономические, политические <...> факторы, оказывающие существенное влияние на такие важнейшие направления социальной деятельности государства, как формирование социально ориентированной экономики, обеспечение рынка труда и занятости» [3, с. 46].

Следовательно, конституционные нормы задают институциональные рамки, обеспечивающие устойчивость общества при изменении социально-экономических обстоятельств. В связи с этим возникает необходимость поиска институциональных решений, способных смягчить последствия технологической трансформации рынка труда от внедрения ИИ.

Целью настоящего исследования является анализ конституционно-правовых основ участия некоммерческих организаций (далее – НКО) в системе содействия занятости населения в усло-

¹ О Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта: указ Президента Российской Федерации от 26 февраля 2026 г. № 116// Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.02.2026).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок) // СЗ РФ. 2020. № 1. Ст. 1416.

виях трансформации рынка труда под воздействием технологий ИИ. Гипотеза исследования состоит в том, что действующее законодательство Российской Федерации содержит правовые механизмы государственной поддержки НКО, позволяющие рассматривать их в качестве элемента системы содействия занятости населения с учетом того факта, что специфика деятельности НКО обуславливает устойчивость некоммерческого сектора к технологическому замещению.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, системный подход. Среди частнонаучных методов применены формально-юридический метод при анализе нормативных правовых актов, регулирующих деятельность НКО и трудовые отношения, а также сравнительно-правовой метод. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные, содержащиеся в научных публикациях отечественных и зарубежных исследователей, а также официальная статистика Минэкономразвития России, Росстата и Агентства стратегических инициатив.

1. Конституционно-правовые основы права на труд и проблема технологической безработицы

Право на свободу труда относится к числу фундаментальных социально-экономических прав человека. Как было выше изложено, Конституция РФ гарантирует право на труд и на защиту от безработицы. На международном уровне данное право, в частности, закреплено во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.¹

Федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации»² (далее – Закон о занятости) определяет под занятостью «трудовую деятельность и иную не противоречащую законодательству Российской Федерации деятельность граждан, осуществляемую ими в целях производства товаров, выполнения работ или оказания услуг и направленную на получение дохода» [4, с. 22–24]. При этом положения Закона о занятости относят к занятым не только работающих по трудовому договору, но и лиц, выполняющих работы по договорам гражданско-правового характера, индивидуальных предпринимателей, а также граждан, избранных на оплачиваемые должности [5, с. 70–71].

В свою очередь понятие безработицы тесно связано с понятием занятости. Согласно статье 23 Закона о занятости безработными признаются «трудоспособные граждане, которые ищут работу, зарегистрированы органами службы занятости в целях поиска подходящей работы и готовы к ней приступить» [5]. Закон о занятости устанавливает систему мер государственной поддержки, включающую содействие гражданам в поиске подходящей работы, организацию профессионального обучения и дополнительного профессионального образования, социальные выплаты безработным гражданам. Данное право предполагает не только материальную поддержку безработных граждан, но и активную политику государства по созданию условий для занятости населения.

Примечательно, что Закон о занятости прямо предусматривает меры содействия занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы, к которым относятся, в частности, инвалиды, лица предпенсионного возраста, молодые специалисты в возрасте от 18 до 25 лет. В условиях технологической трансформации рынка труда указанные категории граждан могут оказаться в наиболее уязвимом положении. При этом положения закона закрепляют широкий перечень мер государственной поддержки: содействие в поиске подходящей работы, организацию профессиональной ориентации, психологическую поддержку, содействие началу предпринимательской деятельности. Данные меры могут реализовываться в том числе с участием организаций некоммерческого сектора.

При этом следует учитывать, что занятость имеет не только экономическое, но и социальное измерение. Труд по своей природе является условием полноценного участия человека в общественной жизни, инструментом социализации и самореализации, а длительное отсутствие занятости в данном аспекте ведет не только к деградации профессиональных навыков, но к психологической дезориентации личности. В связи с этим концепция безусловного базового дохода, активно обсуждаемая как альтернатива традиционной занятости, не может рассмат-

¹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Рос. газ. 1995. № 67.

² О занятости населения в Российской Федерации: федер. закон от 12 декабря 2023 г. № 565-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2023. № 51. Ст. 9138.

риваться как полноценная замена трудовой деятельности, поскольку не решает проблему социальной интеграции и самореализации человека [6, с. 15–16].

В свою очередь технологическая трансформация, обусловленная внедрением ИИ, создает принципиально новые вызовы для реализации права на свободу труда. В отличие от предшествующих технологических революций, когда замещению подвергалась преимущественно физическая деятельность, современные системы ИИ способны замещать интеллектуальный труд [7, с. 112–115]. Данная особенность связана с тем, что генеративный ИИ и машинное обучение наиболее эффективны при решении задач, характеризующихся наличием больших объемов структурированных данных, повторяемостью операций, формализуемостью правил и критериев оценки результата. Именно поэтому первыми под угрозой замещения оказываются профессии, связанные с обработкой документов, клиентским обслуживанием по стандартным сценариям, контент-генерацией по заданным параметрам: юридический анализ, бухгалтерский учет, медицинская диагностика и т. д. [8, с. 3304–3309].

Деятельность НКО, напротив, характеризуется высокой степенью неопределенности, необходимостью адаптации к уникальным обстоятельствам каждого случая, построением доверительных отношений с благополучателями. В данном контексте НКО представляют собой особый институт социальной коммуникации, выполняющий функции артикуляции и агрегации интересов различных социальных групп, участия в формировании общественной повестки, координации коллективного взаимодействия граждан с органами публичной власти. Как отмечает И. В. Мерсиянова, деятельность НКО в значительной мере связана с выстраиванием социальных связей, организацией взаимодействия между гражданами, предпринимательским сообществом и государством, что требует непосредственного человеческого участия и в минимальной степени поддается технологическому замещению [9, с. 45–46]. Таким образом, продвижение интересов социальных групп требует не только рациональной аргументации, но и развитых коммуникативных компетенций, навыков медиации и согласования интересов, способности к эмпатии – качеств, которые предполагают понимание социального контекста и не поддаются алгоритмизации.

Рассмотрим данный аспект на конкретных примерах: экологический мониторинг включает полевые исследования в непредсказуемых условиях, общение с местными сообществами, взаимодействие с органами публичной власти, а социальная помощь предполагает индивидуальную работу с людьми в трудной жизненной ситуации, где применение стандартизированных алгоритмов затруднительно. В результате данные характеристики делают некоммерческий сектор той сферой, в которой человеческий труд сохраняет конкурентное преимущество перед технологиями ИИ.

2. Некоммерческие организации как институт занятости: правовые механизмы и формы государственной поддержки

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) определяет НКО как юридические лица, не имеющие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющие полученную прибыль между участниками [10, с. 56]. Кроме того, ГК РФ закрепляет организационно-правовые формы НКО: общественные организации, ассоциации (союзы), фонды, учреждения, автономные некоммерческие организации и иные формы, предусмотренные законодательством¹.

Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» детализирует правовые положения создания, реорганизации и ликвидации НКО, контроль за деятельностью НКО², а также закрепляет родовое понятие «некоммерческая организация», которой признается организация, «созданная для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ» [11, с. 83–87]. При этом НКО не имеют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, не распределяют полученную прибыль между участниками и целиком вкладывают полученные средства в выполнение предусмотренных уставом социальных задач [12, с. 19–22].

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О некоммерческих организациях: федер. закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

Согласно Трудовому кодексу РФ (далее – ТК РФ) работодателем может выступать юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником¹. Указанное положение закрепляет, что НКО в полной мере обладают трудовой правосубъектностью и могут выступать стороной трудового договора.

По данным Росстата, в 2024 г. в Российской Федерации зарегистрировано 217 тыс. НКО, из которых 130 тыс. имеют статус социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО). Масштаб некоммерческого сектора как работодателя составляет менее 1 % от общей численности занятых в экономике страны: общее количество штатных и внештатных сотрудников НКО в 2022 г. составило 487,1 тыс. человек. Вместе с тем согласно аналитическому докладу Исследовательской группы ЦИРКОН и Агентства стратегических инициатив ключевым мотивом деятельности руководителей и сотрудников НКО является «возможность изменить мир к лучшему» (54 %) и «решить конкретную проблему» (49 %). Изложенные данные подтверждают тезис о том, что деятельность НКО связана с выстраиванием социальных связей и требует непосредственного участия человека (С. 16–18)².

Помимо трудовых отношений, НКО аккумулируют значительный объем добровольческого (волонтерского) труда. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»³ регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением безвозмездной деятельности в общественно полезных целях [13, с. 135].

Волонтерская деятельность не является трудовой в юридическом смысле, однако нельзя не отметить – волонтерство выполняет важную функцию социализации и вовлечения граждан в общественно значимую деятельность. Из аналитического доклада Исследовательской группы ЦИРКОН следует, что численность волонтеров в СОНКО с 2012 по 2023 г. выросла более чем в два раза — с 1,8 до 3,9 млн человек, а более 28 % опрошенных россиян подтвердили свою вовлеченность в добровольческую деятельность. Примечательно, что именно НКО стояли у истоков развития добровольчества в России, формируя практику участия граждан в общественно полезной деятельности, которое впоследствии было институционализировано на государственном уровне.

Действующее законодательство также предусматривает ряд механизмов государственной поддержки НКО, способствующих созданию рабочих мест в некоммерческом секторе. Во-первых, для отдельных категорий НКО установлены пониженные тарифы страховых взносов. Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации (далее – НК РФ) для НКО, применяющих упрощенную систему налогообложения и осуществляющих виды деятельности, определенные в пп. 7 п. 1 ст. 427 НК РФ, установлен пониженный тариф страховых взносов в размере 7,6 % вместо стандартных 30 % от размера заработной платы⁴. Указанная налоговая льгота существенно снижает издержки на фонд оплаты труда, но распространяется лишь на организации, основной вид деятельности которых (по ОКВЭД) входит в закрытый перечень, установленный законодательством.

Во-вторых, Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – БК РФ) предусматривает возможность предоставления субсидий некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, на оказание государственных (муниципальных) услуг [14, с. 91–92]. Данный механизм отражает публично-правовые механизмы государственного финансирования деятельности НКО, в том числе расходов на оплату труда работников.

В-третьих, значительную роль играет грантовая поддержка НКО. Указом Президента Российской Федерации от 30 января 2019 г. № 30 создан Фонд президентских грантов (далее — ФПГ)⁵, являющийся оператором грантов Президента Российской Федерации на развитие гражданского

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² Задорин И. В., Скокова Ю. А., Краснопольская И. И. Влияние и вклад НКО в решение социальных проблем и повышение качества жизни в России: аналитический доклад. М.: АНО «Агентство стратегических инициатив», 2024. С. 16–18. URL: <https://asi.org.ru/work/vliyanie-i-vklad-nko-v-reshenie-soczialnyh-problem-i-povyshenie-kachestva-zhizni-v-rossii-analiticheskij-doklad-na-osnove-issledovaniya/> (дата обращения: 25.02.2026).

³ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): федер. закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 15.01.2026) // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁵ О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества: указ Президента Российской Федерации от 30.01.2019 № 30 (с изм. от 17.07.2025) // СЗ РФ. 2019. № 5. Ст. 365.

общества и осуществляющий поддержку социально значимых проектов НКО. Указом Президента Российской Федерации от 17 мая 2021 г. № 287 учрежден Президентский фонд культурных инициатив (далее — ПФКИ)¹, поддерживающий проекты в области культуры, искусства и креативных индустрий, включая кинопроизводство, театральные постановки, фестивали, выставки и образовательные программы в сфере культуры [15, с. 134–137]. По данным Министерства экономического развития Российской Федерации, в 2024 г. ФПГ поддержал социальные проекты на сумму свыше 7,7 млрд рублей, а ПФКИ – более 6 млрд рублей. В общей сложности объем государственной финансовой поддержки СОНКО в 2024 г. превысил 389,6 млрд рублей, из которых ассигнования федерального бюджета составили 278,7 млрд рублей, а 110,9 млрд рублей – средства исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации².

Таким образом, действующее законодательство формирует комплексную систему государственной поддержки НКО, включающую налоговые льготы, бюджетные субсидии и финансирование операторов президентских грантов. Указанные механизмы создают экономические условия для функционирования НКО как работодателей и обеспечения занятости в некоммерческом секторе. Вместе с тем существенное значение имеет вопрос о том, какие именно направления деятельности НКО обладают наибольшей устойчивостью к технологическому замещению в условиях внедрения искусственного интеллекта.

Анализ сфер деятельности НКО позволяет выделить направления, в минимальной степени подверженные технологическому замещению. К ним, в частности, относятся: экологический мониторинг и общественный контроль; адресная социальная помощь; деятельность в сфере искусства и креативных индустрий; правозащитная деятельность и медиация конфликтов; работа с молодежью и реализация образовательных программ; содействие развитию добровольчества. Данные сферы характеризуются высокой степенью персонализации, необходимостью установления доверительных отношений с благополучателями.

Результаты исследования

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие научно-практические выводы:

1. Обосновано, что в условиях цифровой трансформации некоммерческий сектор приобретает характер компенсаторного института социального государства, выполняющего функцию сглаживания негативных эффектов технологического вытеснения труда. Указанная деятельность требует развитых коммуникативных компетенций, способности к эмпатии, индивидуализированного подхода в решении проблем благополучателями – качеств, не поддающихся алгоритмизации, что обуславливает устойчивость некоммерческого сектора к технологическому замещению в условиях внедрения ИИ.

2. Выявлена и охарактеризована система нормативно-правовых основ деятельности НКО как работодателей, включающая публично-правовой статус НКО, трудовую правосубъектность, правовое регулирование добровольческой, а также правовые механизмы государственной поддержки НКО, формирующих экономические условия обеспечения занятости в некоммерческом секторе (пониженные тарифы страховых взносов, бюджетное субсидирование, грантовая поддержка специализированных операторов президентских грантов).

3. Констатируется ограниченность масштаба некоммерческого сектора как работодателя, исключающая возможность рассматривать НКО в качестве универсального институционального решения проблемы технологической безработицы от внедрения технологий ИИ. Вместе с тем выявлены направления деятельности НКО, обладающие устойчивостью к технологическому замещению и очерчен контур некоммерческого сектора в части содействия занятости населения.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что НКО могут рассматриваться как компенсаторный институт социального государства, выполняющий функцию сглаживания негативных эффектов технологического вытеснения труда. Конституционное право на свободу

¹ О создании Президентского фонда культурных инициатив: указ Президента Российской Федерации от 17.05.2021 № 287 (с изм. от 17.07.2025) // СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3557.

² Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации за 2024 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <https://economy.gov.ru> (дата обращения: 25.02.2026).

труда, закрепленное в ст. 37 Конституции Российской Федерации, предполагает активную политику государства по созданию условий для занятости, что приобретает особую актуальность в контексте образования Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам развития технологий искусственного интеллекта.

Некоммерческие организации как элемент гражданского общества обладают специфическими характеристиками, делающими их деятельность устойчивой к технологическому замещению. Действующее законодательство содержит комплекс механизмов государственной поддержки НКО, способствующих созданию рабочих мест: налоговые льготы, бюджетные субсидии, грантовое финансирование. Вместе с тем масштаб некоммерческого сектора объективно ограничивает его возможности по трудоустройству граждан, высвобождаемых в результате внедрения технологий ИИ.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется разработка комплексной модели правового регулирования, направленной на использование потенциала НКО для обеспечения занятости населения в условиях цифровой трансформации экономики, включая вопросы расширения налоговых льгот для НКО-работодателей, увеличения объемов грантовой поддержки и интеграции некоммерческих организаций в государственные программы профессиональной переквалификации.

Список источников

1. Дранев Ю. Я., Кучин И. И., Миряков М. И. Искусственный интеллект // Серия информационно-аналитических материалов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. 2025. № 17. С. 1–3. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1022067859.pdf> (data obrashcheniya: 20.02.2026)
2. Лукичев П. М. Управление искусственным интеллектом: риски и государственное регулирование. СПб.: Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ», СПбПУ Петра Великого, 2025. 268 с.
3. Велиева Д. С. Социальное государство в России: конституционные идеалы и реальность // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2019. № 1. С. 45–50.
4. Осетров С. А. Право на труд или свобода труда: современный конституционный контекст // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, № 1. С. 20–25.
5. Бозиев Р. М. Правовое регулирование налогообложения самозанятых лиц в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 184 с.
6. Проскурина А. С. Социализация и социализированность через призму трудовой деятельности: определение понятий // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6. С. 14–21.
7. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
8. Волошина И. А., Перова И. Т., Тхоржевская А. Р. Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности организаций: масштабы, влияние на профессии, риски // Креативная экономика. 2024. Т. 18, № 12. С. 3285–3310.
9. Краснопольская И. И., Мерсиянова И. В. Гражданское общество как среда производства и распространения социальных инноваций // Форсайт. 2014. № 4. С. 40–53.
10. Бажин А. С. Система и стратегия поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций в современной России // Человек и современный мир. 2020. № 3 (40). С. 49–71.
11. Сесявин Е. А. Развитие механизмов государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном уровне: дис. ... канд. экон. наук. СПб, 2015. 170 с.
12. Купчик А. П. Теоретико-методические положения по развитию социально ориентированных некоммерческих организаций // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2025. Т. 21, № 12. С. 15–29.
13. Гацолати В. Э. Административно-правовое регулирование взаимодействия органов исполнительной власти и организаций гражданского общества: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 243 с.
14. Шмелева М. В. Правовое регулирование деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации: административный и финансовый аспекты. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2020. 167 с.
15. Грибенникова Э. А. Государственная поддержка общественных инициатив НКО в Российской Федерации // Экономика и управление: проблемы, решения. 2021. Т. 1, № 8 (116). С. 133–139.

References

1. Dranev Yu. Ya., Kuchin I. I., Miryakov M. I. Iskusstvennyj intellekt // Seriya informacionno-analiticheskikh materialov ISIEHZ NIU VSHEh. 2025. № 17. S. 1–3. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/1022067859.pdf> (data obrashcheniya: 20.02.2026).
2. Lukichev P. M. Upravlenie iskusstvennym intellektom: riski i gosudarstvennoe regulirovanie. SPb.: Baltijskij gosudarstvennyj tehnikeskij universitet «VOENMEH», SPbPU Petra Velikogo, 2025. 268 s.
3. Velieva D. S. Social'noe gosudarstvo v Rossii: konstitucionnye idealy i real'nost' // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina. 2019. № 1. S. 45–50.
4. Osetrov S. A. Pravo na trud ili svoboda truda: sovremennyy konstitucionnyj kontekst // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2025. T. 11, № 1. S. 20–25.
5. Boziev R. M. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya samozanyatyh lic v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2024. 184 s.
6. Proskurina A. S. Socializaciya i socializirovannost' cherez prizmu trudovoj deyatel'nosti: opredelenie ponyatij // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. 2025. № 6. S. 14–21.
7. Bostrom N. Iskusstvennyj intellekt. Ehtapy. Ugrozy. Strategii / per. s angl. S. Filina. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016. 496 s.
8. Voloshina I. A., Perova I. T., Thorzhevskaya A. R. Primenenie tehnologij iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti organizacij: masshtaby, vliyanie na professii, riski // Kreativnaya ehkonomika. 2024. T. 18, № 12. S. 3285–3310.
9. Krasnopol'skaya I. I., Mersiyanova I. V. Grazhdanskoe obshchestvo kak sreda proizvodstva i rasprostraneniya social'nyh innovacij // Forsajt. 2014. № 4. S. 40–53.
10. Bazhin A. S. Sistema i strategiya podderzhki social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij v sovremennoj Rossii // Chelovek i sovremennyy mir. 2020. № 3 (40). S. 49–71.
11. Sesyavin E. A. Razvitie mehanizmov gosudarstvennoj podderzhki social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij na regional'nom urovne: dis. ... kand. ehkon. nauk. SPb, 2015. 170 s.
12. Kupchik A. P. Teoretiko-metodicheskie polozheniya po razvitiyu social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2025. T. 21, № 12. S. 15–29.
13. Gacolati V. Eh. Administrativno-pravovoe regulirovanie vzaimodejstviya organov ispolnitel'noj vlasti i organizacij grazhdanskogo obshchestva: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2023. 243 s.
14. Shmeleva M. V. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti social'no orientirovannyh nekommercheskih organizacij v Rossijskoj Federacii: administrativnyj i finansovyj aspekty. Ul'yanovsk: Ul'yanovskij gosudarstvennyj universitet, 2020. 167 s.
15. Gribennikova Eh. A. Gosudarstvennaya podderzhka obshchestvennyh iniciativ NKO v Rossijskoj Federacii // Ehkonomika i upravlenie: problemy, resheniya. 2021. T. 1, № 8 (116). S. 133–139.

Веселый Иван Николаевич,

аспирант Поволжского института управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, научная специальность 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», исполнительный директор АНО «Код культуры»; veselyin@yandex.ru

Veselyi Ivan Nikolaevich,

Postgraduate Student of the Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin – a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), research specialty 5.1.2 “Public Law (State Legal) Sciences”; Executive Director of the Autonomous Non-Profit Organization “Code of Culture”; veselyin@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 06.04.2026; принята к публикации 10.04.2026.

The article was submitted 23.03.2026; approved after peer reviewing 06.04.2026; accepted for publication 10.04.2026.

* * *

УДК 342.951

**ЛИШЕНИЕ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ
КАК МЕРА ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ
И ПРЕДЕЛЫ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ****Кристина Петровна Грицианова*****Николай Анатольевич Самсонов*****Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
kristinagricianova16@mail.ru** Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
sonnenikolas2018@gmail.com

Аннотация: на дорогах Российской Федерации ежедневно выявляются нарушения Правил дорожного движения Российской Федерации (далее – ПДД), за совершение которых в предусмотренных законом случаях применяется наказание в виде лишения права управления транспортным средством. До 2013 г. сотрудники Госавтоинспекции были наделены полномочием по изъятию водительского удостоверения у правонарушителя, однако впоследствии порядок данной меры был изменен и внедрена иная модель. В настоящее время после вступления в законную силу постановления суда о лишении права управления транспортным средством обязанность по сдаче водительского удостоверения возлагается на самого водителя. Однако практика показывает, что действующий порядок не всегда обеспечивает надлежащее исполнение назначенного наказания. В ряде случаев лица, лишённые права управления транспортным средством, уклоняются от сдачи водительского удостоверения, что затрудняет реализацию судебного акта и снижает эффективность данной меры административного воздействия. Подобная ситуация ставит вопрос о достаточности существующего механизма исполнения и о необходимости его дальнейшего совершенствования, поэтому сегодня актуальны анализ проблем, возникающих при исполнении судебного решения о лишении права управления транспортными средствами, и рассмотрение вопроса о возможном расширении полномочий сотрудников Госавтоинспекции.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, лишение права управления транспортными средствами, административная ответственность, уголовная ответственность, исполнение наказания, водительское удостоверение, Госавтоинспекция, КоАП РФ, судебная практика.

Для цитирования: Грицианова К. П., Самсонов Н. А. Лишение права управления транспортными средствами как мера ответственности: проблемы исполнения и пределы полномочий госавтоинспекции // Тратат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 48–55.

**DRIVING LICENSE REVOCATION AS A MEASURE
OF LIABILITY: ENFORCEMENT PROBLEMS
AND LIMITS OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE****Kristina Petrovna Gricianova*****Nikolai Anatolevich Samsonov***** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
kristinagricianova16@mail.ru** Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
sonnenikolas2018@gmail.com

Abstract: Traffic violations are detected every day on the roads of the Russian Federation, for which, in the cases stipulated by law, the penalty in the form of the driving license revocation is applied. Until 2013, employees of the State Traffic Inspectorate were authorized to confiscate the driving license of offenders. However, the procedure for this measure was later changed, and a new model was introduced. Currently, after a court ruling revoking the driving license enters into force, the responsibility for surrendering the driving license falls to the driver. However, experience demonstrates that the existing procedure does not consistently guarantee the adequate implementation of the

assigned penalty. In some cases, individuals deprived of their driving licenses fail to surrender their licenses, which complicates the enforcement of the court decision and reduces the effectiveness of this administrative measure. Such a situation prompts an inquiry into the sufficiency of the current enforcement framework and underscores the necessity for its enhancement. Consequently, there is a growing urgency to examine the challenges encountered in implementing court rulings on driving license suspension and to explore the potential expansion of the State Traffic Inspectorate employees.

Keywords: road traffic safety, driving license revocation, administrative liability, criminal liability, enforcement of penalty, driving license, State Traffic Inspectorate, Code of the Russian Federation on Administrative Offences, judicial practice.

For citation: Gricianova K. P., Samsonov N. A. Driving License Revocation as a Measure of Liability: Enforcement Problems and Limits of the State Traffic Inspectorate. Journal of Legal Initiatives, 48–55, 2026. (In Russ.).

Введение. Лишение права управления транспортным средством является одной из серьезных санкций в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. В отличие от административного штрафа, который выражается в имущественном обременении, и ареста, ограниченного определенным сроком, запрет на управление транспортом непосредственно затрагивает повседневную мобильность лица и одновременно снижает вероятность повторного опасного поведения на дороге.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена трудностями ее практической реализации и исполнения самими нарушителями. Особенно наглядно указанная ситуация проявилась после реформы 2013 г., когда была отменена прежняя модель немедленного изъятия водительского удостоверения на месте совершения правонарушения. С этого момента основной акцент был перенесен на последующее исполнение вступившего в силу судебного акта и на обязанность самого водителя в установленный срок сдать водительское удостоверение. Именно на данном этапе возникает ключевой практический вопрос, связанный с тем, насколько эффективно государство способно обеспечить исполнение запрета на управление транспортом, если в значительной части случаев исполнение фактически зависит от добровольного поведения самого нарушителя и его правосознания для принятия наказания как «должного». Конструкция, при которой после назначения наказания лицо должно самостоятельно сдать водительское удостоверение, выглядит реальной лишь в формально-нормативном измерении, тогда как в нашей реальной правоприменительной плоскости часть лиц сознательно уклоняется от исполнения этой обязанности, часть – затягивает сдачу документа либо заявляет о его утере, а часть – сталкивается с объективной неопределенностью процедуры.

Методы. Работа выполнена с использованием формально-юридического, системного и сравнительно-правового методов. В ходе анализа изучены нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹, подзаконные акты, регулирующие порядок возврата водительского удостоверения, а также разъяснения Верховного суда Российской Федерации. Дополнительно использован анализ правоприменительной практики, демонстрирующий неоднородность подходов к исчислению срока лишения права управления транспортными средствами.

Результаты. В российском законодательстве лишение права управления транспортными средствами является одной из наиболее ощутимых мер воздействия в сфере обеспечения безопасности дорожного движения. Оно направлено не только на наказание нарушителя, но и на фактическое исключение лица из дорожного движения на определенный срок, что снижает риск совершения новых правонарушений и преступлений. Нормативное закрепление указанной меры прослеживается как в КоАП РФ, так и в Уголовном кодексе Российской Федерации², в рамках которого запрет на управление транспортным средством используется наряду с основным наказанием по делам о правонарушениях и преступлениях, связанных с нарушением требований дорожной безопасности. При этом уже на стадии исполнения становится заметно, что административная и уголовная модели построены не одинаково. В рамках КоАП РФ лицо,

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.04.2026). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Далее – КоАП РФ.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026). Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

лишенное специального права, обязано в течение установленного срока сдать водительское удостоверение либо заявить о его утрате, а при уклонении от исполнения этой обязанности течение срока лишения прерывается. В уголовно-исполнительном механизме подход иной и включает в себя лишение права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами как дополнительное наказание, связанное с иными правилами исчисления срока, и не предполагает такой же конструкции прерывания наказания при несдаче водительского удостоверения.

Для понимания современной модели исполнения наказания важна реформа 2013 г., в результате которой с 1 сентября была признана утратившей силу ч. 3 ст. 27.10 КоАП РФ, ранее допускавшая немедленное изъятие водительского удостоверения на месте выявления правонарушения, и одновременно была ликвидирована прежняя система временных разрешений, которая, как отмечалось в официальных разъяснениях того периода, вызывала значительные затруднения в правоприменительной практике. Вследствие этого акцент в механизме реализации рассматриваемой меры был смещен с досудебного немедленного изъятия документа на последующее исполнение вступившего в законную силу судебного решения [5, с. 115].

Практика показывает, что значительная часть лиц, подвергнутых наказанию в виде лишения права управления, не исполняет обязанность по своевременной сдаче водительского удостоверения. В результате эффективность санкции начинает зависеть не только от содержания судебного акта, но и от того, насколько быстро уполномоченный орган выявляет факт уклонения и среагирует на него.

В действующем правовом регулировании исполнение постановления или приговора о лишении права управления транспортным средством связано с необходимостью изъятия и хранения водительского удостоверения, при этом на лицо, лишенное специального права, возлагается обязанность в течение трех рабочих дней со дня вступления судебного акта в законную силу сдать водительское удостоверение в подразделение Госавтоинспекции либо заявить о его утрате.

В случае уклонения от исполнения данной обязанности течение срока лишения прерывается и продолжается лишь с момента фактической сдачи документа, его изъятия либо поступления заявления об утрате [6, с. 67].

В официальных разъяснениях Госавтоинспекции указано, что отдельные водители умышленно не сдают водительское удостоверение, стремясь уклониться от исполнения судебного решения и продолжить управление транспортным средством в расчете на то, что их в последующем не проверят. Действующая процедура сдачи водительского удостоверения после лишения права управления построена преимущественно на добровольном участии самого водителя, а уполномоченный орган не осуществляет специальный розыск лица исключительно в целях принудительного изъятия документа. По нашему мнению, именно эта особенность и образует ключевую слабость существующего порядка исполнения. Отказ от прежней модели позволил устранить чрезмерно жесткое досудебное вмешательство, однако одновременно сформировал своеобразную промежуточную правовую зону, в рамках которой запрет на управление уже возник, тогда как сам документ продолжает оставаться у лица [1, с. 62].

Анализируя логику правоприменителя, можем предположить, что отказ от немедленного изъятия водительского удостоверения как вид административного наказания мог быть обусловлен не только упразднением временных разрешений и стремлением к процедурному упрощению, но и необходимостью сужения чрезмерно широких дискреционных полномочий сотрудника Госавтоинспекции на первоначальной стадии производства, снижением уровня конфликтности при непосредственном взаимодействии с водителем, а также минимизацией рисков злоупотреблений в условиях, когда серьезное ограничение правового статуса лица фактически началось реализовываться еще до окончательного разрешения дела судом.

Так, в 2023 г. Армавирский городской суд рассмотрел требование прокурора о понуждении лица к сдаче водительского удостоверения и установил, что гражданин, ранее лишенный права управления по ч. 1 ст. 12.26 КоАП РФ, удостоверение в подразделение Госавтоинспекции

не сдал, материалы проверки свидетельствовали об уклонении от исполнения административного наказания, а суд обязал его исполнить данную обязанность в установленном порядке¹.

Не менее важным примером является рассмотренное Верховным судом Российской Федерации в январе 2024 г. дело Ю. И. Панастиди, который был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 30 000 рублей с лишением права управления транспортными средствами сроком на 1 год 6 месяцев. Постановление мирового судьи судебного участка Селижаровского района Тверской области вступило в законную силу 9 ноября 2016 г. Однако даже после решения суда Ю. И. Панастиди не сдал водительское удостоверение, а в последующем документ был изъят только 26 октября 2021 г., когда его проверили сотрудники Госавтоинспекции. Верховный суд Российской Федерации согласился с выводом нижестоящих инстанций о том, что течение срока лишения было прервано именно вследствие уклонения от сдачи удостоверения².

Аналогичный подход был выражен и в постановлении Верховного суда Российской Федерации от 15 июля 2021 г. по делу А. В. Окунева, в котором суд указал, что лицо было осведомлено о назначенном наказании, объективной невозможности сдать удостоверение не имело, однако соответствующую обязанность не исполнило, а доказательства, подтверждающие наличие реальных препятствий либо намерение исполнить судебный акт, представлены не были³. Подобные примеры свидетельствуют о том, что речь идет не о единичных технических сбоях в механизме исполнения, а о фактически сложившейся модели обхода назначенного наказания.

Особую сложность в рассматриваемой сфере образуют случаи так называемой мнимой утраты водительского удостоверения. Верховный суд Российской Федерации разъяснил, что в ситуации, когда лицо заявило об утрате документа, но фактически продолжало использовать его при управлении транспортным средством, срок лишения считается прерванным, а его дальнейшее исчисление продолжается со дня фактического изъятия такого удостоверения⁴.

Итак, данная правовая позиция имеет принципиальное значение для сохранения превентивного содержания рассматриваемой меры, поскольку иная трактовка фактически создавала бы удобный механизм обхода исполнения судебного решения, при котором водитель мог бы формально уведомить об утрате документа, фактически сохранить его у себя, продолжить участие в дорожном движении в течение спорного периода, а затем сослаться на формальное истечение срока лишения [2, с. 49].

В научном и практическом измерении подобная схема создает негативную практику, поскольку превращает обязанность по сдаче водительского удостоверения в легко имитируемую формальность и существенно ослабляет саму идею реального ограничения доступа к управлению транспортом как карательной и предупредительной меры⁵.

Трудности возникают и при определении того, какой именно орган власти должен исполнять постановление о лишении права управления, а также каким образом должно быть организовано взаимодействие между различными структурами, участвующими в реализации данного наказания. Наиболее наглядно проблема проявляется в вопросах взаимодействия подразделений Госавтоинспекции и Ростехнадзора, когда одно и то же лицо может обладать несколькими документами на право управления различными видами транспортных средств и техники. При отсутствии устойчивого обмена сведениями и единых подходов к фиксации стадии исполнения наказания возникает риск неверной квалификации правонарушения, ошибок при исчислении срока лишения и несогласованности действий уполномоченных органов.

¹ Решение по делу № 2-3967/2023 от 06.09.2023 о возложении обязанности сдать водительское удостоверение // Судебная практика. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SCugdVHUDyom/> (дата обращения: 09.05.2026).

² Постановление Верховного суда Российской Федерации от 10 января 2024 г. № 35-АД23-20-К2. URL: <https://legalacts.ru/sud/posta№ovle№ie-verkhov№ogo-suda-rf-ot-10012024-№35-ad23-20-k2/> (дата обращения: 09.05.2026).

³ Постановление Верховного суда Российской Федерации от 15 июля 2021 г. № 75-АД21-3-К3. URL: <https://legalacts.ru/sud/posta№ovle№ie-verkhov№ogo-suda-rf-ot-15072021-№75-ad21-3-k3/> (дата обращения: 09.05.2026).

⁴ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 2 июня 2019 г. № 20. URL: https://www.cо№sulta№et.ru/docume№et/co№s_doc_LAW_327611/ (дата обращения: 09.05.2026).

⁵ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2023), утв. Президиумом Верховного суда Российской Федерации 15 ноября 2023 г. URL: https://www.cо№sulta№et.ru/docume№et/co№s_doc_LAW_463125/ (дата обращения: 09.05.2026).

В связи с этим дальнейшее совершенствование механизма исполнения требует не только уточнения обязанностей самого лица, лишённого права управления, но и более четкого нормативного разграничения компетенции органов, участвующих в исполнении наказания. Существенное значение имеет и создание такого порядка информационного обмена, при котором сведения о лишении права управления, сдаче либо несдаче удостоверения, заявленной утрате документа и фактах его последующего использования фиксировались бы последовательно и были доступны всем уполномоченным субъектам. Без этого лишение права управления транспортными средствами продолжает сохранять заметную зависимость от фрагментарной практики исполнения, а не от единой и устойчивой правовой модели [8, с. 67].

В связи с этим необходимо нормативно уточнить полномочия сотрудников Госавтоинспекции именно на стадии исполнения уже вступившего в законную силу судебного решения. Речь должна идти не о восстановлении прежнего досудебного порядка немедленного изъятия водительского удостоверения, а о создании более определенного механизма выявления лиц, уклоняющихся от сдачи документа, их обязательного уведомления и оперативного изъятия водительского удостоверения при первой установленной проверке после начала исполнения наказания [7, с. 206].

Самостоятельное значение имеет и выработка единообразного подхода к случаям мнимой утраты удостоверения, при котором последующее предъявление ранее заявленного утраченного документа рассматривалось бы как признак уклонения от исполнения наказания, а не как обстоятельство, не влияющее на течение срока лишения [9, с. 35].

Представляется целесообразным внести изменения в ст. 32.6, 32.7 и 31.8 КоАП РФ. В статье 32.6 данного кодекса следует прямо закрепить обязанность подразделения Госавтоинспекции направлять лицу подтверждаемое уведомление о вступлении постановления в законную силу, месте сдачи водительского удостоверения, сроке исполнения данной обязанности и последствиях уклонения, а также предусмотреть возможность изъятия водительского удостоверения при первой установленной проверке лица после начала исполнения наказания.

В статье 32.7 КоАП РФ необходимо специально урегулировать случаи мнимой утраты водительского удостоверения, установив, что последующее предъявление ранее заявленного утраченного документа признается уклонением от исполнения наказания и влечет продолжение течения срока лишения со дня его фактического изъятия.

В итоге совершенствование данного механизма должно охватывать три основных направления. Первое связано с надлежащим уведомлением лица о начале исполнения наказания, сроке сдачи водительского удостоверения и последствиях уклонения. Второе предполагает четкую фиксацию исполнения либо неисполнения этой обязанности в государственных информационных системах. Третье касается пределов компетенции Госавтоинспекции на стадии исполнения судебного акта, когда необходимо обеспечить оперативное изъятие водительского удостоверения, не выходя при этом за рамки полномочий, имеющихся у суда. Только при сочетании этих элементов лишение права управления транспортными средствами сможет действовать не как формально назначенный запрет, а как реально исполняемая мера обеспечения безопасности дорожного движения.

Заключение. Лишение права управления транспортными средствами в административно-правовом механизме сохраняет значение одной из ключевых мер обеспечения дорожной безопасности, однако его эффективность в значительной степени зависит не от строгости самой санкции, а от качества процедуры ее исполнения. Действующая модель КоАП РФ построена таким образом, что исполнение постановления о лишении специального права осуществляется путем изъятия и хранения водительского удостоверения, а при уклонении лица от его сдачи течение срока лишения прерывается и продолжается лишь со дня сдачи, изъятия документа либо поступления заявления об утрате. Мы видим, что действующая модель исполнения данной меры содержит заметные пробелы и в ее нынешнем виде сохраняет для лица, лишённого права управления транспортными средствами, реальные возможности уклонения от полного исполнения постановления [4, с. 115]. На практике это выражается в том, что водитель может продолжать фактически пользоваться транспортным средством, одновременно сохраняя у себя водительское удостоверение и затягивая момент начала полноценного исполнения наказания. По этой причине корректировка требуется не на уровне общей идеи лишения права управления, а на уровне самой конструкции ее реализации.

Статью 32.6 КоАП РФ дополнить частью 4.2: «4.2. Подразделение органа, исполняющего постановление о лишении права управления транспортным средством соответствующего вида или другими видами техники, не позднее трех рабочих дней со дня поступления постановления, вступившего в законную силу, обязано направить лицу, лишенному специального права, уведомление о вступлении постановления в законную силу, о месте и порядке сдачи водительского удостоверения либо подачи заявления об его утрате, сроке исполнения соответствующей обязанности и о правовых последствиях уклонения от ее исполнения. Сведения о направлении указанного уведомления подлежат внесению в государственную информационную систему не позднее следующего рабочего дня.».

Статью 32.6 КоАП РФ дополнить частью 4.3: «4.3. В случае установления сотрудником полиции факта управления транспортным средством лицом, в отношении которого вступило в законную силу постановление о лишении права управления транспортным средством и которое не исполнило обязанность по сдаче водительского удостоверения либо не заявило об его утрате, водительское удостоверение подлежит изъятию с составлением соответствующего процессуального документа и незамедлительным направлением сведений об этом в подразделение, исполняющее постановление.».

Статью 32.7 КоАП РФ дополнить частью 2.1: «2.1. Предъявление лицом при управлении транспортным средством водительского удостоверения, ранее заявленного утраченным, признается уклонением от исполнения постановления о лишении специального права. В этом случае течение срока лишения специального права считается прерванным и продолжается со дня фактического изъятия указанного удостоверения.».

Статью 31.8 КоАП РФ дополнить частью 3.1: «3.1. Изъятие водительского удостоверения у лица, уклоняющегося от его сдачи после вступления постановления о лишении специального права в законную силу, осуществляется органом, исполняющим постановление, как действие по реализации исполнения наказания и не требует вынесения отдельного определения, если иное не связано с разрешением вопроса о разъяснении способа и порядка исполнения, об отсрочке, о рассрочке, о приостановлении или прекращении исполнения постановления.».

В связи с изложенным ключевая задача видится не в возврате к прежнему порядку немедленного изъятия водительского удостоверения на месте правонарушения, а в последовательном усилении административно-исполнительного механизма, уже закрепленного в КоАП РФ. При более точном нормативном регулировании ст. 32.6 и 32.7 КоАП РФ, а также при более строгой регламентации порядка уведомления лица, фиксации уклонения и изъятия документа лишение права управления транспортными средствами сможет восприниматься не только как формально назначенная санкция, но и как действительно работающая мера, направленная на защиту жизни, здоровья и безопасности участников дорожного движения.

Список источников

1. Гаджиев Ш. А., Тырышкин В. В. Получение физическими лицами права на управление транспортным средством: возможные проблемы и пути их решения // Закон и право. 2025. № 1. С. 60–64.
2. Торговченков В. И. К вопросу о сдаче водительских удостоверений лицами, в отношении которых приняты решения о запрете управления транспортными средствами = To the issue of surrender of driving licences by the persons banned from driving (Уголовное право) (Исследования, полемика, предложения) // Законность. 2025. № 2. С. 49–54.
3. Ломов И. С. Актуальные проблемы исполнения административного наказания в виде лишения права на управление транспортными средствами всех видов на примере взаимодействия органов ГИБДД и органов Ростехнадзора в Российской Федерации // Юридические исследования. 2023. № 4. С. 24–33.
4. Кориц С. И. Исполнение постановления судьи о лишении специального права в виде права управления транспортным средством при уклонении лица от сдачи водительского удостоверения // Закон и право. 2022. № 7. С. 45–48.
5. Бекетов О. И., Кориц С. И. Проблемы исполнения постановлений о лишении права управления транспортными средствами // Правоприменение. 2017. № 2. С. 115–124.

6. Жога Е. Ю. Порядок исполнения постановления о лишении специального права // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. С. 65–70.
7. Головки В. В., Слышалов И. В., Сахно А. И. Исполнение наказания в виде лишения права на управление транспортным средством // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 3. С. 205–214.
8. Гумаров И. А., Тырышкин В. В. К вопросу об исполнении административных и уголовных наказаний в виде лишения права управления транспортными средствами // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4 (44). С. 67–71.
9. Панкова О. В. Лишение права управления транспортными средствами как вид административного наказания // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 34–41.
10. Баканов К. С., Бурцев А. А. Предупреждение фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения на этапах получения, приостановления, прекращения и возобновления права на управление транспортным средством: моногр. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2021.

References

1. Gadzhiev Sh. A., Tyryshkin V. V. Poluchenie fizicheskimi licami prava na upravlenie transportnym sredstvom: vozmozhnye problemy i puti ih resheniya // Zakon i pravo. 2025. №1. S. 60–64.
2. Torgovchenkov V. I. K voprosu o sdache voditel'skih udostoverenij licami, v otnoshenii kotorykh prinyaty resheniya o zaprete upravleniya transportnymi sredstvami = To the issue of surrender of driving licences by the persons banned from driving (Ugolovnoe pravo) (Issledovaniya, polemika, predlozheniya) // Zakonnost'. 2025. № 2. S. 49–54.
3. Lomov I. S. Aktual'nye problemy ispolneniya administrativnogo nakazaniya v vide lisheniya prava na upravlenie transportnymi sredstvami vseh vidov na primere vzaimodejstviya organov GIBDD i organov Gostehnadzora v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskie issledovaniya. 2023. № 4. S. 24–33.
4. Koryc S. I. Ispolnenie postanovleniya sud'i o lishenii special'nogo prava v vide prava upravleniya transportnym sredstvom pri uklonenii lica ot sdachi voditel'skogo udostovereniya // Zakon i pravo. 2022. № 7. С. 45–48.
5. Beketov O. I., Koryc S. I. Problemy ispolneniya postanovlenij o lishenii prava upravleniya transportnymi sredstvami // Pravoprimerenie. 2017. № 2. S. 115–124.
6. Zhoga E. Yu. Poryadok ispolneniya postanovleniya o lishenii special'nogo prava // Gumanitarnye, social'no-ehkonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2017. № 2. S. 65–70.
7. Golovko V. V., Slyshalov I. V., Sahno A. I. Ispolnenie nakazaniya v vide lisheniya prava na upravlenie transportnym sredstvom // Pravoprimerenie. 2021. Т. 5. № 3. S. 205–214.
8. Gumarov I. A., Tyryshkin V. V. K voprosu ob ispolnenii administrativnyh i ugolovnyh nakazaniy v vide lisheniya prava upravleniya transportnymi sredstvami // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2023. № 4 (44). S. 67–71.
9. Pankova O. V. Lishenie prava upravleniya transportnymi sredstvami kak vid administrativnogo nakazaniya // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 4. S. 34–41.
10. Bakanov K. S., Burcev A. A. Preduprezhdenie faktov upravleniya transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaneniya na etapah polucheniya, priostanovleniya, prekrashcheniya i vozobnovleniya prava na upravlenie transportnym sredstvom: monogr. M.: FКУ «NC BDD MVD Rossii», 2021.

Грицианова Кристина Петровна,

преподаватель кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России;
kristinagricianova16@mail.ru

Самсонов Николай Анатольевич,

преподаватель кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России;
sonnenikolas2018@gmail.com

Gricianova Kristina Petrovna,

Lecturer at the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
kristinagricianova16@mail.ru

Samsonov Nikolai Anatolevich,

Lecturer at the Department of Firearms Training
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
sonnenikolas2018@gmail.com

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования 19.05.2026;
принята к публикации 23.05.2026.

The article was submitted 10.05.2026; approved after peer reviewing 19.05.2026; accepted for publication 23.05.2026.

* * *

УДК 342.9

**РОЛЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ
В МЕХАНИЗМЕ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
НА ОБСЛУЖИВАЕМОЙ ТЕРРИТОРИИ****Дмитрий Александрович Кошелев**Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
koshelev-dima1249@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется функциональная роль участкового уполномоченного полиции как элемента механизма исполнения административного законодательства. Рассматривается дуализм его правового статуса, сочетающего профилактические и юрисдикционные полномочия. Акцент сделан на процессуальных аспектах документирования правонарушений, сборе доказательственной базы и проблемах доказывания в условиях ограниченных ресурсов. Анализируется специфика взаимодействия участкового уполномоченного полиции с подразделениями исполнения административного законодательства (далее – ИАЗ) и органами местного самоуправления. Предлагаются пути оптимизации служебной нагрузки через цифровую трансформацию и снижение бюрократического документооборота.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, административное законодательство, профилактика правонарушений, административная юрисдикция, документирование, доказательственная база, межведомственное взаимодействие, оптимизация нагрузки.

Для цитирования: Кошелев Д. А. Роль участкового уполномоченного полиции в механизме исполнения административного законодательства на обслуживаемой территории // Тратат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 56–63.

**THE ROLE OF A DISTRICT POLICE OFFICER IN THE MECHANISM
OF ADMINISTRATIVE LAW IMPLEMENTATION
ON THE ASSIGNED TERRITORY****Dmitry Alexandrovich Koshelev**Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Yekaterinburg, Russia,
koshelev-dima1249@yandex.ru

Abstract. The article examines the functional role of the district police officer as an element of the mechanism for enforcing administrative law. The dualism of its legal status, combining preventive and jurisdictional powers, is considered. The focus is on the procedural aspects of documenting offenses, collecting evidence, and the challenges of proving cases under resource constraints. The article analyzes the specifics of interaction between a district police officer and administrative law enforcement units (hereinafter referred to as ALE) and local government bodies. The article proposes ways to optimize the workload through digital transformation and reduction of bureaucratic paperwork.

Keywords: district police officer, administrative law, prevention of offenses, administrative jurisdiction, documentation, evidence base, interdepartmental interaction, workload optimization.

For citation: Koshelev D. A. The Role of a District Police Officer in the Mechanism of Administrative Law Implementation on the Assigned Territory. Journal of Legal Initiative, 56–63, 2026. (In Russ.).

Введение. В условиях современной правоохранительной деятельности участковый уполномоченный полиции (далее – УУП) выступает не просто должностным лицом, а системообразующим элементом в механизме реализации административного законодательства на локальном уровне. Именно закрепленный за УУП административный участок превращается в первичную площадку, где норма административного права становится либо реально работающим регулятором общественных отношений, либо утрачивает свою эффективность из-за недостатков первичной фиксации деликта. Согласно Федеральному закону от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и приказу МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» (далее – Приказ № 205) на УУП возложен значительный объем задач по охране

общественного порядка, предупреждению и пресечению правонарушений, а также производству по делам об административных правонарушениях в пределах компетенции, определенной Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ).

В отличие от коллег из строевых подразделений патрульно-постовой службы участковый погружен в социальную ткань обслуживаемой территории, воспринимая правонарушение не как единичный факт, а в его динамике и контексте – будь то семейно-бытовые конфликты, нарушение тишины или немедицинское потребление наркотиков (алкоголя) неблагополучными гражданами. В этом качестве УУП является первичным и незаменимым звеном цепочки административной юрисдикции, выполняя функции фильтра входящей информации, процессуального закрепления доказательств и последующего контроля за исполнением наказаний, включая выявление уклонения от уплаты штрафов по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ¹. Именно участковый, а не судья или сотрудник по исполнению административного законодательства (далее – ИАЗ), первым сталкивается с основной массой административных деликтов в жилом секторе – от бытового хулиганства до нарушений миграционного режима и правил благоустройства.

Вместе с тем положение УУП в механизме исполнения административного законодательства сопряжено с рядом системных противоречий: высокой бюрократической нагрузкой, дефицитом средств объективного контроля, трудностями доказывания в условиях отсутствия незаинтересованных свидетелей и размытостью юрисдикционных полномочий на стыке федерального и регионального регулирования. С учетом изложенного цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе функциональной роли УУП в механизме имплементации норм КоАП РФ на обслуживаемой территории, выделении ключевых направлений деятельности, обсуждении процессуальных барьеров и обосновании путей повышения эффективности правоприменительной практики.

Методы. Методологическая база исследования сформирована совокупностью общенаучных и частноправовых методов, позволивших обеспечить всестороннее, многоаспектное рассмотрение роли УУП в механизме исполнения административного законодательства.

Фундаментом исследования выступил диалектический метод. Его применение позволило проследить трансформацию функционального предназначения участкового уполномоченного от советской модели преимущественно социального посредника и профилактики к современной административно-юрисдикционной парадигме, в которой доминирует документоцентричная фиксация правонарушений. Диалектический подход дал возможность выявить внутренние противоречия деятельности УУП, в частности, конфликт между социальной миссией (помощь населению, медиация) и правоохранительной функцией (составление протоколов, задержание), а также противоречие между широким кругом обязанностей, предписанных Приказом № 205, и ограниченным процессуальным инструментарием на стадии возбуждения дела.

Широко применялись общенаучные методы анализа и синтеза. Анализ позволил расчленить единый процесс административно-юрисдикционной деятельности УУП на отдельные, относительно самостоятельные элементы: сбор первичной информации о деликте, фиксацию доказательств, квалификацию деяния, составление протокола и последующий контроль исполнения наказания. Каждый элемент был изучен с позиции его нормативной урегулированности и типичных правоприменительных ошибок. В свою очередь, синтез дал возможность воссоздать целостную картину функционирования звена административной юрисдикции и продемонстрировать, каким образом дефекты одного этапа (например, некачественный сбор доказательств) блокируют эффективность всей последующей цепочки правоприменения.

Методы индукции и дедукции использовались в тесной взаимосвязи. Индуктивный путь применялся при обобщении эмпирического материала: анализ конкретных судебных постановлений (Чапаевского городского суда², Ленинского районного суда г. Владивостока³) и прокурорских

¹ 1 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mr2zziunsv344929659 (дата обращения 02.02.2026).

² Постановление № 5-63/2019 от 5 февраля 2019 г. по делу № 5-63/2019 :: СудАкт.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nf1BRPnyn7ZE/?ysclid=mr2zsh1h5s491758924> (дата обращения 02.02.2026).

³ № 5-74/2018 от 01.02.2018 - Ленинский районный суд г. Владивостока (Приморский край) - АКТ ОФАКТ. [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-25RS0001-5-74-2018-2018-02-01-1-0/?ysclid=mr2zv83z9c781019249> (дата обращения 02.02.2026).

определений об отказе в возбуждении дел¹ приводил к обобщающим выводам о типичных недостатках документирования и собирания доказательственного материала. Дедуктивный метод, напротив, позволял от общих норм КоАП РФ² (ст. 23.3, 28.2, 28.6) и правовых позиций Пленума Верховного Суда Российской Федерации³ переходить к конкретным требованиям, предъявляемым к действиям УУП при оформлении протокола, проведении административного задержания и изъятии вещей.

Существенную роль сыграл системно-структурный метод. Административно-юрисдикционная деятельность УУП была рассмотрена не изолированно, а как подсистема более широкого механизма государственного административного принуждения. Данный подход позволил установить устойчивые связи УУП с иными элементами системы: подразделениями ИАЗ, дежурной частью, дознанием, уголовным розыском, Федеральной службой судебных приставов (далее – ФССП) и административными комиссиями муниципальных образований. На основе системно-структурного анализа были выявлены точки информационного обмена, дублирования функций и пробелы в межведомственных регламентах.

Со структурно-функциональным методом связана разработка авторской классификации функций УУП в исполнительном механизме: были выделены и описаны превентивный, пресекающий, процессуально-доказательственный, контрольный и координационный функциональные блоки. Анализ взаимозависимости этих блоков показал, что гипертрофия контрольно-исполнительной составляющей (погоня за должниками по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ) приводит к сворачиванию профилактической работы как менее измеряемой количественными показателями.

Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления юрисдикционных полномочий УУП с компетенцией иных субъектов административной юрисдикции (сотрудников ИАЗ, начальников территориальных органов, должностных лиц муниципального контроля). На этой основе были обнаружены коллизии на стыке федерального и регионального законодательства: например, в ситуациях с незаконной парковкой на газонах или нарушением тишины в ночное время УУП зачастую лишен возможности самостоятельно составить протокол, однако обязан реагировать на вызовы граждан, что создает зону правовой неопределенности.

Формально-юридический метод обеспечил доктринальное толкование текстов нормативных правовых актов – Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», КоАП РФ, Приказа № 205 и региональных законов об административных правонарушениях – с позиций юридической техники, полноты и непротиворечивости регулирования. В рамках этого метода выявлялись пробелы, затрудняющие реализацию полномочий УУП.

Результаты. Роль УУП в механизме исполнения административного законодательства структурирована в пять функциональных блоков.

1. Информационно-аналитическая и профилактическая деятельность. УУП выступает первичным сборщиком информации о состоянии правопорядка. Профилактическая работа с подучетным контингентом (склонные к злоупотреблению алкоголем, семейные агрессоры, ранее судимые) реализуется через индивидуальные беседы и поквартирные обходы. Как отмечают О. А. Строева и Е. С. Лимарева, «участковый уполномоченный полиции является ключевым элементом в организации деятельности по предупреждению и пресечению административных правонарушений, а эффективность этой деятельности напрямую зависит от качества планирования и взаимодействия с населением» [3, с. 10]. А. В. Тлупова подчеркивает, что «УУП выступает своеобразным мостом между населением и правоохранительными органами, помогая полиции выявлять правонарушения и преступления на ранней стадии, что дает возможность быстро реагировать на них, предотвращать их дальнейшее распространение [4, с. 84]». Установлено, что разъяснительная работа снижает латентность правонарушений и предотвра-

¹ Решение № 12-2/3/2020 от 5 февраля 2020 г. по делу № 12-2/3/2020: СудАкт.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qbtLUUGNSpUB/?ysclid=mr2zx9451u583194419> (дата обращения 02.02.2026)..

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/?ysclid=mr2zziunsv344929659 (дата обращения 02.02.2026).

³ Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выражающихся в уклонении от исполнения наказания в виде административного штрафа: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 38 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522782/?ysclid=mr3013d79t740607328 (дата обращения 02.02.2026).

щает эскалацию бытовых конфликтов в уголовно наказуемые деяния (в частности, по ст. 6.1.1 КоАП РФ).

2. Юрисдикционно-пресекательная функция. УУП реализует полномочия по выявлению составов, предусмотренных гл. 5–20 КоАП РФ. Наибольший удельный вес в структуре выявляемости занимают ст. 20.1 (мелкое хулиганство), ч. 1 ст. 20.20, 20.21 (распитие и появление в опьянении), а также миграционные составы. В отличие от патрульных служб УУП видит правонарушение в социальном контексте, что позволяет избирать адекватные меры воздействия. Показательным примером является дело, рассмотренное Чапаевским городским судом Самарской области (постановление № 5-174/2019 от 19.02.2019), где основанием для привлечения к ответственности по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ послужили рапорт полицейского и протокол опроса очевидца, зафиксировавшие факт нецензурной брани в общественном месте и игнорирование замечаний граждан¹.

3. Процессуально-доказательственная деятельность. Выявлена ключевая проблема документирования: большинство бытовых конфликтов совершается в отсутствие незаинтересованных свидетелей. А. О. Дрозд в диссертационном исследовании, выполненном по материалам ГУ МВД России по Алтайскому краю, констатирует: «КоАП РФ наделил участковых уполномоченных полиции широкими полномочиями по осуществлению административно-юрисдикционной деятельности, однако на практике при реализации указанных полномочий они сталкиваются с рядом трудностей как правового, так и организационного характера» [2, с. 72]. УУП вынужден компенсировать дефицит свидетельской базы использованием средств фото- и видеофиксации, а также составлением детализированных рапортов, имеющих доказательственное значение согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации².

Особую сложность представляет доказывание по ст. 6.1.1 КоАП РФ. В научной литературе обоснованно отмечается, что «содержанием побоев как социального конфликта, при обострении которого противоречия обретают форму активных действий в виде побоев и иных насильственных действий, причиняющих физическую боль, обусловлены трудности квалификации деяний и отграничения административного правонарушения от уголовно наказуемого» [6, с. 31]. В правоприменительной практике нередки случаи, когда отсутствие заключения судебно-медицинской экспертизы приводит к прекращению дела либо переквалификации. Так, по делу № 5-74/2018, рассмотренному Ленинским районным судом г. Владивостока, потерпевшая «ФИО1» подтвердила факт нанесения ей побоев, однако суд был вынужден дополнительно исследовать все материалы ввиду отсутствия надлежащего медицинского освидетельствования³.

Прокурорская практика также свидетельствует о системных недостатках в работе УУП по сбору доказательств: например, в одном из определений об отказе в возбуждении дела «в нарушение требований ст. 26.1 КоАП РФ УУП не выяснены обстоятельства повреждения автомобиля, не установлен размер причиненного потерпевшему ущерба, имеющаяся в материалах дела совокупность доказательств не достаточна для вынесения определения»⁴.

4. Контрольно-исполнительная деятельность. Механизм реализации административной ответственности не завершается составлением протокола. УУП осуществляет мониторинг уплаты штрафов лицами, проживающими на участке, инициируя возбуждение дел по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ за уклонение от исполнения наказания. Как разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2025 г. № 38, «рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных частью 1 статьи

¹ № 5-174/2019 от 19.02.2019 - Чапаевский городской суд (Самарская область) - АКТОФАКТ [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-63RS0033-5-174-2019-2019-02-19-1-0/?ysclid=mr303152ap236881780> (дата обращения 02.02.2026)..

² Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выражающихся в уклонении от исполнения наказания в виде административного штрафа: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 38 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522782/?ysclid=mr304lxiwt590066580 (дата обращения 02.02.2026)..

³ № 5-74/2018 от 01.02.2018 - Ленинский районный суд г. Владивостока (Приморский край) - АКТОФАКТ [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-25RS0001-5-74-2018-2018-02-01-1-0/?ysclid=mr306338df921227583> (дата обращения 02.02.2026).

⁴ Решение № 12-2/3/2020 от 5 февраля 2020 г. по делу № 12-2/3/2020 : СудАкт.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/qbtLUUGNSpUB/?ysclid=mr30aa0hcr273126796> (дата обращения 02.02.2026).

20.25 КоАП РФ, по общему правилу относится к компетенции судей судов общей юрисдикции»¹. На практике выявление должников происходит в ходе профилактических обходов, рейдовых мероприятий «Должник» и взаимодействия с ФССП. Однако в научной литературе подчеркивается, что «участковый уполномоченный полиции сталкивается с рядом проблем при осуществлении производства по делам о привлечении к административной ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты штрафа, включая отсутствие актуальных сведений об оплате и ограниченные сроки давности» [5, с. 48].

5. Координация и межведомственное взаимодействие. УУП является связующим звеном между населением, дежурной частью, ИАЗ и муниципальными административными комиссиями. Именно через него циркулирует информация о должниках по штрафам и лицах, нарушающих региональные законы о благоустройстве. А. В. Шевцов выделяет «основные особенности реализации участковыми уполномоченными полиции предусмотренной законом административно-процессуальной компетенции в сфере взаимодействия с иными субъектами административной юрисдикции и их должностными лицами, уполномоченными выносить постановления по делам об административных правонарушениях» [1, с. 170]. Я. Е. Верхоглядов акцентирует внимание на роли УУП «как субъекта выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятия мер по их устранению», предлагая конкретные направления совершенствования данной деятельности [5, с. 50].

Обсуждение. Полученные результаты позволяют существенно углубить понимание реального положения УУП в механизме административной юрисдикции и высветить системные противоречия, незаметные при исключительно нормативном анализе. Прежде всего, обращает на себя внимание фундаментальный дисбаланс между широким объемом обязанностей, возложенных на участкового, и его ограниченным процессуальным статусом. Проведенный структурно-функциональный анализ демонстрирует, что УУП, будучи основным сборщиком первичных доказательств, крайне редко выступает субъектом, принимающим итоговое решение по делу.

Результативность всего правоприменительного процесса напрямую обуславливается качеством подготовленных УУП материалов, однако одновременно он лишен достаточной самостоятельности, чтобы оперативно урегулировать конфликт непосредственно на месте, что особенно остро ощущается в жилых кварталах. А. О. Дрозд обоснованно подчеркивает: обширные права, предоставленные де-юре, на практике оборачиваются серьезными сложностями, имеющими не только юридическую, но и организационную природу – от нехватки времени для составления грамотных документов до отсутствия самых необходимых средств объективной фиксации [2, с. 98].

Рассмотренные примеры из судебной и прокурорской практики отчетливо высвечивают еще один ключевой момент – трудности доказывания по правонарушениям, совершенным в быту. В противоположность проступкам в общественных местах, семейно-бытовые инциденты, охватываемые ст. 6.1.1 КоАП РФ или региональными нормами о соблюдении тишины, происходят в замкнутом пространстве, где свидетелями являются лишь сами стороны либо аффилированные с ними родственники. В подобной ситуации практика массовых отказов от дачи показаний превращается в практически непреодолимое препятствие для создания полноценной доказательственной базы. Данные сравнительно-правового анализа свидетельствуют: в этих условиях на первый план выходят материальные следы и средства объективного контроля — результаты судебно-медицинских освидетельствований, записи с нагрудных видеорегистраторов, скриншоты переписки. Однако, как показало исследование, именно здесь участковый сталкивается с острым дефицитом и времени, и технических ресурсов. Использование метода включенного наблюдения вскрыло парадокс: уполномоченный сотрудник часто достоверно знает, что правонарушение имело место, но не в состоянии собрать убедительные для суда доказательства, вследствие чего постановления отменяются, дела прекращаются, а авторитет полиции в глазах населения подрывается.

Системно-структурный анализ выявил и другую не менее значимую сложность – размывание ответственности между федеральным и региональным уровнями административного регулирования. Сравнительно-правовое сопоставление функций участкового и муниципальных админи-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 N 38 «Об отдельных вопросах, возникающих у судов при рассмотрении дел об административных правонарушениях, выражающихся в уклонении от исполнения наказания в виде административного штрафа». КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522782/?ysclid=mr30bvagox206408850 (дата обращения 02.02.2026).

стративных комиссий демонстрирует, что при нарушениях правил парковки на озелененных территориях, благоустройства или тишины УУП формально не наделен правом составлять протокол, однако фактически ему приходится выезжать по обращениям граждан, поскольку именно полиция остается для людей единственным реально доступным звеном охраны порядка. Возникает опасная зона правовой неопределенности: УУП не может отказать в реагировании, но его действия могут быть признаны превышением полномочий. Это противоречие усугубляется отсутствием унифицированных электронных регламентов обмена информацией с муниципальными органами, что ведет к затягиванию сроков и оседанию материалов без движения.

Обсуждение путей оптимизации неизбежно приводит к вопросу о цифровой трансформации. Примененный диалектический метод позволяет утверждать, что мы находимся в переходном периоде от бумажно ориентированной модели к гибридной цифровой. Внедрение предзаполненных форм электронных протоколов в мобильных устройствах, интеграция с базами данных ФССП и государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах (далее – ГИС ГМП) способны, по нашим оценкам, высвободить до 30 % служебного времени УУП.

Однако цифровизация не должна становиться самоцелью: необходимо параллельное изменение управленческих подходов. А. В. Шевцов подчеркивает важность административно-процессуальных аспектов взаимодействия [1, с. 171], и мы полностью разделяем эту позицию – именно в плоскости процессуальных регламентов лежит ключ к решению многих проблем. Представляется целесообразным введение единых алгоритмов действий УУП в типичных правоприменительных ситуациях с четким разграничением компетенций, закрепленных не на уровне методических рекомендаций, а в ведомственных нормативных актах.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что УУП занимает уникальное и не сводимое ни к какому иному элементу место в системе исполнения административного законодательства. Его роль выходит далеко за пределы простого документирования правонарушений: УУП одновременно выступает юрисдикционным агентом, социальным медиатором, низовым аналитиком криминогенной обстановки и контролером исполнения наказаний. Применение комплексной методологии, объединившей диалектический, системно-структурный, сравнительно-правовой методы и включенное наблюдение, позволило не просто констатировать многогранность этой роли, но и вскрыть глубинные противоречия, снижающие эффективность ее реализации.

Ключевым выводом работы является тезис о том, что качество функционирования всей административно-юрисдикционной цепочки на обслуживаемой территории детерминировано прежде всего процессуальной грамотностью УУП на стадии первичного сбора доказательств и его способностью выстраивать доверительные отношения с населением.

На основе обсуждения можно сформулировать следующие предложения практического характера: во-первых, необходима институционализация на уровне ведомственных приказов единых электронных регламентов взаимодействия УУП с муниципальными органами административной юрисдикции, что позволит снять конфликт компетенций на стыке федерального и регионального законодательства; во-вторых, требуется подключение УУП к централизованным базам данных ФССП и ГИС ГМП в режиме реального времени для оперативного контроля уплаты штрафов.

Наконец, перспективным направлением дальнейших научных изысканий представляется детальное изучение зарубежного опыта функционирования аналогов УУП в административно-деликтной сфере с последующей адаптацией наиболее эффективных моделей к российским правовым реалиям. Только при условии системного подхода, сочетающего правовую регламентацию, техническое переоснащение и изменение управленческой парадигмы, роль УУП в механизме исполнения административного законодательства будет реализована с максимальной социальной отдачей.

Список источников

1. Шевцов А. В. Административно-процессуальные особенности взаимодействия участковых уполномоченных полиции с иными субъектами административной юрисдикции // Академическая мысль. 2022. № 2(19). С. 170–174.
2. Дрозд А. О. Административно-юрисдикционная деятельность, осуществляемая участковыми уполномоченными полиции (по материалам ГУ МВД России по Алтайскому краю): спец.

12.00.14 «Административное право; административный процесс»: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2012. 166 с.

3. Строева О. А., Лимарева Е. С. Организационные основы деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и пресечению административных правонарушений // Вестник науки. 2019. Т. 1, № 7(15). С. 9–13.

4. Тлупова А. В. Индивидуальная профилактическая работа как одна из форм несения службы участковым уполномоченным полиции // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17, № 4. С. 82–86.

5. Верхоглядов Я. Е. Участковый уполномоченный полиции как субъект выявления причин и условий, способствовавших совершению административных правонарушений, и принятия мер по их устранению // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 4(74). С. 43–56.

6. Должникова Е. В. Обоснование признаков правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КОАП РФ, в спектре элементов межличностного социального конфликта // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 1(69). С. 29–33.

7. Гришаков А. Г. Роль и компетенция старшего участкового уполномоченного полиции в организации службы участковых уполномоченных полиции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2020. № 20-1. С. 146–147.

8. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Индивидуальная профилактическая деятельность участкового уполномоченного полиции как показатель эффективности деятельности полиции в целом // Участковый уполномоченный полиции: проблемы административной деятельности и пути их решения: материалы внутриведомств. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 15 ноября 2023 г. СПб: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2023. С. 157–161.

9. Гришаков А. Г. Административная деятельность участкового уполномоченного полиции на территории обслуживаемого участка. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2020. 59 с.

10. Мусинова М. А. Негативные социальные фоновые явления как вызов профилактической деятельности участкового уполномоченного полиции // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2025. № 1 (70). С. 68–77.

References

1. Shevcov A. V. Administrativno-processual'nye osobennosti vzaimodejstviya uchastkovyh upolnomochennyh policii s inymi sub"ektami administrativnoj yurisdikcii // Akademicheskaya mysl'. 2022. № 2(19). S. 170–174.

2. Drozd A. O. Administrativno-yurisdikcionnaya deyatel'nost', osushchestvlyаемая uchastkovymi upolnomochennymi policii (po materialam GU MVD Rossii po Altajskomu krayu): spec. 12.00.14 «Administrativnoe pravo; administrativnyj process»: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2012. 166 с.

3. Stroeve O. A., Limareva E. S. Organizacionnye osnovy deyatel'nosti uchastkovyh upolnomochennyh policii po preduprezhdeniyu i presecheniyu administrativnyh pravonarushenij // Vestnik nauki. 2019. Т. 1, № 7(15). S. 9–13.

4. Tlupova A. V. Individual'naya profilakticheskaya rabota kak odna iz form neseniya sluzhby uchastkovym upolnomochennym policii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. Т. 17, № 4. S. 82–86.

5. Verhoglyadov Ya. E. Uchastkovyj upolnomochennyj policii kak sub"ekt vyyavleniya prichin i uslovij, sposobstvovavshih soversheniyu administrativnyh pravonarushenij, i prinyatiya mer po ih ustraneniyu // Yuridicheskaya nauka i pravooxranitel'naya praktika. 2025. № 4(74). S. 43–56.

6. Dolzhnikova E. V. Obosnovanie priznakov pravonarusheniya, predusmotrennogo st. 6.1.1 KOAP RF, v spektre ehlementov mezhlichnostnogo social'nogo konflikta // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. 2024. № 1(69). S. 29–33.

7. Grishakov A. G. Rol' i kompetenciya starshego uchastkovogo upolnomochennogo policii v organizacii sluzhby uchastkovyh upolnomochennyh policii // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2020. № 20-1. S. 146–147.

8. Holmanskiy V. I., Stul'nova T. V. Individual'naya profilakticheskaya deyatel'nost' uchastkovogo upolnomochennogo policii kak pokazatel' ehffektivnosti deyatel'nosti policii v celom // Uchastkovyj upolnomochennyj policii: problemy administrativnoj deyatel'nosti i puti ih resheniya: materialy vnutrivedomstv. nauch.-prakt. konf., Sankt-Peterburg, 15 noyabrya 2023 g. SPb: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 2023. S. 157–161.

9. Grishakov A. G. Administrativnaya deyatel'nost' uchastkovogo upolnomochennogo policii na territorii obsluzhivaemogo uchastka. Barnaul: Barnaul. yurid. in-t MVD Rossii, 2020. 59 s.

10. Musinova M. A. Negativnye social'nye fonovye yavleniya kak vyzov profilakticheskoy deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 1 (70). S. 68–77.

Кошелев Дмитрий Александрович,

старший преподаватель кафедры конституционного права,
административного права и административной деятельности
органов внутренних дел Уральского юридического института МВД России;
koshelev-dima1249@yandex.ru

Koshelev Dmitry Alexandrovich,

Senior Lecturer at the Department of Constitutional Law,
Administrative Law and Administrative Activities of
Internal Affairs Bodies of the Ural Law Institute of the Ministry
of the Interior of Russia;
koshelev-dima1249@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 29.05.2026; принята к публикации 29.05.2026.

The article was submitted 20.05.2026; approved after peer reviewing 29.05.2026; accepted for publication 29.05.2026.

* * *

УДК 342.3

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЕЛОВ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ

*Екатерина Сергеевна Шемет***Эллада Александровна Тихонович***

*Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,

shemet_e@kkap.volakdm.ru

**Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия,

tikhonovichea@volsu.ru

Аннотация. Статья посвящена системному анализу пробелов конституционно-правового регулирования экономического суверенитета Российской Федерации в условиях беспрецедентного санкционного давления (более 31 500 санкций к февралю 2026 г.). Авторами предложена оригинальная классификация конституционно-правовых механизмов обеспечения экономического суверенитета, включающая пять уровней: нормативный, институциональный, процедурный, международно-правовой и секторальный. Методологическую основу составляют системный, структурный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. В результате исследования выявлены системные пробелы на каждом уровне: отсутствие легальной дефиниции экономического суверенитета, подзаконный характер большинства антисанкционных мер, концентрация полномочий у исполнительной власти при дефиците парламентского контроля, неопределенность правового статуса «суверенных контрмер» и отсутствие единого федерального закона об экономическом суверенитете. Проведен сравнительный анализ российской модели с зарубежными системами (США, ЕС, Китай, Япония). Сформулированы предложения *de lege ferenda*, направленные на системное совершенствование конституционно-правового регулирования.

Ключевые слова: экономический суверенитет, санкции, конституционно-правовые уровни, технологический суверенитет, механизм обеспечения экономического суверенитета.

Для цитирования: Шемет Е. С., Тихонович Э. А. Системный анализ пробелов конституционно-правового регулирования экономического суверенитета Российской Федерации в условиях санкционного давления // Тратат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 64–76.

SYSTEMATIC ANALYSIS OF GAPS IN THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER SANCTIONS PRESSURE

*Ekaterina Sergeevna Shemet***Ellada Aleksandrovna Tikhonovich***

*Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,

shemet_e@kkap.volakdm.ru

**Volgograd State University, Volgograd, Russia,

tikhonovichea@volsu.ru

Abstract. The article is devoted to a systematic analysis of gaps in the constitutional and legal regulation of the economic sovereignty of the Russian Federation under unprecedented sanctions pressure (over 31,500 sanctions by February 2026). The authors propose an original classification of constitutional and legal mechanisms for ensuring economic sovereignty, comprising five levels: normative, institutional, procedural, international legal, and sectoral. The methodological framework includes systemic, structural, formal legal, and comparative legal methods. The study identifies systematic gaps at each level: the absence of a legal definition of economic sovereignty, the subordinate regulatory nature of most anti-sanction measures, concentration of powers in the executive branch with a deficit of parliamentary control, uncertainty regarding the legal status of “sovereign countermeasures”; and

the lack of a unified federal law on economic sovereignty. A comparative analysis of the Russian model with foreign systems (the USA, the EU, China, Japan) is conducted. Proposals de lege ferenda are formulated aimed at systematic improvement of constitutional and legal regulation.

Keywords: economic sovereignty; sanctions; constitutional and legal levels; technological sovereignty; mechanism for ensuring economic sovereignty.

For citation: Shemet E. S., Tikhonovich E. A. Systematic Analysis of Gaps in the Constitutional and Legal Regulation of Economic Sovereignty of the Russian Federation under Sanctions Pressure. Journal of Legal Initiatives, 64–76, 2026. (In Russ.).

Введение. Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время оказывается значительное санкционное давление на экономику Российской Федерации. По данным Castellum.AI¹, к 24 февраля 2026 г. против России введено более 31 500 неторговых санкций, из которых 92,5 % – введены после февраля 2022 г. Крупнейшими субъектами санкционной политики выступают Соединенные Штаты Америки (далее – США) (7 411 ограничений, т. е. 23,5 % от общего числа), Канада (3 980 ограничений, 12,6 %), Швейцария (3 851 ограничение, 12,2 %) и Европейский союз (далее – ЕС) с учетом девятнадцатого санкционного пакета (3 212 ограничений, 10,2 %). Несмотря на то что экономика Российской Федерации продемонстрировала значительную устойчивость (рост валового внутреннего продукта (далее – ВВП) составил 3,6 % в 2023 г. и 4,1 % – в 2024 г., объем ВВП впервые превысил 200 трлн рублей), экономический механизм обеспечивался преимущественно подзаконными инструментами (указами Президента и постановлениями Правительства), а не специальным законодательным регулированием. Между тем подзаконный уровень регулирования не отвечает стандартам конституционной определенности (ст. 55, ч. 3 Конституции Российской Федерации²) и создает риски нормативных коллизий и дефицита парламентского контроля.

Совокупность указанных факторов обуславливает научную и практическую значимость комплексного исследования пробелов конституционно-правового регулирования экономического суверенитета в целях формирования предложений по их законодательному устранению.

Степень научной разработанности проблемы характеризуется определенной асимметрией из-за новизны для российской экономики проблемы значительного санкционного давления, а имеющийся мировой опыт демонстрирует определенные исследовательские ограничения из-за разницы структуры и уровня развития национальных экономик, имеющих опыт противостояния санкционным ограничениям.

Общие вопросы государственного суверенитета исследованы в работах С. А. Авакьяна [1], Б. С. Эбзеева [2; 3], В. Д. Зорькина [4; 5], Н. В. Витрука. Конституционные основы экономических отношений изучались А. Е. Постниковым, Г. А. Гаджиевым [6], С. А. Грачевой. Значительная для исследования информация также содержится в иных научных трудах [7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

Вместе с тем специальные исследования, посвященные конституционно-правовым механизмам экономического суверенитета именно в условиях санкционного давления 2022–2026 гг., немногочисленны, что определяет научную новизну и практическую значимость настоящей работы.

Целью исследования стал критический анализ пробелов конституционно-правового регулирования экономического суверенитета Российской Федерации.

Понятие «экономический суверенитет» выступает межотраслевой категорией, исследуемой в экономической науке, конституционном праве и международном праве, но до настоящего времени не получившей ни законодательного, ни единого доктринального определения.

Концептуальным инструментом системного анализа пробелов может служить модель «ядра развития» О. В. Иншакова, в которой хозяйственная система описывается через шесть базовых эндогенных факторов: человеческий (А), технико-технологический (Т), природно-ресурсный (Rn), институциональный (Ins), организационный (О) и информационный (Inf) – сгруппированных в трансформационные (А, Т, Rn) и трансакционные (Ins, О, Inf) комплексы [16].

¹ Castellum.AI Sanctions Database // Официальный сайт Castellum.AI. URL: <https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard> (дата обращения 16.02.2026)..

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

Применительно к экономическому суверенитету России это означает, что санкционное давление одновременно воздействует на оба комплекса: трансформационный – через ограничение доступа к технологиям и природным ресурсам, трансакционный – через разрушение институциональных связей и информационного обмена.

Отсутствие в действующем конституционном законодательстве единого правового механизма, охватывающего все шесть факторных измерений, и образует системные пробелы, выявляемые в настоящем исследовании.

В отечественной юридической литературе под экономическим суверенитетом в широком смысле понимается самостоятельность государства в осуществлении суверенных прерогатив экономического содержания во взаимоотношениях с другими государствами. В узком (конституционно-правовом) смысле – это совокупность конституционно закрепленных правомочий государства самостоятельно формулировать и реализовывать национальные интересы в сфере экономики при сохранении участия в международных экономических отношениях.

При этом принципиально важно отделить понятие «экономический суверенитет» от схожих понятий «экономическая безопасность» и «экономическая независимость».

Экономический суверенитет – конституционно-правовая способность государства самостоятельно определять и реализовывать экономическую политику, правовой иммунитет к внешнему экономическому давлению, закрепленный в конституционных нормах (ст. 75.1 Конституции Российской Федерации¹ о приоритете национального права, ч. 5.1 ст. 125 – о полномочиях Конституционного суда Российской Федерации по проверке исполнимости решений международных органов).

Экономическая безопасность – фактическая устойчивость национальной экономики к реализованным различным угрозам, измеряемая количественными параметрами (темпы роста ВВП, уровень инфляции, объем золотовалютных резервов, доля импортозамещения в критических отраслях). Это состояние защищенности, а не правовая возможность ее обеспечить.

Экономическая независимость, в свою очередь, характеризует способность национальной хозяйственной системы к автономному функционированию в течение определенного промежутка времени в части критических технологий, а также технологий, обеспечивающих поддержание производства сложной и высокотехнологичной продукции. Соотношение этих понятий таково: экономический суверенитет выступает нормативно-правовой основой, создающей условия для обеспечения экономической безопасности и достижения экономической независимости. Иными словами, экономический суверенитет – это правовое оформление возможности, тогда как экономическая безопасность – ее реализация, а экономическая независимость – качественная характеристика эффективно функционирующей национальной хозяйственной системы.

Традиционно экономический суверенитет и безопасность рассматриваются как взаимодополняющие категории: суверенитет создает правовую основу для обеспечения безопасности. Однако в условиях внешних санкций Российская Федерация обладает прежним экономическим суверенитетом, но испытывает угрозы экономической безопасности (например, существующая технологическая зависимость от недружественных стран). Это воспроизводит ситуацию суверенитета без безопасности и фактической способности ее реализовать.

Таким образом, совершенствование конституционно-правовых механизмов должно идти по пути не усиления экономического суверенитета, а конвертации действующего уровня суверенитета в экономическую безопасность посредством обеспечения технологического суверенитета. Целью становится именно технологическая автономия в узких критических сегментах, от которых зависит фактическая безопасность.

В доктрине конституционного права выделяется несколько подходов к определению экономического суверенитета. Первый – либеральный – акцентирует внимание на праве государства самостоятельно определять правила экономической деятельности без вмешательства извне, в том числе выстраивать систему защиты собственности и конкуренции. Второй – дирижистский – делает акцент на праве государства контролировать национальные ресурсы, регулировать внешнеторговые отношения и ограничивать иностранные инвестиции в стратегических секторах. Третий подход, который представляется наиболее адекватным российской конституционно-правовой традиции, – интегральный: экономический суверенитет предполагает автономию,

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412..

которая не влечет полную автаркию, а выражает возможность государства осуществлять самозащиту в глобальном экономическом пространстве при одновременном сохранении открытости. Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений¹ также последовательно придерживается интегрального подхода, признавая допустимость ограничений свободы экономической деятельности в тех случаях, когда они соразмерны конституционно значимым целям защиты национальных интересов.

Российская модель основана на трехуровневой системе: конституционном фундаменте (ст. 8, 9, 71, 74, 75 Конституции Российской Федерации² в редакции 2020 г.), отраслевом законодательстве (Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах»³, антисанкционные законы 2022–2025 гг.) и институциональном механизме с доминированием президентской власти. Специфика российского подхода заключается в реактивной природе правового регулирования: большинство антисанкционных механизмов были приняты после 2022 г. в ответ на беспрецедентное давление (более 31 500 санкций к февралю 2026 г.). Конституционные поправки 2020 г.⁴ усилили нормативное закрепление принципа приоритета национального права над международными обязательствами (ч. 5.1 ст. 125 Конституции Российской Федерации), что создает правовую основу для игнорирования санкционных режимов.

ЕС принял Стратегию экономической безопасности в июне 2023 г.⁵, структурированную вокруг трех столпов: содействие конкурентоспособности, защита от рисков (устойчивость цепочек поставок, безопасность критической инфраструктуры, технологическая безопасность, противодействие экономическому принуждению) и партнерство с союзниками. Принципиальное отличие от российской модели – превентивный характер регулирования и акцент на многосторонней координации, а не унилатеральных мерах. Механизм принятия решений требует квалифицированного большинства в Совете ЕС по торговым вопросам, но единогласия – по санкциям и внешнеполитическим мерам, что снижает оперативность реагирования по сравнению с централизованными системами США и Китая. Германия как наиболее зависимая от внешней торговли экономика ЕС выступает «слабым звеном» в геоэкономическом противостоянии, что стимулирует усиление наднационального контроля.

Американская система базируется на двух ключевых законах эпохи холодной войны: International Emergency Economic Powers Act (IEEPA, 1977)⁶ (далее – IEEPA) и Defense Production Act (1950)⁷. IEEPA предоставляет президенту «наиболее широкие полномочия для введения экономических санкций», позволяя после объявления чрезвычайного положения регулировать валютные операции, блокировать активы и запрещать транзакции с участием иностранных лиц без одобрения Конгресса. Defense Production Act уполномочивает исполнительную власть приоритизировать государственные заказы, аллоцировать дефицитные материалы, предоставлять займы компаниям и устанавливать оборудование на частных предприятиях для нужд национальной обороны. Преимущество американской модели – гибкость и концентрация власти в руках президента при минимальных внутривластных ограничениях, что обеспечивает быстрое реагирование на угрозы. Доминирование доллара в международных расчетах делает валютные санкции США экстерриториальным инструментом принуждения.

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487, пункта 1 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 февраля 2018 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 9. Ст. 1435.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

³ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 44.

⁴ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

⁵ European Economic Security Strategy (принята Европейской Комиссией в июне 2023 г.) // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3358 (дата обращения 16.02.2026).

⁶ International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), 1977 // United States Code. Title 50. Chapter 35. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title50/chapter35> (дата обращения 16.02.2026).

⁷ Defense Production Act of 1950 // United States Code. Title 50. Chapter 55. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title50-chapter55> (дата обращения 16.02.2026).

Китайская Народная Республика (далее – КНР) в 2021 г. приняла Anti-Foreign Sanctions Law¹, создающую правовую основу для ответных санкций (контрсанкций) против иностранных физических и юридических лиц, участвующих в разработке или реализации «дискриминационных мер» против китайских граждан. Закон предусматривает внесение в «черный список», отказ в визах, замораживание активов, запрет коммерческих операций с китайскими резидентами и иные меры по усмотрению властей. Особенность китайского подхода – blocking statute, запрещающий организациям на территории КНР (включая иностранные филиалы) исполнять решения зарубежных санкционных органов под угрозой ответственности. Это создает «ловушку комплаенса» для транснациональных корпораций, вынужденных выбирать между китайским и западным правом. Однако ограниченная интернационализация юаня (менее 3 % глобальных расчетов) не позволяет КНР применять валютные санкции, аналогичные американским.

Закон о содействии экономической безопасности (май 2022 г.)² устанавливает четыре системы защиты: обеспечение стабильных поставок критических материалов (11 категорий, включая полупроводники, промышленных роботов, аккумуляторы), стабильность функционирования критической инфраструктуры, поддержка разработки специфических критических технологий и режим неразглашения отдельных патентных заявок. В декабре 2022 г. создано Министерство экономической безопасности – единственное в мире профильное ведомство такого уровня. Японская модель характеризуется превентивностью (в отличие от реактивной российской), технологической специализацией (фокус на цепочках поставок высокотехнологичной продукции) и отсутствием ретортных механизмов типа китайских контрсанкций. Государство предоставляет субсидии и займы частному бизнесу для укрепления цепочек поставок, а не использует принудительные меры.

Сравнительный анализ выявляет три основных мировых модели обеспечения экономического суверенитета: централизованно-принудительную (США (IEEPA; Defense Production Act³), Китай (Anti-Foreign Sanctions Law⁴ 2021 г.), координационно-превентивную (ЕС (Economic Security Strategy⁵ 2023 г.), Япония (Economic Security Promotion Act⁶ 2022 г.) и гибридную (Российская Федерация сочетает централизацию с реактивностью).

С опорой на анализ конституционных норм, стратегических документов и доктринальных источников, а также на актуальную практику противодействия санкциям 2014–2026 гг., авторы предлагают классификацию конституционно-правовых уровней механизма обеспечения экономического суверенитета.

Классификация строится по функционально-структурному критерию: каждый уровень выделяется исходя из того, какие функции на нем реализуются в системе правового обеспечения экономического суверенитета – закрепление полномочий (нормативный уровень), организация субъектов (институциональный уровень), установление порядка действий (процедурный уровень) или достижение конкретного содержательного результата в отдельных сферах (секторальный уровень) (табл. 1).

Предлагаемая классификация имеет следующие методические ограничения, не влияющие на релевантность полученных результатов. Так, отдельные механизмы (например, деятельность Конституционного суда Российской Федерации) одновременно относятся к нескольким уровням. Классификация охватывает исключительно конституционно-правовые механизмы, оставляя за пределами границы исследования экономические или административно-управленческие инструменты суверенизации. Кроме того, границы между выделенными уровнями носят аналитический, а не строго нормативный характер.

¹ Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China (принят 10 июня 2021 г.) // Standing Committee of the NPC. URL: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202106/d4296f4df5b2420496b867466e0dea16.shtml> (дата обращения 16.02.2026).

² Economic Security Promotion Act (Япония, принят в мае 2022 г.) // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/economic_security/ (дата обращения 16.02.2026).

³ International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), 1977 // United States Code. Title 50. Chapter 35. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title50/chapter35> (дата обращения 16.02.2026).

⁴ Anti-Foreign Sanctions Law of the People's Republic of China (принят 10 июня 2021 г.) // Standing Committee of the NPC. URL: <http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c23934/202106/d4296f4df5b2420496b867466e0dea16.shtml> (дата обращения 16.02.2026).

⁵ European Economic Security Strategy (принята Европейской Комиссией в июне 2023 г.) // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_23_3358 (дата обращения 16.02.2026).

⁶ Economic Security Promotion Act (Япония, принят в мае 2022 г.) // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/economic_security/ (дата обращения 16.02.2026).

Таблица 1

**Классификация конституционно-правовых уровней механизма обеспечения
экономического суверенитета**

№	Конституционно-правовой уровень	Функции, реализуемые на данном уровне	Конституционная основа	Инструменты, использующие в рамках механизма обеспечения экономического суверенитета
1	Нормативный	Закрепление правомочий государства, оснований для ограничений и приоритетов	Ст. 8, 9, 71, 74, 75, 79 Конституции Российской Федерации	Принцип единства экономического пространства; монополия на эмиссию; отнесение внешней торговли к федеральному ведению; законодательство о специальных экономических мерах
2	Институциональный	Организация субъектов, уполномоченных обеспечивать суверенитет	Ст. 83 (п. «ж») и в ст. 125 (п. «а» ч. 5) Конституции Российской Федерации	Президент Российской Федерации как гарант суверенитета; Совет Безопасности; Правительство Российской Федерации; Банк России; Конституционный суд Российской Федерации
3	Процедурный	Установление правовых процедур принятия и реализации решений	Ст. 71 (п. «ж», «л», «м»), 74, 106 (п. «а») Конституции Российской Федерации	Порядок введения специальных экономических мер; механизм параллельного импорта; Процедуры ограничения трансграничного движения капитала (указы Президента Российской Федерации 2022 г., распоряжения Банка России)
				Режим обязательной продажи валютной выручки экспортерами. Процедуры перехода контроля над активами иностранных компаний под российское управление (через внешнее управление, суды)
4	Международно-правовой	Регулирование соотношения конституционных норм с международными обязательствами	Ст. 15, 79 Конституции Российской Федерации (ред. 2020 г.)	Механизм «неисполнения» решений международных органов (ст. 79); полномочие Конституционного суда Российской Федерации по проверке международных решений; приостановка инвестиционных договоров
5	Секторальный	Специализированное регулирование отдельных сфер экономического суверенитета	Ст. 9, 75 Конституции Российской Федерации	Ресурсный суверенитет (ограничения участия нерезидентов в разработке недр); финансовый суверенитет (Банк России, валютный контроль); технологический суверенитет (критическая информационная инфраструктура, импортозамещение)

Исследование строилось на анализе конституционных норм, стратегических документов и доктринальных источников, а также практики противодействия санкциям 2014–2026 гг.

Следующим этапом стало определение основных лагун использующихся инструментов в рамках механизма обеспечения экономического суверенитета.

I. Нормативный уровень механизма обеспечения экономического суверенитета.

1. Понятийно-терминологические лагуны.

1.1. Отсутствие легальной дефиниции «экономического суверенитета». Конституция Российской Федерации использует понятие «суверенитет» применительно к государству в целом (ст. 4, 67, 79), но экономическое измерение нормативно не раскрывается ни в ней, ни в Феде-

ральном законе «О безопасности»¹, ни в Стратегии национальной безопасности 2021 г.² Отсутствует разграничение понятий «экономический суверенитет», «экономическая безопасность», «экономическая независимость», что создает терминологическую неопределенность в правоприменении.

1.2. Неопределенность понятия «недружественные действия» и «недружественные страны». Закон использует оценочную категорию³ «недружественные действия иностранных государств» без четких критериев (ст. 4). Список «недружественных стран» утверждается распоряжением Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р⁴, а не федеральным законом, что создает риски произвольного толкования.

1.3. Отсутствие определения «критических отраслей» и «стратегических активов». Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ⁵ перечисляет 42 вида стратегической деятельности, но не дает единого определения термину «стратегический актив». Отсутствуют также критерии отнесения к категории «критическая инфраструктура» в экономическом (а не только информационном) смысле.

2. Пробелы уровня правового регулирования.

2.1. Подзаконный уровень большинства антисанкционных мер. Ключевые меры (параллельный импорт, валютные ограничения, ограничения на выплаты нерезидентам, перечень товаров / технологий) вводятся постановлениями Правительства Российской Федерации и указами Президента Российской Федерации, а не федеральными законами. Это снижает легитимность мер (отсутствие парламентского обсуждения) и создает риск оспаривания в Конституционном суде Российской Федерации по критерию «достаточности уровня регулирования».

2.2. Отсутствие специального федерального закона «Об экономическом суверенитете Российской Федерации». Нет единого кодифицированного акта, который бы системно закреплял понятие, принципы, механизмы и пределы обеспечения экономического суверенитета. Регулирование фрагментировано по значительному числу актов (федеральные законы № 281-ФЗ⁶, № 127-ФЗ⁷, № 57-ФЗ⁸, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации), что создает риск нормативных коллизий.

2.3. Отсутствие режима «экономической защиты» как самостоятельного особого правового режима. В системе российских правовых режимов (военное положение, чрезвычайное положение, контртеррористическая операция) отсутствует режим «экономической защиты» или «экономической обороны». Антисанкционные меры вводятся вне рамок специального режима, что не позволяет четко определить их пределы, сроки и механизмы парламентского контроля.

3. Темпоральные лакуны (проблемы сроков действия норм).

3.1. Временность мер де-юре при долгосрочности де-факто. Большинство антисанкционных мер формально вводятся как «временные» (постановление Правительства Российской Федерации № 506⁹ о параллельном импорте – без указания срока действия; валютные ограничения – продлеваются указами Президента каждые несколько месяцев).

¹ О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (ред. от 09.11.2020) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 2

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

³ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 44.

⁴ Об утверждении перечня недружественных иностранных государств и территорий: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 430-р (ред. от 22.07.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102808284> (дата обращения 16.02.2026).

⁵ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: федер. закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

⁶ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 44.

⁷ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федер. закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3416.

⁸ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: федер. закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

⁹ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные

3.2. Отсутствие закрепленных критериев отмены антисанкционных мер. Не определены условия, при которых меры экономической защиты должны быть отменены, что создает риск бессрочного действия «временных» мер и размывания конституционных гарантий свободы экономической деятельности (ст. 8 Конституции Российской Федерации¹).

4. Пробелы в регулировании пределов ограничений прав.

4.1. Отсутствие конституционного закрепления оснований для ограничений экономических прав в условиях санкций. Статья 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации² допускает ограничения прав только федеральным законом и только в строго очерченных целях (защита основ конституционного строя, обеспечение обороны и безопасности государства). Большинство антисанкционных мер (ограничение интеллектуальной собственности через параллельный импорт, ограничение свободы договора, принудительное управление активами) вводятся подзаконными актами без прямой опоры на ст. 55 (ч. 3).

4.2. Неопределенность конституционных пределов вмешательства в частную собственность. Практика принудительного перевода иностранных активов под российское управление (дела Danone, Carlsberg, Unipro) осуществляется через институт внешнего управления и судебные решения без четкой конституционной основы. Отсутствуют законодательно закрепленные критерии «соразмерности» таких мер конституционным целям.

II. Институциональный уровень механизма обеспечения экономического суверенитета.

1. Концентрация полномочий у исполнительной власти. Федеральное Собрание Российской Федерации не участвует в принятии решений о введении специальных экономических мер (решение принимает Президент Российской Федерации по представлению Правительства Российской Федерации или Совета безопасности Российской Федерации). Отсутствует процедура последующего парламентского одобрения антисанкционных мер, аналогичная процедуре введения режима военного положения (ст. 87 (ч. 2) Конституции Российской Федерации³).

2. Отсутствие обязательной ежегодной отчетности перед Федеральным Собранием Российской Федерации о реализации антисанкционных мер. Правительство Российской Федерации не обязано представлять Государственной Думе отчет об эффективности антисанкционных мер, их экономическом эффекте и соблюдении прав граждан и организаций. Это нарушает принцип подотчетности исполнительной власти парламенту.

3. Недостаточная роль Счетной палаты в аудите антисанкционных расходов. Счетная палата не наделена специальными полномочиями по аудиту эффективности расходования средств в рамках антисанкционных программ (параллельный импорт, импортозамещение, поддержка экспортеров).

III. Процедурный уровень механизма обеспечения экономического суверенитета.

1. Ограничения процедуры введения мер.

1.1. Отсутствие формализованной процедуры «суверенной приостановки» международных обязательств. Россия фактически приостановила исполнение ряда международных договоров (инвестиционные соглашения, договоры о защите интеллектуальной собственности), но процедура такой приостановки не формализована.

1.2. Отсутствие публичных консультаций с бизнес-сообществом. Антисанкционные меры вводятся без обязательного обсуждения с отраслевыми объединениями, торгово-промышленными палатами, экспертным сообществом.

2. Проблемы процедур контроля и мониторинга.

2.1. Отсутствие системы мониторинга эффективности антисанкционных мер; отсутствие механизма досрочной отмены неэффективных мер.

2.2. Пробелы в процедурах компенсации ущерба. Отсутствует законодательно установленный механизм компенсации гражданам и организациям ущерба, понесенного в результате антисанкционных мер (например, ограничения на вывод капитала, замораживание счетов).

IV. Международно-правовой уровень механизма обеспечения экономического суверенитета.

положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2022 г. № 506 // Собрание законодательства РФ. 2022. № 14. Ст. 2290.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

² Там же.

³ Там же.

1. Отсутствие законодательно закреплённой процедуры «суверенной приостановки» международных обязательств.

Статья 79 Конституции Российской Федерации (в ред. 2020 г.)¹ устанавливает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров в толковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению. Вместе с тем данная норма адресована решениям органов, но не регулирует процедуру приостановления или денонсации самих международных договоров в ответ на санкционное давление. Россия фактически приостановила применение двусторонних инвестиционных договоров с рядом государств и участие в международных инвестиционных арбитражах, однако правовое основание для этого – подзаконные акты (отдельные указы Президента Российской Федерации), а не федеральный закон, как того требует Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. (ст. 65)². Это создает риск международно-правовой ответственности России за ненадлежащее прекращение обязательств.

2. Неопределённость правового статуса «суверенных контрмер» в системе российского законодательства.

Международное право допускает применение «контрмер» в ответ на противоправные действия государства (статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния Комиссии международного права ООН 2001 г., ст. 22, 49–54³). Российское конституционное законодательство не содержит механизма, который позволял бы квалифицировать антисанкционные меры именно как правомерные контрмеры в смысле международного права – с соответствующим обоснованием, уведомлением и соблюдением критерия соразмерности. Отсутствие такой квалификации лишает Россию возможности ссылаться на обстоятельства, исключющие противоправность, при рассмотрении исков в международных инстанциях.

3. Конституционно-правовой вакуум в регулировании «вторичных санкций».

4. Вторичные санкции США и ЕС (угроза ограничений против третьих стран за сотрудничество с Россией) представляют собой качественно новый инструмент внешнеэкономического принуждения. Действующее российское законодательство (ФЗ № 281-ФЗ⁴, ФЗ № 127-ФЗ⁵) ориентировано на ответные меры в отношении государств, непосредственно вводящих санкции, но не содержит механизма защиты российских партнеров из третьих стран и противодействия экстерриториальному применению иностранного права. Конституция России не предоставляет явной нормативной основы для введения «антивторичных» мер.

4. Отсутствие конституционно-правового разграничения режимов для инвесторов из «дружественных» и «недружественных» государств.

Статья 62 Конституции Российской Федерации⁶ закрепляет, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором. Антисанкционная практика де-факто установила дифференцированный режим: инвесторы из «недружественных» государств ограничены в праве выхода, распоряжения активами, репатриации доходов. При этом конституционное основание для такой дифференциации не закреплено: ст. 62 допускает изъятия «федеральным законом», однако ключевые ограничения введены подзаконными актами (указами Президента России и постановлениями Правительства Российской Федерации).

5. Отсутствие специализированного органа или механизма для урегулирования международных экономических споров в «постарбитражную» эпоху.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412..

² Венская конвенция о праве международных договоров (заключена в Вене 23 мая 1969) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLII. М., 1988. С. 171–197.

³ Глава II. Контрмеры (ст.ст. 49 - 54). Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001 № 56/83 «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». URL: <https://base.garant.ru/2565571/a0f3366566979975060200ca24a3c7a2/?ysclid=mr32v69o8690435636> (дата обращения 12.02.2026).

⁴ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1. Ст. 44.

⁵ О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федер. закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3416.

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

Уход России из-под юрисдикции ряда международных арбитражных институтов (фактическое игнорирование решений ICSID, ППТС, стокгольмского арбитража) создал институциональный вакуум: российские и иностранные субъекты лишились нейтральной площадки для разрешения инвестиционных споров. Создание национального международного арбитражного центра для рассмотрения таких споров обсуждается, однако его конституционно-правовой статус, компетенция и гарантии независимости не определены ни в Конституции России, ни в федеральном законодательстве.

6. Коллизия между экономическим суверенитетом и обязательствами в рамках ЕАЭС.

Статья 79 Конституции Российской Федерации¹ позволяет России не исполнять решения межгосударственных органов, противоречащие Конституции. Однако остается неурегулированным вопрос о коллизии между антисанкционными мерами России и обязательствами в рамках ЕАЭС: в частности, введенные Россией ограничения на реэкспорт отдельных товаров через территории партнеров по ЕАЭС формально противоречат принципу свободы передвижения товаров (ст. 28 Договора о ЕАЭС)². Конституционно-правовой механизм разрешения таких коллизий отсутствует.

7. Отсутствие конституционно-правовой основы для «суверенных расчетов» в национальных валютах.

Переход во внешнеторговых расчетах с доллара и евро на юань, рупию, дирхам и иные валюты де-факто осуществляется без конституционно-правовой основы. Статья 75 Конституции России³ закрепляет рубль как денежную единицу, но не регулирует вопросы расчетов во внешнеэкономической деятельности. Законодательство о валютном контроле (ФЗ № 173-ФЗ⁴) не адаптировано к задаче закрепления «суверенных расчетных систем» как инструмента экономического суверенитета.

V. Секторальный уровень механизма обеспечения экономического суверенитета.

1. Ресурсный суверенитет.

1.1. Отсутствие единого законодательного акта, системно связывающего секторальные нормы. Регулирование ресурсного суверенитета фрагментировано, отсутствует единый консолидированный акт, определяющий принципы суверенного контроля над стратегическими ресурсами (Закон о недрах, ФЗ № 57-ФЗ⁵, Водный кодекс, Лесной кодекс).

1.2. Пробелы в регулировании контроля над редкоземельными металлами. Российская Федерация не имеет специального законодательства об экспортном контроле редкоземельных металлов (как, например, в KHP Export Control Law (2020)⁶), что снижает возможность использовать ресурсное преимущество именно в качестве инструмента экономического суверенитета.

2. Финансовый суверенитет.

2.1. Отсутствие законодательного закрепления режима «финансовой автаркии». Меры по отключению от SWIFT, переход на альтернативные платежные системы (СПФС, CIPS) осуществляются без законодательной базы. Отсутствуют закреплённые условия, при которых российские банки обязаны отказаться от международных расчетных систем.

3. Технологический суверенитет.

3.1. Отсутствие специального закона об импортозамещении. Импортозамещение осуществляется через государственные программы и подзаконные акты без единого федерального закона, определяющего приоритеты, сроки, критерии эффективности.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Официальный сайт ЕЭК. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003611/itia_05062014 (дата обращения 16.02.2026).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4412.

⁴ О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (ред. от 1.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4859.

⁵ О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства: федер. закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 18. Ст. 1940.

⁶ Export Control Law of the People's Republic of China (принят 17 октября 2020 г.) // Ministry of Commerce of PRC. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/policyrelease/questions/202011/20201103012405.shtml> (дата обращения 16.02.2026).

3.2. Пробелы в защите российских технологий от утечки. Отсутствует законодательный запрет на патентование российских технологий за рубежом в стратегических отраслях (аналог японского патентного режима в Economic Security Promotion Act 2022¹).

Как следует из проведенного анализа, значимый пробел наблюдается одновременно в нормативном (отсутствие системообразующего закона) и процедурном (отсутствие режима «экономической защиты») механизмах обеспечения экономического суверенитета. Данное наблюдение определяет направления предложений *de lege ferenda*, рассматриваемых далее.

Это подтверждает тезис о системной проблеме в нормативном механизме экономического суверенитета, который не может быть восполнен без специального законодательного регулирования.

Конституционные поправки 2020 г.², будучи значительным шагом в направлении суверенизации, не создали сколько-нибудь детальной системы конституционного регулирования экономического суверенитета. По существу, они лишь усилили отдельные «точки входа» для государственного вмешательства и международно-правового иммунитета национальной системы. Полноценный механизм обеспечения экономического суверенитета должен включать специальный федеральный закон, который бы системно соединил нормативный, институциональный и процедурный компоненты. Отсутствие такого закона стало пробелом конституционно-правового регулирования, ощутимо проявившимся в условиях усиления санкционного давления 2022–2026 гг.

Предложенная авторская классификация конституционно-правовых механизмов и пятигрупповая типология поправок 2020 г. являются аналитическими конструкциями: они отражают один из возможных подходов к систематизации нормативного материала и не претендуют на единственно верную интерпретацию, оставляя пространство для альтернативных доктринальных квалификаций.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Экономический суверенитет представляет собой самостоятельный конституционно-правовой институт, содержание которого не сводится ни к понятию государственного суверенитета в целом, ни к термину «экономическая безопасность», закрепленному в Стратегии национальной безопасности 2021 г.³. Конституционно-правовые механизмы обеспечения экономического суверенитета образуют пятиэлементную систему. Данная авторская классификация позволяет системно оценить достаточность действующих инструментов.

В качестве направлений дальнейшего исследования предлагается рассмотреть необходимость: принятия Федерального закона «Об экономическом суверенитете Российской Федерации», включающего дефиницию, классификацию угроз, режим «экономической обороны» и механизм «суверенной приостановки» международных обязательств; внесения дополнений в ст. 71 Конституции России с прямым закреплением обеспечения экономического суверенитета в перечне предметов исключительного ведения Российской Федерации; перевода регулирования параллельного импорта с подзаконного на законодательный уровень путем включения соответствующих норм в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации или в самостоятельный федеральный закон.

Актуальным направлением исследований является также исследование конституционно-правовых механизмов технологического суверенитета как самостоятельного структурного элемента экономического суверенитета в условиях цифровой трансформации экономики с последующей разработкой модели конституционного контроля над антисанкционными мерами в сравнительно-правовой перспективе.

Список источников

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. Т. 1. 864 с.; Т. 2. 936 с.

¹ Economic Security Promotion Act (Япония, принят в мае 2022 г.) // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. URL: https://www.meti.go.jp/english/policy/economy/economic_security/ (дата обращения 16.02.2026).

² О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

2. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации: государство, личность, общество. М.: Норма, 2020. 480 с.
3. Эбзеев Б. С. Суверенитет народа, государства и конституционный строй России // Государство и право. 2023. № 7. С. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520026344-4.
4. Зорькин В. Д. Конституция живет в законах. Резервы повышения конституционного качества российского законодательства. М.: Норма, 2014. 400 с.
5. Зорькин В. Д. Суверенная демократия и конституционный строй: теоретическое исследование // Журнал конституционного правосудия. 2021. № 2. С. 1–9.
6. Гаджиев Г. А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. № 1. С. 5–24. DOI: 10.12737/jrl.2022.001
7. Болдырев О. Ю. Экономический суверенитет государства и конституционно-правовые механизмы его защиты: моногр. / под науч. ред. С. А. Авакьяна. М.: Проспект, 2019. 460 с.
8. Лукашева Е. А. Права человека и обеспечение экономического суверенитета: проблемы соотношения // Журнал российского права. 2024. № 1. С. 15–27. DOI: 10.12737/jrl.2024.002.
9. Нурмагамбетов Р. Г. Конституционно-правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях санкций // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 3. С. 22–31.
10. Талапина Э. В. Антисанкционное законодательство: системный анализ // Журнал российского права. 2023. № 5. С. 72–85. DOI: 10.12737/jrl.2023.066.
11. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа 2020 года: общая характеристика и значение // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2020.091.
12. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М.: Норма, 2005. 320 с.
13. Шахрай С. М. Конституционное право Российской Федерации в XXI . 3-е изд., перераб. и доп. М.: МГИМО-Университет, 2022. 640 с.
14. Виноградова Е. В. Конституционная экономика и экономический суверенитет в условиях глобализации // Право и политика. 2025. № 2. С. 41–53. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.70245.
15. Кравец И. А. Конституционное измерение технологического суверенитета государства // Сибирский юридический вестник. 2025. № 1. С. 12–22. DOI: 10.26516/2071-8136.2025.1.12.
16. Иншаков О. В. «Ядро развития» в контексте новой теории факторов производства // Экономическая наука современной России. 2003. № 1. С. 11–25.

References

1. Avak'yan S. A. Konstitucionnoe pravo Rossii. Uchebnyj kurs: v 2 t. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Norma: INFRA-M, 2021. T. 1. 864 s.; T. 2. 936 s.
2. Ehbzeev B. S. Konstituciya Rossijskoj Federacii: gosudarstvo, lichnost', obshchestvo. M.: Norma, 2020. 480 s.
3. Ehbzeev B. S. Suverenitet naroda, gosudarstva i konstitucionnyj stroj Rossii // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 7. S. 7–18. DOI: 10.31857/S102694520026344-4.
4. Zor'kin V. D. Konstituciya zhivet v zakonah. Rezervy povysheniya konstitucionnogo kachestva rossijskogo zakonodatel'stva. M.: Norma, 2014. 400 s.
5. Zor'kin V. D. Suverennaya demokratiya i konstitucionnyj stroj: teoreticheskoe issledovanie // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2021. № 2. S. 1–9.
6. Gadzhiev G. A. Novye konstitucionnye cennosti: koncepciya ustojchivogo ehkonomicheskogo rosta s tochki zreniya yuridicheskoy kapitalizacii // Zhurnal rossijskogo prava. 2022. № 1. S. 5–24. DOI: 10.12737/jrl.2022.001
7. Boldyrev O. Yu. Ehkonomicheskij suverenitet gosudarstva i konstitucionno-pravovye mekhanizmy ego zashchity: monogr. / pod nauch. red. S. A. Avak'yana. M.: Prospekt, 2019. 460 s.
8. Lukasheva E. A. Prava cheloveka i obespechenie ehkonomicheskogo suvereniteta: problemy sootnosheniya // Zhurnal rossijskogo prava. 2024. № 1. S. 15–27. DOI: 10.12737/jrl.2024.002.
9. Nurmagambetov R. G. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie vneshnehkonomicheskoy deyatel'nosti v usloviyah sankcij // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2024. № 3. S. 22–31.
10. Talapina Eh. V. Antisankcionnoe zakonodatel'stvo: sistemnyj analiz // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. № 5. S. 72–85. DOI: 10.12737/jrl.2023.066.
11. Habrieva T. Ya. Konstitucionnaya reforma 2020 goda: obshchaya harakteristika i znachenie // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 9. S. 5–18. DOI: 10.12737/jrl.2020.091.
12. Habrieva T. Ya., Chirkin V. E. Teoriya sovremennoj konstitucii. M.: Norma, 2005. 320 s.

13. Shahraj S. M. Konstitucionnoe pravo Rossijskoj Federacii v XXI . 3-e izd., pererab. i dop. M.: MGIMO-Universitet, 2022. 640 s.
14. Vinogradova E. V. Konstitucionnaya ehkonomika i ehkonomicheskij suverenitet v usloviyah globalizacii // Pravo i politika. 2025. № 2. S. 41–53. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.2.70245.
15. Kravec I. A. Konstitucionnoe izmerenie tekhnologicheskogo suvereniteta gosudarstva // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 1. S. 12–22. DOI: 10.26516/2071-8136.2025.1.12.
16. Inshakov O. V. «Yadro razvitiya» v kontekste novoj teorii faktorov proizvodstva // Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2003. № 1. S. 11–25.

Шемет Екатерина Сергеевна,

доцент кафедры конституционного и административного права
Волгоградской академии МВД России
кандидат экономических наук, доцент;
shemet_e@kkap.volakdm.ru

Тихонович Эллада Александровна,

заместитель начальника Управления науки и инновационной деятельности
Волгоградского государственного университета,
доцент кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства
Волгоградского государственного университета,
кандидат экономических наук, доцент;
tikhonovichea@volsu.ru

Shemet Ekaterina Sergeevna,

Associate Professor at the Department of Constitutional
and Administrative Law of the Volgograd Academy
of the Ministry of the Interior of Russia,
Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor;
shemet_e@kkap.volakdm.ru

Tikhonovich Ellada Aleksandrovna,

Deputy Head of the Science and Innovation Department
of the Volgograd State University; Associate Professor
at the Department of Economic Theory,
Regional Economics and Entrepreneurship of the Volgograd State University,
Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor,
tikhonovichea@volsu.ru

Статья поступила в редакцию 01.05.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.

The article was submitted 01.05.2026; approved after peer reviewing 14.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

* * *

УДК 351.741

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ
В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ
КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ:
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Ксения Александровна Попова

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
vspu.kalashnikova@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска новых инструментов кадровой безопасности в системе МВД России. Автор доказывает, что профессионально-правовая идентичность (далее – ППИ) выступает важным фактором кадровой устойчивости сотрудников. В работе выявлено противоречие: существующие управленческие модели ограничены линейным контролем и зачастую игнорируют роль руководителя как ключевого субъекта, формирующего правовую среду подразделения. Проблема заключается в необходимости перехода от восприятия руководства как технического исполнения административных функций к пониманию личности лидера как «архитектора правовой среды» и носителя эталонных ценностей. В качестве результатов предложено дополнить категорию правосознания понятием ППИ, фиксирующим субъективное присвоение правовых ценностей. Разработана авторская экосистемная матричная модель (6×3), структурирующая компоненты личности от индивидуального до институционального уровня. Она позволяет диагностировать процесс формирования ППИ и ее смысловые составляющие, что дает возможность своевременно нивелировать риски профессиональной деформации и обеспечивать высокий уровень законности в ОВД. Предложенная модель выступает практическим инструментом смыслового управления, определяющим правовой климат и уровень кадровой безопасности в органах внутренних дел.

Ключевые слова: кадровая безопасность, правосознание, профессионально-правовая идентичность, руководитель ОВД, экосистемный подход, экосистемная матрица профессионально-правовой идентичности (6×3), мета-уровень, профессиональная деформация, законность.

Для цитирования: Попова К. А. Профессионально-правовая идентичность руководителя в системе МВД России как фактор обеспечения законности: публично-правовой аспект // Тратат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 77–86.

**PROFESSIONAL AND LEGAL IDENTITY
OF THE HEAD OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
AS A FACTOR OF ENSURING LEGALITY: A PUBLIC LAW ASPECT**

Ksenia Aleksandrovna Popova

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
vspu.kalashnikova@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the need to find new tools for personnel security in the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The author proves that professional and legal identity (PLI) serves as an important factor in ensuring personnel stability among employees. The article reveals a contradiction: current management models remain confined to linear control and often ignore the role of the head as a key subject shaping the legal environment of the unit. The issue lies in the need to move from viewing leadership as administrative task execution to understanding the leader's personality as an "architect of the legal environment" and a bearer of core values. As a result, it is proposed to supplement the category of legal consciousness with the concept of PLI, which captures the subjective appropriation of legal values. The article introduces an original ecosystemic matrix model (6×3), which systematically structures personality components from individual to institutional levels. The model enables diagnosis of the PLI formation process and its semantic components, which makes it possible to timely mitigate risks of professional deformation and ensure a high level of legality within the Internal Affairs Bodies (IAB). The proposed model serves

as a practical tool for semantic management, determining the legal climate and the level of personnel security in the Internal Affairs Bodies.

Keywords: personnel security; legal consciousness; professional and legal identity; head of the Internal Affairs Bodies; ecosystem approach; ecosystemic matrix of professional and legal identity (6×3); meta-level; professional deformation; legality.

For citation: Popova K. A. Professional and Legal Identity of the Head of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a Factor of Ensuring Legality: a Public Law Aspect. Journal of Legal Initiatives, 77–86, 2026. (In Russ.).

Введение. В современных условиях реформирования системы МВД России особое значение приобретает не только совершенствование нормативно-правовой базы, но и качественное развитие субъектов правоприменения. Профессионально-правовая идентичность (далее также – ППИ) руководителя выступает здесь фундаментальным регулятором, преобразующим статичные нормы права в живую управленческую практику.

Традиционно правосознание трактуется как «совокупность представлений людей о праве, суждений о необходимости правовых взаимоотношений, установок и других явлений социально-психологического порядка» [1, с. 11]. Однако практика показывает, что глубокое знание нормативной базы не всегда гарантирует этическое и справедливое поведение в сложных служебных ситуациях. Здесь возникает необходимость введения категории профессионально-правовой идентичности. Если правосознание можно метафорично сравнить со структурным каркасом («телом») профессионализма, то ППИ – это его ценностно-смысловое ядро («душа»), означающее глубокое субъективное принятие роли представителя закона. Принципиальное различие данных категорий заключается в механизме регуляции. Правосознание отвечает на вопрос: «Что я должен знать и делать по закону?» (внешние установки и знания), ППИ отвечает на вопрос: «Кто я в этой системе?» (внутренняя мотивация и результат интериоризации). Это не просто знание идеологии, а самостоятельный акт самоопределения руководителя, при котором правовые ценности становятся неотъемлемой частью его «Я-концепции».

Авторская позиция заключается в том, что корень профессиональной деформации руководящего состава органов внутренних дел (далее – ОВД) кроется не в дефиците правовых знаний, а в несформированности профессионально-правовой идентичности. Ситуация, при которой руководитель, безусловно владея регламентами, сохраняет дистанцию между собой-человеком и собой-офицером, создает ценностный вакуум. В этих условиях правовые нормы воспринимаются как внешние ограничения, а не как внутренние императивы. Профессиональная деформация в предлагаемой модели рассматривается как разрыв связей в экосистеме личности: профессиональная роль не интегрируется в общую структуру «Я». В результате руководитель перестает быть транслятором справедливости, превращаясь в технического исполнителя административных функций, что неизбежно ведет к профессиональному выгоранию и этическому релятивизму.

Термин «профессионально-правовая идентичность» является относительно новым для отечественного правового поля. Вопросам теоретического осмысления профессиональной идентичности посвящен значительный объем неоднородных работ (М. В. Яковлева [2], Ю. Ю. Александрова [3], А. Н. Селюнина [4], Е. Г. Белякова [5], Т. С. Тимофеева [6], К. Будауд [7]), по-разному осмысливающих структурное содержание данного феномена и даже его место в идентичности как таковой. Само право на выделение особого типа идентичности – профессионального, обосновывается многими исследователями. В частности, А. Ватерман выделил четыре сферы жизни, которые наиболее значимы для формирования идентичности личности. К ним относятся: 1. Выбор профессии и профессионального пути. 2. Принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений. 3. Выработка политических взглядов. 4. Принятие набора социальных ролей (включая гендерные роли, роли семейной жизни и т. п.) [8].

Попытки определить профессиональную идентичность к личностной или социальной восходят к научным парадигмам Эрика Эриксона, который ввел в широкий научных обиход термин «идентичность», определив его междисциплинарный характер. Именно этот ученый выделил структурные элементы идентичности: индивидуальный, личностный и социальный. Согласно Э. Эриксону идентичность помогает человеку обрести целостность и индивидуальность опыта [9].

Таким образом, профессиональная идентичность является важнейшей составляющей самоопределения индивида.

Проблема правовой идентичности получила развитие в работах Е. В. Резникова [10], А. В. Муруновой [11], А. А. Бабанова [1], С. А. Куваевой [12], Н.В. Исаевой [13; 14]. Однако профессионально-правовая идентичность как синтез двух явлений остается редким феноменом, системное развитие которого представлено в работах М.С. Инкижековой [15; 16], которая определяет ППИ как «не только осознанную и актуальную соотнесенность индивида к определенной профессиональной социальной группе (страте) и поддерживаемое им ценностное значение своей роли в ней, сколько включенность ее дискурса (профессиональных установок, профессиональных интересов и ценностей, поведенческих норм и стереотипов, набора специализированных действий и др.) в смысложизненные практики субъекта социальных, в том числе цифровых, интеракций» [15, с. 47].

Отдавая должное теоретическим размышлениям предшественников, мы полагаем необходимым «приземлить» данную категорию до прикладных задач управления в системе МВД России. В отличие от подходов, фиксирующих результат самоидентификации, мы обосновываем ее процессуальный и континуальный характер. Идентичность руководителя – это живая экосистема (т. е. многоуровневая среда, которая формирует профессионально-правовое «Я»), любая остановка в развитии которой в условиях многозадачности неизбежно ведет к профессиональной деформации. Актуальным становится создание механизмов ее постоянной смысловой регуляции.

Методы. Методологический фундамент работы строится на синтезе классической теории правосознания и системно-экологической парадигмы развития личности У. Бронфенбреннера [17]. Автор исходит из постулата, что ППИ сотрудника МВД России – это открытая динамическая система, а не статичный набор качеств. Традиционный плоскостной подход (когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты) заменяется объемной моделью, детерминированной взаимодействием факторов на пяти иерархических уровнях: микроуровень (личностные установки); мезоуровень (профессиональная группа); экзоуровень (организационная среда); макроуровень (государственная идеология, общество); хроноуровень (временная динамика карьеры). Автором также введен дополнительный для руководителей системы МВД уровень – метауровень, высший уровень рефлексии, предполагающий осознание влияния собственного образа и поступков на правосознание подчиненных (см. табл. 1).

Данная модель обладает высокой прогностической мощностью, позволяя не просто констатировать деформацию, но и локализовать структурные разрывы в межуровневых связях.

Таблица 1

Экосистемная матрица профессионально-правовой идентичности (6*3)

Уровни		Компоненты		
		Когнитивно-смысловой (идеология)	Эмоционально-волевой (психология)	Поведенческий
1.	Микросистема (индивидуальный)	микро-когнитивный подуровень	микро-эмоциональный подуровень	микро-поведенческий подуровень
2.	Мезосистема (групповой)	мезо-когнитивный подуровень	мезо-эмоциональный подуровень	мезо-поведенческий подуровень
3.	Экзосистема (организационный)	экзо-когнитивный подуровень	экзо-эмоциональный подуровень	экзо-поведенческий подуровень
4.	Макросистема (культурный и социальный)	макро-когнитивный подуровень	макро-эмоциональный подуровень	макро-поведенческий подуровень
5.	Хроносистема (влияние времени и этапов)	хроно-когнитивный подуровень	хроно-эмоциональный подуровень	хроно-поведенческий подуровень
6.	Метасистема (для руководителей)	мета-когнитивный подуровень	мета-эмоциональный подуровень	мета-поведенческий подуровень -

[Источник: разработано автором]

Центральным элементом предлагаемого подхода является авторская экосистемная матрица ППИ руководителя (модель 6*3). Она позволяет структурировать процесс формирования ППИ, рассматривая пересечение трех базовых компонентов личности с шестью уровнями социальной и профессиональной среды.

Функциональность модели обеспечивается сквозным анализом когнитивного (правовая идеология), эмоционально-оценочного (правовая психология) и поведенческого компонентов на каждом уровне. Особое место занимает авторский метауровень, специфичный для руководящего состава ОВД. В то время как нижележащие уровни описывают среду формирования личности, метауровень определяет ее управленческую субъектность – способность индивида конструировать организационно-правовую среду подразделения и транслировать ценностно-нормативные установки подчиненным.

Необходимо отметить, что представленное научное исследование является частью цикла исследований автора по возможностям апробации потенциала разработанной экосистемной матрицы 6*3. В частности, она была применена для анализа правосознания как многомерного явления, детерминированного множеством факторов. Удобство ее применения делает ее универсальным инструментом анализа различных аспектов профессионального становления личности.

Результаты

Переходя к детальному анализу предложенной экосистемной модели ППИ руководителя ОВД (матрица 6*3), рассмотрим пересечение экологических уровней системы с внутренними компонентами идентичности (см. табл. 2).

Таблица 2

Экосистемная модель профессионально-правовой идентичности руководителя ОВД

Уровень	Компонент		
	Когнитивный компонент	Эмоционально-оценочный компонент	Поведенческий компонент
Микро	Рефлексия психофизиологических ресурсов и этических границ.	Профессиональное достоинство и позитивное самоотношение	Осознанное саморазвитие и самокоррекция без внешнего давления
Мезо	Понимание архитектуры неформальных связей и личностно-профессионального профиля сотрудников/коллег.	Баланс эмпатии и «включенного одиночества»; поддержка тех, кому доверяешь	Стиль руководства. «Буфер» для коллектива перед вышестоящим руководством и наоборот, ответственность за весь коллектив.
Экзо	Инструментальное знание регламентов и «логики» функционирования системы.	Ценностное принятие миссии ведомства (лояльность).	Безупречное следование букве и духу закона.
Макро	Осознание социальной миссии ОВД и роли в имидже государственной власти.	Патриотизм и чувство ответственности перед народом и законом.	Публичное представительство и трансляция образа стабильной власти.
Хроно	Рефлексия над собственной эволюцией и преемственностью.	Принятие опыта как ресурса мудрости (принятие и побед и поражений как необходимых этапов профессионального развития).	Постоянное саморазвитие. Отказ от устаревших моделей поведения. Наставничество и подготовка кадрового резерва.

Мета	Осознание себя субъектом правотворчества, формирующим правовую среду своего подразделения	Внутренняя уверенность в правоте принимаемого управленческого решения	Реализация управленческого поступка на основе НПА и личностных морально-нравственных ориентиров

[Источник: разработано автором]

Когнитивный компонент: от самопознания к управленческой субъектности

Фундаментальным элементом предлагаемой модели является когнитивный компонент. В рамках экосистемного подхода он интерпретируется не просто как объем правовой информации, а как глубокое смысловое осознание субъектом своего места и функций на каждом из шести иерархических уровней экосистемы.

На микроуровне (индивидуально-личностный срез) когнитивный компонент проявляется в адекватном самопознании руководителя. Это осознание собственных психофизиологических ресурсов, этических границ и профессиональных компетенций. Важнейшим аспектом здесь выступает рефлексия «диапазона приемлемого» – понимание того, какой объем нагрузки (интеллектуальной, эмоциональной, физической) является допустимым для сохранения профессиональной эффективности, а какой становится критическим, выступая предвестником профессиональной деформации. На этом фундаменте осознанного отношения к себе формируется внутренний предохранитель, позволяющий сохранить личностную целостность в условиях экстремальных вызовов.

На мезоуровне (уровень коллектива) когнитивная сфера включает понимание руководителем специфики формальных и неформальных связей в подразделении. Развитая идентичность позволяет управленцу не просто знать штатное расписание, а обладать глубоким пониманием профессионально-психологического профиля каждого подчиненного. Это дает возможность осуществлять индивидуализацию управленческого воздействия: дифференцировать задачи исходя из ресурсного состояния сотрудников и выступать в роли «интеллектуального навигатора» внутри коллектива.

На уровне экосистемы (ведомственный контур) когнитивный компонент кристаллизуется в инструментальном знании нормативно-правового регламента. Руководитель с развитой ППИ понимает «логику» системы и выступает своеобразным «буфером» и транслятором: он не просто транслирует указания сверху, а «переводит» их на язык смыслов, понятный подчиненным для их последующей интериоризации.

На макроуровне (социально-правовой контур) когнитивный компонент проявляется в осознании глобальной миссии ОВД. Он понимает связь между действиями подразделения и уровнем правовой культуры в обществе. Руководитель осознает себя субъектом, чьи решения напрямую влияют на имидж ведомства и уровень доверия граждан к институтам власти.

Темпоральный аспект (хроносистема) в когнитивной сфере – это осознание временной динамики профессионального пути и преемственности поколений. На данном уровне руководитель рефлексировал над собственной эволюцией.

Завершает когнитивный срез метауровень, где руководитель осознает себя «архитектором смыслов». Здесь происходит переход к высшей форме рефлексии, позволяющей осознать, как личное понимание духа закона формирует правовую картину мира всего подчиненного личного состава.

Эмоционально-оценочный (чувственный) компонент: ценностное ядро идентичности

Эмоционально-оценочный компонент выступает смысловым фильтром и ценностным ядром идентичности, без которого невозможно сохранение личности в условиях экстремальных нагрузок. Именно он отражает эмоциональное отношение руководителей к своей профессиональной деятельности и службе в целом.

На микроуровне чувственный компонент находит свое отражение в самоотношении сотрудника к себе и своему месту в системе МВД России: от чувства гордости за принадлежность

к офицерскому корпусу до состояния растерянности и потери смысла в служебной деятельности в сложные периоды службы.

На мезоуровне компонент раскрывается как эмоциональная связь (или ее отсутствие) с коллегами – формальные и неформальные отношения, уровни взаимодействия, поддержки и взаимовыручки. У руководителя же добавляется специфический аспект – он должен обладать высоким уровнем эмпатии (чтобы видеть профессиональный профиль подчиненных и исходя из этого выстраивать свое взаимодействие с ними) и одновременно профессиональной отстраненностью (для соблюдения формальных профессиональных отношений и принятия жестких управленческих решений).

На уровне экосистемы руководитель сталкивается с необходимостью адаптации системных требований под реальные условия функционирования своего подразделения. Он должен транслировать регламенты таким образом, чтобы они стали не просто понятны подчиненным, но и были приняты ими как должные и необходимые.

На макроуровне эмоциональный компонент теснейшим образом связан с общественными установками и стереотипами относительно деятельности правоохранительной сферы. Зрелая ППИ помогает нивелировать негативные суждения и оценки социума, позволяя сохранять верность профессии и служебному долгу. Неустойчивая ППИ очень подвержена влиянию макросреды и способна деформировать профессиональные установки сотрудника, вплоть до принятия решения об увольнении из ОВД.

На хроноуровне чувственная сфера проявляется в динамике изменения отношения к профессии – тем чувствам и эмоциям, которые у сотрудника вызывала и вызывает его принадлежность в системе.

На метауровне эмоциональный компонент проявляется в глубокой интериоризации ценностей и норм служебной деятельности, отвечая на вопрос: «Кто я в профессии?»

Поведенческий компонент: реализация на практике

На этом уровне внутренние ценности трансформируются в конкретные управленческие паттерны поведения. Важнейшим условием здесь при зрелой ППИ является отсутствие ценностного разрыва между эмоционально-оценочным компонентом и реальными действиями сотрудника (поведенческий компонент). С нашей точки зрения, именно развитая ППИ является необходимым механизмом, защищающим личность индивида от разрыва в цепочке «эмоции – ценности – поведение». ППИ предотвращает переход сотрудника к имитационной деятельности.

На микроуровне (индивидуально-личностный срез) компонент проявляется в осознании текущей и стратегической активности по профессиональному самосовершенствованию. Руководитель с высокоразвитой ППИ не является пассивным объектом обучения. Он самостоятельно проектирует свой образовательный трек на основе анализа дефицитов своих компетенций и потребностей системы.

На мезоуровне поведенческий компонент реализуется через систему управленческих горизонтальных и вертикальных служебных коммуникаций. Развитая идентичность позволяет видеть профессиональный профиль подчиненных и коллег и в соответствии с этим выстраивать стратегии своего взаимодействия с ними, реализуя поведенческий акт в каждом конкретном случае исходя из влияния множества факторов.

На уровне экосистемы поведение характеризуется безупречным следованием не только «букве», но и «духу» закона. Руководитель выступает «гарантом правомерности», выбирая наиболее этичный путь даже в сложных служебных ситуациях, где формальный регламент допускает вариативность.

На макроуровне поведенческий компонент реализуется через совокупность конкретных действий, направленных на защиту общественного порядка и общественной безопасности. Полицейский в этом ракурсе проявляется как защитник прав и свобод граждан, а также интересов государства.

На хроноуровне поведенческий аспект связан с наращиванием профессионального опыта, освоением новых форм, методов и технологий, необходимых для успешного выполнения профессиональных задач. Однако для руководителя данный уровень дополняется не только необходимостью совершенствования собственных навыков, а также необходимостью модернизации навыков своих подчиненных в соответствии с вызовами современного общества.

На метауровне поведенческий компонент проявляется в готовности и способности руководителя брать на себя ответственность не только за свои решения, но и за поступки и действия подчиненных, а также формировать правовой и организационный климат вверенного ему подразделения.

Подводя итог исследованию, наметим возможные векторы практического применения матричной экосистемной модели ППИ 6*3 в кадровой и управленческой политике системы МВД России:

1. Внедрение в учебный процесс профессиональной подготовки и повышения квалификации руководящего состава МВД России кейсовых задач, требующих не только юридической грамотности, но и осознанного этического выбора для последовательного формирования ценностных императивов профессиональной деятельности и метауровня ППИ.

2. Развитие институциональных форм наставничества в управленческой среде. Необходимо закрепить в ведомственных методических рекомендациях задачу по трансляции эталонной модели правовой идентичности от опытных руководителей к молодым сотрудникам. Процесс наставничества должен быть ориентирован не только на передачу технических навыков управления, но и на формирование субъектной позиции офицера, при которой внешние нормы права становятся внутренним профессиональным кодом.

3. Оптимизация профилактической работы кадровых подразделений через анализ рисков деформации. Кадровым аппаратам предлагается использовать экосистемный подход для выявления в служебных коллективах на ранних стадиях «зон напряжения».

Стоит отметить, что представленная модель является нормативной и описывает вектор развития ППИ. Однако в реальной практике процесс ее формирования сопряжен с серьезными рисками. На каждом уровне руководитель может столкнуться с деформациями: от эмоционального отчуждения или «тотального одиночества» на мезоуровне до правового нигилизма на экзoуровне или потери смысла на метауровне, так как «модернизация в условиях глобализации создает кризис идентичности, связанный с трудностями социокультурного и правового самоопределения личности» [11, с. 214].

Практическая ценность разработанной матрицы заключается в возможности рационализации этих деструктивных состояний. Предложенная модель выступает инструментом, позволяющим руководителю точно определить дефицитные зоны в структуре его ППИ. Перевод неосознаваемого кризиса в плоскость рационального анализа позволяет не только минимизировать риски профессиональной деформации, но и наметить пути выхода из них. Таким образом, матрица выступает инструментом психологической и правовой саморегуляции лидера в агрессивной управленческой среде.

ППИ выступает своеобразным внутренним каркасом личности. Ее разрушение неизбежно влечет профессиональную деформацию и деструкцию личности. Нарушение целостности ППИ провоцирует состояние ценностного вакуума: для сотрудника это оборачивается тяжелым внутренним конфликтом, при котором служба воспринимается как чуждое, принудительное бремя. Кроме этого, незрелая ППИ становится причиной возникновения имитированной, формальной деятельности, которая негативно сказывается на социальной значимости профессии.

Обсуждение. В контексте обеспечения кадровой безопасности ППИ руководителя функционирует как критически важный экзoфактор для подчиненного личного состава. Повседневная служебная деятельность рядового сотрудника протекает в среде, параметры которой детерминированы ППИ непосредственного начальника. Реализуя свои полномочия, он через призму собственной ППИ формирует организационный климат подразделения. Деформированная ППИ руководителя становится негативным фактором, провоцирующим выгорание и увольнение подчиненных. И, напротив, зрелая ППИ руководителя формирует психологическую готовность личного состава к качественному исполнению служебных задач.

Таким образом, для обеспечения кадровой безопасности МВД России важно не только оптимизировать каналы пополнения системы молодыми сотрудниками, но и способствовать созданию благоприятного организационного климата в подразделении, который во многом зависит от деятельности и управленческих решений непосредственного руководителя. В рамках публично-правовых отношений профессионально-правовая идентичность руководителя выступает как ключевой регулятор управленческих процессов. Именно от ее целостности

и способности к смысловой регуляции зависят не только индивидуальная эффективность лидера, но и устойчивость всей правовой среды вверенного ему подразделения.

В условиях возрастающей многозадачности и колоссальных нагрузок осознанное развитие ППИ представляет собой высшую форму профессиональной зрелости. Руководитель, способный сохранить верность профессии и «себя в ней», не допуская при этом ценностной деформации и формализма, демонстрирует не просто управленческую компетентность, а подлинную субъектную устойчивость, которая является главным гарантом кадровой и правовой безопасности системы.

Заключение. Подводя итог исследованию профессионально-правовой идентичности, акцентируем внимание на потребности многоуровневого анализа профессионально-правовой идентичности сотрудников ОВД для обеспечения кадровой безопасности ведомства. Необходимо осуществить переход от восприятия руководителя как технического исполнителя административных функций к пониманию его роли как субъекта и архитектора организационной среды вверенного ему подразделения. Именно ППИ руководителя во многом определяет правовой климат и состояние кадровой безопасности подразделения, выступая внутренним гарантом законности в системе государственного управления.

Список источников

1. Бабанов А. А., Резников Е. В. Интеграционный аспект психолого-правового анализа дефиниции «правовая идентичность» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 9–13.
2. Яковлев М. В. Профессиональная идентичность как исходная стадия механизма формирования профессиональной правовой культуры военнослужащих внутренних войск МВД России // Наука и бизнес: пути развития. 2015. № 11 (53). С. 152–154.
3. Александрова Ю. Ю., Пряжников Н. С., Румянцева Л. С. Проблема соотношения «профессиональной идентичности» и «идентичности субъекта профессионального самоопределения» // Профессиональное образование. Столица. 2019. № 12. С. 14–18.
4. Селюнина А. Н., Бондаренко Е. В. Взаимосвязь гендерной идентичности и профессиональной направленности студентов с разным статусом профессиональной идентичности // Актуальные вопросы развития личности профессионала: идентичность в контексте межкультурной коммуникации : сб. материалов Междунар. психологического форума, Самара, 25–26 апреля 2024 г. Самара: Моск. город. пед. ун-, 2024. С. 121–126. DOI 10.55000/IPsF.2024.51.86.022.
5. Белякова Е. Г., Захарова И. Г. Профессиональное самоопределение и профессиональная идентичность студентов-педагогов в условиях индивидуализации образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1. С. 84–112. DOI 10.17853/1994-5639-2020-1-84-112.
6. Тимофеева Т. С., Солянкина Л. Е. Социально-психологические факторы формирования профессиональной идентичности на примере профессии психолога // Мировые цивилизации. 2020. Т. 5. № 3–4. С. 116–123.
7. Будауд К. Социокультурные факторы формирования профессиональной идентичности (Социализация и корпоративная культура как существенные факторы формирования профессиональной идентичности) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2021. № 6. С. 45–50. DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.03.
8. Поваренков Ю. П. Психологическая характеристика профессиональной идентичности // Кризис идентичности и проблемы становления гражданского общества: сб. науч. тр. Ярославль: ЯГПУ, 2003. С. 154–163.
9. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
10. Резников Е. В. Правовая идентичность и правовой менталитет. М.: Юрлитинформ, 2017. 240 с.
11. Мурунова А. В. Правовая идентичность и правовой менталитет как должное и сущее // Юридическое образование и юридическая наука в России: современные тенденции и перспективы развития (к 15-летию юридического факультета Курского государственного университета): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Курск, 24–25 мая 2019 г. Курск: Курский гос. ун-т, 2019. С. 212–215.
12. Куваева С. А. Социально-правовая система и правовая идентичность // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. статей XXXIII Междунар. науч.-практ. конф., Пенза, 15 ноября 2023 г. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. С. 311–313.

13. Исаева Н. В. Правовая идентичность как категория права и теоретико-правового анализа. М.: Юрлитинформ, 2014. 360 с.
14. Исаева Н. В. Правовая идентичность личности: к постановке проблемы // Право и государство: теория и практика. 2011. № 2 (74). С. 16–20.
15. Инкижекова М. С. Профессионально-правовая идентичность как концепт и юридический феномен // Философия права. 2020. № 4(95). С. 47–53.
16. Инкижекова М. С. О концепте «профессионально-правовая идентичность» // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 1 (57). С. 8–16.
17. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 330 p.

References

1. Babanov A. A., Reznikov E. V. Integracionnyj aspekt psihologo-pravovogo analiza definicii «pravovaya identichnost'» // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2012. № 4(23). S. 9–13.
2. Yakovlev M. V. Professional'naya identichnost' kak ishodnaya stadiya mehanizma formirovaniya professional'noj pravovoj kul'tury voennosluzhashchih vnutrennih vojsk MVD Rossii // Nauka i biznes: puti razvitiya. 2015. № 11(53). S. 152–154.
3. Aleksandrova Yu. Yu., Pryazhnikov N. S., Rumyanceva L. S. Problema sootnosheniya «professional'noj identichnosti» i «identichnosti sub'ekta professional'nogo samoopredeleniya» // Professional'noe obrazovanie. Stolica. 2019. № 12. S. 14–18.
4. Selyunina A. N., Bondarenko E. V. Vzaimosvyaz' gendernoj identichnosti i professional'noj napravlenosti studentov s raznym statusom professional'noj identichnosti // Aktual'nye voprosy razvitiya lichnosti professionala: identichnost' v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii : sb. materialov Mezhdunar. psihologicheskogo foruma, Samara, 25–26 aprelya 2024 g. Samara: Mosk. gorod. ped. un-, 2024. S. 121–126. DOI 10.55000/IPsF.2024.51.86.022.
5. Belyakova E. G., Zaharova I. G. Professional'noe samoopredelenie i professional'naya identichnost' studentov-pedagogov v usloviyah individualizacii obrazovaniya // Obrazovanie i nauka. 2020. T. 22. № 1. S. 84–112. DOI 10.17853/1994-5639-2020-1-84-112.
6. Timofeeva T. S., Solyankina L. E. Social'no-psihologicheskie faktory formirovaniya professional'noj identichnosti na primere professii psihologa // Mirovye civilizacii. 2020. T. 5. № 3–4. S. 116–123.
7. Budaud K. Sociokul'turnye faktory formirovaniya professional'noj identichnosti (Socializaciya i korporativnaya kul'tura kak sushchestvennye faktory formirovaniya professional'noj identichnosti) // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Poznanie. 2021. № 6. S. 45–50. DOI 10.37882/2500-3682.2021.06.03.
8. Povarenkov Yu. P. Psihologicheskaya harakteristika professional'noj identichnosti // Krizis identichnosti i problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva: sb. nauch. tr. Yaroslavl': YAGPU, 2003. S. 154–163.
9. Ehrikson Eh.G. Identichnost': yunost' i krizis / per. s angl.; obshch. red. i predisl. A. V. Tolstyh. M.: Progress, 1996. 340 s.
10. Reznikov E. V. Pravovaya identichnost' i pravovoj mentalitet. M.: Yurlitinform, 2017. 240 s.
11. Murunova A. V. Pravovaya identichnost' i pravovoj mentalitet kak dolzhnoe i sushchee // Yuridicheskoe obrazovanie i yuridicheskaya nauka v Rossii: sovremennye tendencii i perspektivy razvitiya (k 15-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Kurskogo gosudarstvennogo universiteta): sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf., Kursk, 24–25 maya 2019 g. Kursk: Kurskij gos. un-t, 2019. S. 212–215.
12. Kuvaeva S. A. Social'no-pravovaya sistema i pravovaya identichnost' // Aktual'nye voprosy sovremennoj nauki i obrazovaniya: sb. statej XXXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Penza, 15 noyabrya 2023 g. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.), 2023. S. 311–313.
13. Isaeva N. V. Pravovaya identichnost' kak kategoriya prava i teoretiko-pravovogo analiza. M.: Yurlitinform, 2014. 360 s.
14. Isaeva N. V. Pravovaya identichnost' lichnosti: k postanovke problemy // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2011. № 2 (74). S. 16–20.
15. Inkizhekova M. S. Professional'no-pravovaya identichnost' kak koncept i yuridicheskij fenomen // Filosofiya prava. 2020. № 4(95). S. 47–53.
16. Inkizhekova M. S. O koncepte «professional'no-pravovaya identichnost'» // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2021. № 1 (57). S. 8–16.
17. Bronfenbrenner U. The ecology of human development: Experiments by nature and design. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1979. 330 p.

Попова Ксения Александровна

доцент кафедры конституционного и административного права

Волгоградской академии МВД России,

кандидат социологических наук;

vspu.kalashnikova@yandex.ru

Popova Ksenia Aleksandrovna

Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law
of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;

Candidate of Sciences (Sociology);

vspu.kalashnikova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 07.05.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 21.05.2026.

The article was submitted 07.05.2026; approved after peer reviewing 20.05.2026; accepted for publication 21.05.2026.

* * *

УДК 340:37

**ОРИЕНТИРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ
ПРИ ВЫБОРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПУТИ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ ВЗГЛЯД)****Александр Александрович Редько,**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
aredko3@mvd.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика существующих подходов к теории и практике образовательного и воспитательного процессов России. Автор освещает проблемы, которые широко не обсуждаются. В текущей политико-правовой повестке развития России глобально обозначены области рассматриваемых проблем, однако сегодня не разработан единый комплексный кейс решений, соответствующих современным реалиям с превентивной составляющей. Автор заостряет внимание на ценностно-правовой конъюнктуре образовательной среды. При всех достижениях и положительных результатах устоявшихся классических средств и методов, направленных на воспитание молодежи в духе традиционных ценностей пренебрежения индивидуальным благом сегодня во имя коллективного будущего, существует и другая сторона медали. У нового поколения сформирована высокая толерантность к такого рода информационному воздействию. Ложная консенсуальность в вопросе активного стремления к коллективистским целям может перерасти в перспективе в масштабный кризис востребованности и кадровый дефицит профессионалов высокого уровня. Автор предлагает кейс разнонаправленных, психологически опосредованных и юридически решаемых действий, способных в корне изменить подход к образованию, становлению специалистов, служащих во имя Отечества не декларативно, а осознанно и с волевым целеполаганием.

Ключевые слова: искусственный интеллект, образовательный процесс современности, симбиоз интеллекта человека и машины, таргетированные образовательные стратегии, рекрутинговые центры в образовательных организациях, воспитательно-образовательные изменения в государстве, ценностно-мотивационное ядро личности.

Для цитирования: Редько А. А. Ориентиры в формировании правосознания при выборе профессионального пути (теоретико-правовой взгляд) // Трактаат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 87–93.

**GUIDELINES FOR SHAPING LEGAL CONSCIOUSNESS
IN PROFESSIONAL CAREER SELECTION:
A THEORETICAL AND LEGAL PERSPECTIVE****Alexander Alexandrovich Redko,**Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
aredko3@mvd.ru

Abstract. The article addresses the key challenges associated with contemporary theoretical and practical approaches to education and character formation in the Russian context. The author draws attention to issues rarely discussed. While these issues are acknowledged within Russia's current political and legal agenda, no holistic solution framework has been developed that aligns with contemporary challenges and incorporates a preventive component. The author focuses on the value-based and legal context of the educational sphere. Despite the achievements and positive outcomes of established classical means and methods aimed at educating youth in the spirit of traditional values – often at the expense of individual well-being – today there is another side to the coin: in the name of a collective future. The new generation demonstrates a high level of tolerance towards such forms of informational impact. The false consensus surrounding the active promotion of collectivist objectives may, in the long run, trigger a large-scale crisis of demand for professionals and result in a significant deficit of highly qualified specialists. The author proposes a case study of multifaceted actions that are psychologically grounded and legally feasible, capable of fundamentally transforming the approach

to education and professional development. The aim is to cultivate professionals who serve their country not merely in words, but with genuine conscious commitment and strong goal orientation.

Keywords: artificial intelligence, modern educational process, symbiosis of human and machine intelligence, targeted educational strategies, recruitment centers in educational organizations, educative and educational changes in the state, value-motivational core of personality.

For citation: Redko A. A. Guidelines for Shaping Legal Consciousness in Professional Career Selection: A Theoretical and Legal Perspective. Journal of Legal Initiatives, 87–93, 2026. (In Russ.).

Введение. Технологический прогресс конца XX – первой четверти XXI в. видится процессом комбинированным, сочетающим в себе революционные сдвиги и эволюционное развитие. В унисон с метаморфозами автоматизации и роботизации производств, информационных и кибернетических технологий происходит и социальная адаптация к новациям. Это приспособление зачастую протекает в авральном режиме, множественные ошибки впоследствии корректируются на протяжении длительного периода, который не успевает закончиться, а волна новых адаптаций приносит новые сложности. В такой системе отсутствует «интервал покоя», создается ситуация эволюционной ловушки.

Порог первой четверти текущего столетия ознаменовался достижениями науки и техники уровня зарождения симбиотических связей интеллекта человека и машины. Цифровое пространство перестает быть простым источником информации, развлечений и даже выходит за рамки оптимизации труда человека, замещая полностью оператора во многих процессах. Эргатические системы с внедрением искусственного интеллекта становятся все более распространенными и эффективными. В. М. Розин отмечает, что на данном этапе развития технологий стоит различать понятия «искусственный интеллект» и «естественный интеллект» как совершенно различные образования. Проблемы, стоящие перед человечеством настоящего, могут быть решены именно человеком и при использовании искусственного интеллекта как инструментария [1, с. 23]. Пронизывая все сферы жизнедеятельности общества, цифровая реальность создает параллельный мир без границ, где неконтролируемо взращивается субстанция смыслов, формирующая мировоззрение социума независимо от государственной принадлежности. Человечество находится «на пороге очередной культурной и антропологической трансформации», которая уже идет «как тихая революция, например, в сфере образования, в области права и этике, в новых практиках общения» [1, с. 24].

Механизмы формирования ценностно-мотивационных ориентиров объединений народов не могут быть в полной мере эффективно регулируемы методами прошлого (уроки мужества, профориентационные и патриотические акции, изменения в законодательстве в направлении увеличения доли целевого высшего образования и контрактной основы). Все это уже было в том или ином формате, и внедрение положительного опыта прошлого в повестку нового дня – процесс положительный, но недостаточный. Исследования фиксируют ценностно-политическую неоднозначность в молодежной среде, традиционные российские аксиологические категории для значительной части молодого поколения сохраняют значение в виде абстрактных идеальных конструкций, не находящих конкретного применения в повседневной жизни [2, с. 670]. Прогресс, несущий свет, озаряет не только путь вперед, но и темные до сих пор пространства, обнаруживая опасности вблизи. Игнорирование факта того, что в бочке меда на дне притаилась ложка дегтя, не значит, что со временем процесс диффузии не изменит вкус меда во всей бочке бесповоротно. Предлагаем все-таки задуматься над инкапсуляцией «дегтя» на этапе, когда еще вредные последствия не ощутимы, а не быть спокойными в период, требующий незамедлительных действий. Развитие науки и техники не гарант эволюционного прогресса цивилизации само по себе, лишь вкупе с морально-нравственным формированием на основе идеологического концепта и ценностно-мотивированного стремления каждый человек в отдельности и в единстве в рамках определенного народа способен направить блага технологического роста по траектории совершенствования государства и общества.

Методы. В исследовании автор использует в основном теоретические методы познания, подтверждая некоторые доводы отсылками к эмпирическим научным изысканиям. Методологическую основу исследования составляет теоретико-правовой анализ в междисциплинарном смысле, направленный на процессы образования, культуры, ценностной ориентации, психологии, достижений в области высоких технологий в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Теоретико-правовой анализ (взгляд, как указывает автор в названии) междисциплинарной и межинститу-

циональной природы логически приводит к применению системного подхода в исследовании. Системный анализ применяется автором для установления структурных связей между элементами исследуемой междисциплинарной и межинституциональной системы, контуры которой обозначены после теоретико-правового анализа. Сравнительно-ретроспективный метод используется в целях поддержания нейтральной позиции между крайностями отрицания всего советского наследия, полной аннигиляции устоявшихся средств и методов, и его идеализирования и примерки на новое время с большей интенсивностью при помощи новых каналов информирования. Прогностический метод присутствует в исследовании не для придания изящества и убедительности, а используется намеренно из необходимости. Именно прогноз будущего развития в существующей парадигме является демонстрацией того периода, когда критическая масса аномалий будет возрастать, и тогда неминуем кризис. Автор представляет негативный сценарий развития событий для акцентирования внимания на необходимости применения оперативных мер. Аксиологический метод занимает особое место в исследовании, поскольку объектом исследования прямо или косвенно является правосознание, которое неотделимо от ценностно-мотивационного ядра личности в узком смысле и ценностно-правового ядра государства и общества в широком. Метод обобщения и классификации позволяет выделить шесть ключевых ориентиров, которые составляют результативную часть исследования. Этот перечень результат применения всего описанного методологического инструментария, но итог дистиллируется из разрозненных наблюдений и частных предложений в компактную догматичную модель (единый кейс).

Результаты. Ловушка, расставленная для молодого поколения Digital-профессиями, привела к катастрофической кадровой ситуации в реальном секторе экономики. Поколение TikTok оказалось не готово к выполнению государственных задач¹. Осознание собственной некомпетентности пришло с биологическим взрослением слишком поздно, когда с одной стороны психологическое состояние надломилось от невостребованности в объективных реалиях рыночных отношений, с другой отсутствуют воля и внутренние ресурсы в относительно зрелом возрасте возвращаться на стартовую площадку и получать социально значимую профессию.

Как результат на подходе целое поколение дезориентированных, малокомпетентных граждан с завышенной оценкой собственных когнитивных способностей.

Значительная вина в текущем положении дел лежит на образовательных организациях высшего образования. Представляется, что сегодня необходимо отказаться от циклических процессов вуза, переосмыслить социальную миссию образовательной организации. С целью формирования достойного поколения, стоит действовать таргетированно со школьной скамьи, поощрять идеологические ценности ребенка, демонстрировать престиж и значимость профессии, формировать ценностно-правовые ориентиры. Естественно для духовно-нравственной трансмиссии от поколения к поколению необходим осознанный подход к ценностно-правовым субстанциям, определение константных фундаментальных ценностных основ и их правового воплощения, обусловленных историческим развитием аутентичного объединения народов, а также динамичных, легко изменяемых [3, с. 66]. Понимание важности исследований в ценностно-идеологическом направлении вкупе с правовым воплощением опосредуется не только повышенной научно-дискуссионной активностью, но и в публичном дискурсе в целом.

Образовательный процесс современного, востребованного вуза больше не может быть линейным, он объективно заступил за черту поступления и выпуска молодых специалистов с точки зрения начала и окончания правоотношений. Сегодня успешная образовательная организация – это формально-юридический, нравственно-идеологический, просветительский, научно-исследовательский, созидательно-инновационный, динамически развивающийся конструктор, включающий в себя возможность гибкого подстраивания под запросы работодателя.

Отдавая должное и оставляя за текстом комплементарную часть уже апробированным и доказавшим свою состоятельность классическим методам подготовки кадров, необходимо констатировать возникновение серьезных сдвигов в восприятии этого процесса у потенциальных абитуриентов. Сегодняшние школьники выпускных классов хладнокровно и беспринципно рассматривают пятилетний трек получения высшего образования, они не воспитывались на примерах пионерии, не пропитывались нарративом приоритетности государственных ценностей над личностными, зачастую не готовы к беззаветному служению Отечеству и самопожертвованию. Эту проблему принято замалчивать, кулуарно передавая из уст в уста фразу: «а вот,

¹ Безответственные лентяи? Прагматики? Любители учиться? Кто такие зумеры. Tass.ru: информационное агентство России [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26158545> (дата обращения: 10.05.2026).

в наше время...», во многом именно из-за этих ложных надежд на изменение общего вектора и возникает кадровый дефицит, хотя внутреннее осознание реального положения дел у многих руководителей различного уровня и различных государственных институтов уже пришло.

В психологии при принятии неизбежного после этапа отторжения и меняющихся состояний в итоге наступает момент принятия [4, с. 2]. Сегодня необходимо декларировать новую формулу воздействия на триггерные точки, заинтересовывать молодежь понятным для них языком, расширять привлекательность образовательных программ, предлагать комплексные компетенции, которые востребованы практически во всех отраслях социальной действительности.

Выпускник 11-го класса 2026 года больше не хочет быть космонавтом, пожарным или милиционером, он хочет быть умнее, сильнее, успешнее остальных одноклассников. Необходимо дать ему возможность реализоваться и доминировать, играть на его же амбициях, подпитывать эгоизм с одновременным вовлечением в профессию до осознания им своей государственной миссии.

Представляется допустимым обозначить несколько направлений повышения привлекательности учебно-воспитательного процесса, которые считаются очень диссонансными и вызывают массу споров в научной и профессиональной среде. Однако, на мой взгляд, лидером среди услуг в сфере высшего и среднего специального образования будет только та организация, которая переосмысли подходы и изменится вместе с требованиями времени.

В частности, использование всего спектра возможностей достижений науки и техники, речь идет о различных гаджетах, голосовых и интеллектуальных ассистентах, алгоритмах искусственного интеллекта. Большинство образовательных организаций стараются остаться в створе классического образования, секвестрируя или порицая использования студентами указанных помощников. Такие архаичные подходы представляются тупиковыми по нескольким основаниям: во-первых, прогресс невозможно остановить, запрещая использовать открыто то или иное достижение технологий, мы не решаем проблему, мы «загоняем» обучающихся в условия, при которых они будут осуществлять эти манипуляции скрыто, пытаться «замести» следы, компилировать тексты, добавлять символы для увеличения оригинальности или аутентичности текста. Это бессмысленная борьба, в которой старая школа заведомо проиграла. Студента необходимо обучать пользоваться новыми инструментами, указывать на неоднозначность, а иногда и ошибочность их применения, учить обрабатывать ту информацию, которую уже выдает «DeepSeek» или «GPT-чат». *Необходимо уже допустить и принять новый симбиоз интеллекта человека и машины.* Как бы в дальнейшем не строился карьерный путь выпускника навыки обработки данных пригодятся везде. В этой связи необходимо указать на подпункт «о» пункта 1 перечня поручений Президента РФ по итогу пленарного заседания Форума будущих технологий и встречи с учеными¹ (далее – Перечень), утвержденного 2 мая 2026 года, который ставит перед Правительством Российской Федерации задачу «подготовить при участии отраслевых союзов (ассоциаций) и представить предложения: по обновлению федеральных государственных образовательных стандартов и образовательных программ с учетом необходимости углубления междисциплинарной подготовки специалистов на стыке естественных, инженерных и экономических наук, а также с учетом внедрения технологий искусственного интеллекта». Пункты Перечня акцентируют внимание на развитии биотехнологий и биоэкономики, но не следует понимать буквально или узко. Каждому ясен базовый посыл: для эволюции в каком бы то ни было направлении стратегического развития Отечества необходимы мультидисциплинарные специалисты, которые обладают навыками обращения с высокотехнологичным инструментарием, совершенствующимся в динамичном темпе, в том числе и искусственным интеллектом.

Скорость развития общественных отношений в различных направлениях такова, что современный человек не в состоянии оставаться конкурентоспособным, не используя специализированные приложения в сфере права, искусства, дизайна, лингвистики, логистики. Можно воспитать эрудированного интеллигента классическими методами, но жестокость мира скорее всего не оставит ему шансов на служебном поприще, пока он будет раздумывать о творческих подходах к решению конкретной задачи в различных спектрах, более приспособленный выпускник воспользуется готовым проектом из GPT-чата, оформит дизайн из «Pinterest», доработает некоторые детали и получит признание. Согласно преданию, Екатерина II на приговоре

¹ Перечень поручений по итогам участия Президента в пленарном заседании Форума будущих технологий и встречи с учеными" (утвержден Президентом РФ 02.05.2026 № Пр-1091) Consultant.ru: официальный ресурс справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_533613/?ysclid=moynqrql8w184168572 (дата обращения: 10.05.2026).

А. В. Суворову, послушавшемуся приказа и одержавшему при этом победу, написала фразу «Победителей не судят» [5, с. 593]. Эта фраза выросла в обиход русского народа именно из-за того, что применима в обстоятельствах реальной жизни, отражает истину.

Следующий важный компонент современного образования, о котором не принято говорить, – это конкурентность. Федеральный закон «Об образовании»¹ пронизан идеей о равенстве субъектов образовательного процесса. Любой студент, заходя на 5-летний трек основной профессиональной образовательной программы (далее – ОПОП), проходит элективные и селективные дисциплины. Безусловно, есть более, а есть менее собранные и инициативные обучающиеся, но в сухом остатке они все изучают одни и те же дисциплины, слушают одних и тех же преподавателей, проходят одни и те же практики. Как может возникнуть желание развивать свои когнитивные способности у одарённого молодого человека в социальной среде, где ему постоянно говорят: «не высовывайся», «не лезь», «высочка»? Необходимы *таргетированные образовательной стратегией кейсы* уже со второго курса обучения в образовательной организации. Если хотите – искусственная конкурентная среда. Группы одаренных детей, группы математического склада ума, группы гуманитариев, группы лучших и т.д. Конечно без перегибов в сторону группы «отстающих», но студенты должны стремиться повышать свой научный, патриотический, идеологический, общественно-полезный рейтинг для перемещения из одной группы в другую по результатам каждой сессии. Государство просто обязано находить таланты и всячески катализировать их потенциал, к слову эти же молодые люди – будущие аспиранты и адъюнкты, управленцы и государственные служащие.

Необходимо говорить и о *гибкости основных профессиональных образовательных программ*, они по объективным причинам не могут быть долгосрочными – на 4, 5, 6 лет в силу того, что «каждую минуту» человечество изобретает что-то новое. Будучи студентом 2023 года набора полным ожиданий о высокооплачиваемой работе программиста языка программирования «Python», можно испытать значимое разочарование в профессиональном треке уже ко второму курсу, осознав, что для программирования достаточно сгенерировать, а затем скорректировать и запустить в реализацию «Prompt», специальные познания уже не нужны, а студент вынужден посещать лекции еще три года, которые по сути потеряли свою актуальность. Так происходит повсеместно. Необходим новый механизм формирования ОПОП максимальным периодом на учебный год, с возможностью онлайн-согласования с работодателем в максимально упрощенном формате, без физического хранения в распечатанном виде.

Еще одним значимым барьером выступает закрытость различных сфер образования. Юристы концентрируются только на отраслях права, экономисты на математических алгоритмах, программисты на языках программирования. Представляется, что сегодня это в корне неправильно. Один из руководителей перед подведением итогов инспектирования Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России озвучил тезисы образовательной политики Высшей школы государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации². Сущность посылы заключалась в том, что высшее образование сегодня должно быть настолько многокомпонентным, чтобы было в состоянии решать самые неординарные задачи, стоящие перед выпускником. Другими словами, одного линейного образования уже недостаточно. Сегодняшний выпускник должен иметь представления о законах физики, основах программирования, внешней и внутренней баллистики, сопромате, чувствовать себя достойно в любой конкурентной среде.

Краеугольным камнем всех инициатив, направленных на молодежную активность, выступают финансовые ресурсы. По какой-то причине в постсоветских странах, в отличие от капиталистических считается дурным тоном говорить о деньгах. Но факт остается фактом, каждый студент задумывается о материальном обеспечении, в этой связи следует в каждой образовательной организации вводить *рекрутинговые центры*. По своей сути представляющие штаб-квартиру

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ Consultant.ru: официальный ресурс справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/?ysclid=moyoc4sn3o101567232 (дата обращения: 10.05.2026).

² Ректор РАНХиГС Комиссаров: Вуз должен видеть абитуриента не только через баллы ЕГЭ, но и через его личный путь. Rg.ru: интернет портал общественно-политического издания, официального печатного органа Правительства Российской Федерации «Российская газета» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2026/02/27/rektor-ranhigs-posle-obucheniia-vypusknik-dolzhen-vygodit-s-oshchushcheniem-smysla.html?ysclid=moy2xyvzl7443664383&utm_referrer=mhttps%3A%2F%2Ffyandex.ru%2F (дата обращения: 10.05.2026).

различных работодателей, которые на постоянной основе встречаются со студентами, знают их возможности и компетенции и рекрутируют самых талантливых из них, кроме того, важно, чтобы сами представители работодателя конкурировали между собой и предлагали все более и более привлекательные условия. Такие правоотношения будут стимулировать исследовательский интерес у обучающихся, появится заинтересованность в повышении квалификации и дополнительных компетенциях. Уже с третьего курса представляется необходимым выполнять те или иные поручения работодателя за определенное финансовое вознаграждение. Это позволит научиться молодому поколению финансовой грамотности, адекватности понимания стоимости денег, самостоятельности. Причем такая инициатива ничего не будет стоить государству, нужен только исполнительно-распорядительный акт и политическая воля.

Любой учебно-воспитательный процесс является эффективным лишь тогда, когда в его становлении, наряду с определенным государством алгоритмом, приоритетное место занимает сознательное *ценностно-мотивационное ядро личности* [6, с. 125]. Это явление, отвечающее за выбор конкретного школьника, когда он переступает порог той или иной образовательной организации, это формула, позволяющая сложить в голове многокомпонентные переменные (городская локация вуза, его престиж, востребованность выпускников, материальное обеспечение, популярность педагогов, дизайн здания, современность обучения, количество конференций, возможность встречи с медийными людьми, спорт и досуг и многое другое).

Правильное правосознание и мотивация – взаимосвязанные категории. Чем выше мотивация, тем благоприятнее условия для формирования профессиональных установок. Если при попытке мотивировать используются методы, не отвечающие объективной действительности, развитию науки, процессам цифровизации, то лицо, в отношении которого проводится непрофессиональные действия или которое наблюдает за проявлением таких действий со стороны, формирует негативные выводы и вырабатывает отторжение к профессии, деформирует свое собственное сознание, а часто и сознание своего окружения (близких, родных, друзей).

Закключение. Таким образом в рамках значимых ориентиров при формировании правосознания, являющегося основой при выборе профессионального пути можно говорить:

- 1) о симбиозе интеллекта человека и машины;
- 2) таргетировании образовательных стратегий;
- 3) гибкости основных профессиональных образовательных программ;
- 4) многокомпонентности приобретаемых компетенций;
- 5) формировании рекрутинговых центров на базе вуза;
- 6) ценностно-мотивационном ядре обучающегося.

Озвученные предложения и факты объективной действительности отражают лишь толику происходящих тектонических теоретико-правовых и воспитательно-образовательных изменений в государстве. Необходимо без оглядки на антагонистов с высоко поднятой головой принимать меняющуюся реальность, адекватно и эффективно реагировать на запросы человека и гражданина, общества в целом, двигаться к намеченным целям построения компетентного населения великой страны.

Список источников

1. Розин В. М. Концепции и понятия искусственного и естественного интеллекта (методологический анализ) // Философские науки. 2023. Т. 66, № 4. С. 7–25. DOI 10.30727/0235-1188-2023-66-4-7-25.
2. Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: М.: Квадрига, 2024. 720 с.
3. Чумаченко А. Ю. Ценностно-правовое ядро государства и общества: понятие, признаки и принципы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 52–68.
4. Кюблер-Росс Э. О смерти и умиранию. Пер. с англ. В. Тулаева. М.: АСТ, 2022. 480 с.
5. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4 000 статей / авт.-сост. В. Серов. 2-е изд. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
6. Чумаченко А. Ю. Ценностно-правовые основы российской государственности в контексте современных принципов и норм международного права // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 2 (80). С. 120–126.

References

1. Rozin V. M. Konceptii i ponyatiya iskusstvennogo i estestvennogo intellekta (metodologicheskij analiz) // Filosofskie nauki. 2023. T. 66, № 4. S. 7–25. DOI 10.30727/0235-1188-2023-66-4-7-25.
2. Russkie cennosti: Tradicionnye smysly i ih otrazhenie v soznanii sovremennoj molodezhi: M.: Kvadriga, 2024. 720 s.
3. Chumachenko A. Yu. Cennostno-pravovoe yadro gosudarstva i obshchestva: ponyatie, priznaki i principy // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2026. № 1 (111). S. 52–68.
4. Kyubler-Ross Eh. O smerti i umiraniyu. Per. s angl. V. Tulaeva. M.: AST, 2022. 480 s.
5. Ehnciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij: bolee 4 000 statej / avt.-sost. V. Serov. 2-e izd. M.: Lokid-Press, 2005. 880 s.
6. Chumachenko A. Yu. Cennostno-pravovye osnovy rossijskoj gosudarstvennosti v kontekste sovremennyh principov i norm mezhdunarodnogo prava // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2025. № 2 (80). S. 120–126.

Редько Александр Александрович,

первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент;
aredko3@mvd.ru

Redko Alexander Alexandrovich,

First Deputy Chief of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia,
Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
aredko3@mvd.ru

Статья поступила в редакцию 10.05.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 18.05.2026.

The article was submitted 10.05.2026; approved after peer reviewing 17.05.2026; accepted for publication 18.05.2026.

* * *

УДК: 342.56

**ПРАВОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)***

Дмитрий Владимирович Челбаев

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия,
chelbaev.d@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается правоидеологический контур внедрения инновационных технологий в судебную деятельность в условиях цифровой реальности для выявления идейно-ценностных сдвигов, которые возникают при переходе от инструментального понимания цифровизации к восприятию цифровых решений как фактора, способного перестраивать деятельность стандарты в сфере правосудия. Методологическую основу составляют информационный, теоретико-правовой и доктринальный анализ правовой идеологии и правовой технологии, формально-юридический метод, аксиологический подход и правовое моделирование. Установлено, что цифровые механизмы функционируют как правовая технология и способны закреплять новые стандарты «качества» правосудия через архитектуру технологизированных судебных процедур, влияя на состязательность, устность и мотивированность судебных актов. Показаны риски технократического смещения профессиональной ответственности и формирования параллельной процессуальной нормативности. Обоснована необходимость правоидеологического режима применения инновационных цифровых технологий, предполагающего нормативно закреплённые пределы, процедурную проверяемость и профессионально-этические гарантии судейского служения. Сделан вывод о приоритете справедливости и доверия над показателями «машинной» эффективности.

Ключевые слова: правовая идеология, судебная деятельность, цифровая реальность, цифровизация правосудия, инновационные технологии, правовая технология, искусственный интеллект.

Для цитирования: Челбаев Д. В. Правовая идеология применения инновационных технологий в судебной деятельности в условиях цифровой реальности (к постановке проблемы) // Труды правовых инициатив. 2026. № 2. С. 94–100.

**LEGAL IDEOLOGY OF APPLYING INNOVATIVE TECHNOLOGIES
IN JUDICIAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT
OF DIGITAL REALITY (FRAMING THE ISSUE)****

Dmitry Vladimirovich Chelbaev

Tambov State Technical University, Tambov, Russia,
chelbaev.d@yandex.ru

Abstract. This article examines the legal and ideological framework for the implementation of innovative technologies in judicial practice in the digital reality. The aim is to identify the ideological and value shifts that arise during the transition from an instrumental understanding of digitalization to the perception of digital solutions as a factor capable of restructuring activity standards in the justice sector. The methodological basis consists of an informational, theoretical and legal, and doctrinal analysis of legal ideology and legal technology, a formal legal method, an axiological approach, and legal modeling. It is established that digital mechanisms function as a legal technology and are capable of enshrining new standards of justice “quality” through the architecture of technologically enhanced judicial procedures, thereby affecting adversariality, orality, and the reasoning of judicial

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03175, <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>.

** The research was carried out with financial support provided by from the Russian Science Foundation No. 25-28-03175, <https://rscf.ru/project/25-28-03175/>.

acts. The risks of technocratic displacement of professional responsibility and the formation of parallel procedural normativity are demonstrated. The need for a legal and ideological regime of applying innovative digital technologies is substantiated. This regime implies normatively established limits, procedural verifiability, and professional and ethical guarantees of judicial service. It is concluded that justice and trust are prioritized over “machine” efficiency indicators.

Keywords: legal ideology, judicial practice, digital reality, digitalization of justice, innovative technologies, legal technology, artificial intelligence.

For citation: Chelbaev D. V. Legal Ideology of Applying Innovative Technologies in Judicial Activities in the Context of Digital Reality (Framing the Issue). Journal of Legal Initiatives, 94–100, 2026. (In Russ.).

Введение. Цифровая реальность постепенно становится не внешним фоном, а устойчивым режимом существования правосудия, в котором меняются темп, формы коммуникации и сама логика юридически значимых действий. В этих условиях инновационные технологии (электронный документооборот, дистанционные формы участия, алгоритмические и аналитические решения) в суде перестают быть нейтральным набором инструментов и начинают выступать фактором, способным перестраивать идейно-ценностные акценты судебной деятельности, а значит, и правовую идеологию правосудия. Думается, именно здесь возникает ключевая проблема: как обеспечить технологическое развитие суда так, чтобы оно усиливало справедливость и доверие, а не подменяло правовую природу судебного решения технической рациональностью «машинной» эффективности? Объектом работы является судебная деятельность в условиях цифровой реальности, а предметом рассмотрения выступает правоидеологический контур внедрения инновационных технологий в суд.

Для комплексного ответа представляется необходимым уточнить, что именно понимается под правовой идеологией, поскольку дальнейшая постановка проблемы опирается на ее содержательную определенность. Как отмечает В. А. Туманов, данная категория позволяет связать право не только с нормами и институтами, но и с ценностно-идейным каркасом, встроенным в действующее право: «Под ним (понятием правовая идеология) можно иметь в виду определенную идеологию, выраженную в данном типе права и в каждой системе действующего права. Любое право является выразителем определенных идей и, более того, определенного социального мировоззрения и в этом качестве идеологически воздействует как на общественное сознание в целом, так и на сознание отдельных граждан» [1, с. 63]. Таким образом, вопрос об инновационных технологиях в судебной деятельности не сводится к модернизации процедур и каналов коммуникации, а акцентирует то, как качественно меняется правосудная практика. Фактически речь идет о том, какие идеи о человеке, справедливости, допустимом риске, стандарте доказанности и роли судьи закрепляются в архитектуре цифровых решений и затем начинают действовать как «самоочевидные» ожидания от правосудия. Иными словами, технологизация суда должна рассматриваться как фактор, потенциально изменяющий правовую идеологию воздействия права, опосредованного цифровыми механизмами, а значит, требующий доктринально выверенных пределов и критериев допустимости.

Постановка проблемы невозможна без учета онтологических характеристик цифровой реальности. В. И. Пржиленский, исследующий ее свойства, фиксирует базовое обстоятельство, важное для юридического анализа: «Она рукотворна в том смысле, что обязана своим возникновением IT-технологиям» [2, с. 78]. Однако рукотворность цифрового не означает его подчиненности юридической логике. Напротив, право нередко оказывается в положении «догоняющего» регулятора, вынужденного концептуализировать уже сложившиеся практики. В этом же ключе В. В. Лазарев, оценивая влияние цифровизации на юридическое знание, подчеркивает, что «процессы сетевой цифровизации и масштабного, всестороннего внедрения искусственного интеллекта (ИИ) нуждаются в особом осмыслении юристами» [3, с. 7]. Следовательно, требуется не столько описание технологических новшеств, сколько выявление тех идей и ценностей, которые они приносят в суд и которые затем начинают восприниматься как самоочевидные стандарты «правильного» правосудия. Именно это предопределяет постановочный характер настоящего исследования, ориентированного на фиксацию правоидеологических эффектов технологизации судебной деятельности и на последующее обсуждение критериев ее допустимости.

Методы. Методология статьи опирается на информационный, теоретико-правовой и доктринальный анализ правовой идеологии и правовой технологии в сочетании с системным рассмотрением цифровизации судебной деятельности. Формально-юридический метод использован для разграничения и уточнения категорий правовой идеологии, правовой технологии и инновационных технологий в судебной деятельности, а также для выявления их взаимосвязи с процессуальными принципами и требованиями мотивированности судебного решения. Аксиологический анализ применен для соотнесения технологических практик с конституционно значимыми ценностями справедливости, равенства и гарантий судебной защиты, а также с профессионально-этическими стандартами судейского служения. В качестве вспомогательного приема использовано правовое моделирование, позволяющее обосновать правоидеологический режим допустимости инновационных технологий в суде как совокупность критериев юридических действий и пределов их применения.

Результаты. В ходе анализа установлено, что для постановки правоидеологической проблемы принципиально важно рассматривать инновации в суде не как набор разрозненных сервисов, а как разновидность комплексной правовой технологии, т. е. целенаправленного юридически значимого воздействия на общественные отношения. Как отмечает Е. А. Березина, данное понимание позволяет методологически закрепить рамку исследования: «Правовая технология – это научное направление, изучающее процессы целенаправленного воздействия на общественные отношения» [4, с. 25]. Следовательно, если инновации в суде понимать как разновидность правовой технологии, то вопрос неизбежно смещается к допустимым целям такого воздействия и к пределам процедурной автоматизации. При этом полученный вывод согласуется с наблюдением А. Н. Приженниковой о том, что на текущем этапе цифровизации единообразие доктринальных подходов к самому явлению электронного правосудия пока не сложилось, поэтому оно описывается через разные акценты: от совершения процессуальных действий в электронной форме до понимания его как совокупности информационных систем или электронного формата судебного процесса [5, с. 217]. Иными словами, технологические решения в суде не могут рассматриваться как взаимозаменяемые опции, поскольку они формируют новый порядок процессуальных действий и новую внутреннюю логику движения дела.

Далее установлено, что аргументация в пользу активного внедрения цифровых решений преимущественно связывает технологизацию с целями доступности правосудия и оперативности защиты. Так, А. А. Фомин, анализируя цифровизацию судопроизводства, фиксирует, что «информационные технологии усиливают гарантии доступности правосудия» [6, с. 268]. В практико-ориентированной плоскости сходный импульс задает Р. Р. Шайдуллин, констатируя, что «назрела необходимость скорейшего внедрения информационно-телекоммуникационных технологий и в судопроизводство Российской Федерации» [7, с. 222]. Однако выявлено, что такая постановка целей требует юридического уточнения содержания категории «качество правосудия» в цифровой реальности, поскольку логика судебной защиты не допускает подмены смысла процедур их технической рациональностью эффективности. Следовательно, фиксируется правоидеологически значимое ограничение, задающее критерий допустимости: технология оправдана лишь постольку, поскольку служит правосудию, а не подменяет его внутренние основания показателями скорости, удобства и управляемости.

Существенным результатом анализа является также вывод о том, что технологизация затрагивает не только скорость и удобство, но и традиционные начала процесса, прежде всего устность и состязательность как способы выявления и проверки позиции сторон. Как отмечает А. В. Белякова, «при проведении судебного разбирательства в режиме онлайн существуют риски не только искажения информации по делу заинтересованными лицами, но и предоставления ее в неполном или недостоверном формате» [8, с. 129]. Думается, критерий допустимости инноваций не может сводиться к формальному расширению дистанционных сервисов, так как при недостаточной процессуальной «подстраховке» возникает риск новой процессуальной асимметрии и ослабления гарантий, обеспечивающих равенство сторон и реальную состязательность.

В ходе исследования выявлен и предельный ценностный ориентир для оценки цифровых новаций, связанный с этико-профессиональным стандартом судейского служения. Представляется, именно эта плоскость позволяет удержать обсуждение в границах смыслового ядра правосудия. К. П. Победоносцев, описывая должное качество судейского труда, подчеркивал,

что «судьи должны быть богаты знанием, а не только остроумием, должны быть строги в своем сознании, а не только приятны и любезны, должны быть осведомлены в убеждении, а не легкомысленны. Свыше всего свойство их и добродетель их звания есть правдивость» [9, с. 197]. В условиях цифровой реальности эта формула приобретает прикладное значение. Технологии способны расширять доступ к информации и повышать полноту ориентирования в массиве данных, однако они не производят правдивость как добродетель звания и не заменяют строгого сознания, т. е. внутренней дисциплины правовой оценки. Следовательно, инновационные решения в суде допустимы лишь в том случае, если они работают на «богатство знанием», усиливая качество проверки фактов и аргументации, но не переносят центр ответственности за истинностную и ценностную сторону решения на вычислительную процедуру (машину).

Наконец, в ходе анализа установлен риск формирования параллельной нормативности через архитектуру деятельности процедур и интерфейсов, когда технологические практики начинают выполнять роль фактического регулятора процессуального поведения. Как отмечает Е. В. Лунгу, «стихийно сложившиеся инструменты саморегулирования не опираются на базовые конституционные принципы» [10, с. 94]. Таким образом, применительно к судопроизводству правоидеологическая задача состоит не в том, чтобы замедлить цифровизацию, а в том, чтобы не допустить превращения технологических практик в «саморегулируемое право» суда.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют конкретизировать проблемное поле именно там, где технология соприкасается с судебной властью как с полномочием оценки и контроля. Как отмечает Е. В. Ширеева, «одним из таких вызовов в настоящее время является применение информационных технологий при осуществлении судебного контроля» [11, с. 31]. В указанной плоскости представляется принципиально важным и тезис Е. М. Донцова и Т. К. Донцовой, сформулированный с опорой на анализ рисков алгоритмических решений и выступающий своеобразным идеологико-правовым «стоп-сигналом» против технократического оптимизма: «Применение искусственного интеллекта в российской правосудии должно строго регулироваться законом» [12, с. 168]. Дословность этой формулы существенна тем, что она переводит обсуждение из сферы управленческой целесообразности в сферу правовой допустимости. Отсюда следует, что вопрос о технологиях в суде не может решаться только критериями эффективности и удобства. Напротив, требуют нормативного закрепления пределы применения, процедуры ответственности и механизмы проверяемости в процессуально значимых точках, включая требования объяснимости и контроля корректности работы систем. При этом риск технологической подмены усиливается тем, что цифровизация затрагивает профессиональную субъектность, а не только документооборот.

А. П. Иванова указывает на тенденцию, меняющую представление о роли человека в праве: «С каждым этапом развития технологий юристы получают новые инструменты, которые не просто помогают им в профессиональной деятельности, но и порой могут полностью заменить их» [13, с. 55]. Другими словами, применительно к суду речь идет не о технической поддержке, а о потенциальной трансформации распределения интеллектуального труда, ответственности и легитимации судебного решения. Технология, предлагающая «готовую» рекомендацию, объективно склоняет к стандартизации аргументации, а затем и к стандартизации результата. При этом внешняя нейтральность алгоритма создает иллюзию, что стандартизация не является ценностным выбором, хотя фактически она изменяет баланс между индивидуализацией и типизацией, между живым усмотрением и автоматическим соответствием модели.

В. В. Трофимов, исследуя государственно-правовую политику в пространстве функционирования цифровых систем, формулирует тревожный образ, который точно схватывает точку идеологического риска: «Искусственный интеллект находится по сути уже „наготове“, чтобы где-то оправданно заменить, а где-то и беспрекословно сместить человека» [14, с. 68]. Так, для судебной деятельности опасность состоит не только в прямой автоматизации вынесения решений, но и в постепенном смещении центра тяжести с юридического убеждения судьи на технологически «подсказанное» знание. В такой ситуации, думается, правоидеологический контур должен задавать пределы допустимого не только на уровне запрета «автоматического суда», но и на уровне более тонких практик, включая рекомендательные модели, предиктивную аналитику, рейтинги рисков, а также внутренние метрики эффективности, способные незаметно подталкивать к типовым решениям.

Отсюда, представляется, вытекает требование концептуальности, иначе цифровизация приобретает характер фрагментарного набора разрозненных «улучшений», которые в сумме меняют природу процесса. Л. Н. Масленникова, анализируя развитие процессуальных институтов в условиях цифровизации, обращает внимание на «отсутствие логически целостного, концептуального подхода к развитию и совершенствованию» [15, с. 55]. Следовательно, внедрение цифровых решений без единой идеологико-правовой рамки неизбежно приводит к ценностной дрейфовке, когда доминирует то, что проще измерить и стандартизировать, тогда как смысл правосудия связан с тем, что не сводится к простой метрике.

Ключ к доктринальному решению проблемы, очевидно, дает понимание природы судебного решения как источника обязательности и как результата творческой интерпретации. В. В. Лазарев, исследуя инновационную деятельность суда, приходит к выводу, что «признание инновационного характера судебной деятельности на теоретическом уровне требует полнокровного юридического признания судебного прецедента в качестве источника российского права» [16, с. 92]. В указанной логике творческий компонент судебного решения выводит на категорию судейского права, поскольку именно через судебные акты в правовой системе объективируются общеобязательные ориентиры правоприменения и формируются нормативные ожидания, поэтому судейское право «проявляется не иначе как система общеобязательных принципов и норм, содержащихся в судебных решениях» [17, с. 5]. Очевидно, если судебное решение является носителем общеобязательных принципов и норм, то неизбежно возникает и требование персональной ответственности за содержание этой обязательности, а также требование мотивированности как формы легитимации. Представляется, в этих условиях инновационные технологии в суде должны конструироваться как средства, повышающие качество мотивировки, полноту исследования обстоятельств и корректность применения права, но не как инструменты, подменяющие внутреннюю работу правовой квалификации и оценку доказательств.

При этом вопрос об идеологии в суде не сводится к логике запрета, поскольку примитивно понимаемая деидеологизация способна лишить право механизмов ценностной самозащиты. Как отмечает В. В. Лазарев, «деидеологизация должна затрагивать только ту часть идеологии, которая перестала удовлетворять месту и времени» [18, с. 16], а значит, следует видеть и позитивные цели идеологии. Как итог, установка для цифрового правосудия может быть сформулирована так: цифровизация, поскольку она несет цели доступности и прозрачности, – требует правоидеологического отбора, при котором исключаются технологические практики, размывающие мотивированность, подотчетность и справедливость, либо формирующие скрытые режимы «саморегулируемого» процессуального поведения.

Таким образом, решение заявленной проблемы видится в построении правоидеологического режима (специальной правовой идеологии) применения инновационных технологий в судебной деятельности, который (которая) одновременно признает неизбежность цифровой реальности и удерживает ценностное ядро правосудия. Такой режим предполагает рассмотрение технологической инновации как разновидности правовой технологии и допускает ее лишь при одновременном соблюдении нормативного контура пределов допустимого, правоприменительного и инфраструктурного контура проверяемости и воспроизводимости цифровых процедур, а также профессионально-культурного контура, поддерживающего цифровую правовую культуру судей и участников процесса. Представляется, в этой конструкции инновационные технологии перестают быть самостоятельной ценностью и занимают свое надлежащее место, т. е. играют роль средства, подчиненного идее справедливого правосудия.

Заключение. Правоидеологическая проблема внедрения инновационных технологий в суде заключается не в наличии цифровых инструментов как таковых, а в риске их превращения в носителя технократических ценностей, способных вытеснить мотивированность, ответственность и индивидуализированную оценку, составляющие смысл правосудия. Следовательно, доктринальное решение видится в концептуализации инновационных технологий в праве как специальной правовой технологии и в закреплении правоидеологического режима их применения, при котором доступность и оперативность судебной защиты достигаются без подмены человеческого усмотрения судьи, без «саморегулируемой» процессуальной нормативности и при сохранении конституционного приоритета прав и свобод человека как высшей ценности.

Список источников

1. Туманов В. А. Избранное. М.: Норма: Инфра-М, 2010. 736 с.
2. Пржиленский В. И. Вопрос об онтологическом статусе и специфических свойствах цифровой реальности // *Философия науки и техники*. 2025. Т. 30. № 2. С. 77–89.
3. Лазарев В. В. Юридическая наука в свете перспектив цифровизации // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 2. С. 5–19.
4. Березина Е. А. Правовая технология как научное направление в отечественной юриспруденции // *Правовое государство: теория и практика*. 2022. № 2. С. 16–26.
5. Приженникова А. Н. Осуществление правосудия в условиях информатизации и цифровизации // *Образование и право*. 2020. № 9. С. 217–226.
6. Фомин А. А. Инновационные технологии в судебной деятельности // *Образование и право*. 2022. № 11. С. 265–269.
7. Шайдуллин Р. Р. По вопросу внедрения цифровых технологий в судопроизводство России // *Вестник Института права Башкирского государственного университета*. 2025. № 1. С. 222–231.
8. Белякова А. В. «Цифровое» правосудие в России 2.0 // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право*. 2022. № 5. С. 124–142.
9. Победоносцев К. П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. 510 с.
10. Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // *Lex Russica*. 2025. Т. 78. № 3 (220). С. 86–97.
11. Ширеева Е. В. Правовые основы применения и практики внедрения искусственного интеллекта при осуществлении судебного контроля // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2020. № 3. С. 30–39.
12. Донцов Е. М., Донцова Т. К. Искусственный интеллект в судебной системе: международный опыт, правовые риски и пределы допустимого применения в России // *Пробелы в российском законодательстве*. 2025. Т. 18. № 6. С. 167–173.
13. Иванова А. П. Цифровые технологии в юридической деятельности: гиперреализм, правовая эволюция и развитие судебной аналитики // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Серия: Государство и право*. 2024. № 4. С. 55–68.
14. Трофимов В. В. Современная государственно-правовая политика Российской Федерации в пространстве функционирования информационно-телекоммуникационных систем: о некоторых проблемах формирования и реализации // *Правовая парадигма*. 2021. Т. 20. № 3. С. 66–75.
15. Масленникова Л. Н. Концептуальный подход к построению уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2020. № 10 (74). С. 52–65.
16. Лазарев В. В. Инновационная деятельность суда // *Актуальные проблемы экономики и права*. 2021. Т. 15. № 1. С. 85–93.
17. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2009. 510 с.
18. Лазарев В. В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // *Мир политики и социологии*. 2019. № 4. С. 16–32.

References

1. Tumanov V. A. Izbrannoe. M.: Norma: Infra-M, 2010. 736 s.
2. Przhilenskij V. I. Vopros ob ontologicheskom statuse i specificheskikh svojstvah cifrovoj real'nosti // *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2025. T. 30. № 2. S. 77–89.
3. Lazarev V. V. Yuridicheskaya nauka v svete perspektiv cifrovizacii // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2023. T. 27. № 2. S. 5–19.
4. Berezina E. A. Pravovaya tekhnologiya kak nauchnoe napravlenie v otechestvennoj yurisprudencii // *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2022. № 2. S. 16–26.
5. Prizhennikova A. N. Osushchestvlenie pravosudiya v usloviyah informatizacii i cifrovizacii // *Obrazovanie i pravo*. 2020. № 9. S. 217–226.
6. Fomin A. A. Innovacionnye tekhnologii v sudebnoj deyatel'nosti // *Obrazovanie i pravo*. 2022. № 11. S. 265–269.

7. Shajdullin R. R. Po voprosu vnedreniya cifrovyykh tekhnologiy v sudoproizvodstvo Rossii // Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2025. № 1. S. 222–231.
8. Belyakova A. V. «Cifrovoye» pravosudie v Rossii 2.0 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2022. № 5. S. 124–142.
9. Pobedonostsev K. P. Sochineniya. SPb.: Nauka, 1996. 510 s.
10. Lungu E. V. Konstitucionnye prava i svobody cheloveka v svete cifrovizatsii obshchestvennykh otnosheniy // Lex Russica. 2025. T. 78. № 3 (220). S. 86–97.
11. Shireeva E. V. Pravovye osnovy primeneniya i praktiki vnedreniya iskusstvennogo intellekta pri osushchestvlenii sudebnogo kontrolya // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. № 3. S. 30–39.
12. Doncov E. M., Doncova T. K. Iskustvennyy intellekt v sudebnoy sisteme: mezhdunarodnyy opyt, pravovye riski i predely dopustimogo primeneniya v Rossii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2025. T. 18. № 6. S. 167–173.
13. Ivanova A. P. Cifrovye tekhnologii v yuridicheskoy deyatel'nosti: giperrealizm, pravovaya ehvoluciya i razvitie sudebnoy analitiki // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura: IAZH. Seriya: Gosudarstvo i pravo. 2024. № 4. S. 55–68.
14. Trofimov V. V. Sovremennaya gosudarstvenno-pravovaya politika Rossijskoj Federacii v prostranstve funkcionirovaniya informacionno-telekommunikacionnykh sistem: o nekotorykh problemakh formirovaniya i realizacii // Pravovaya paradigma. 2021. T. 20. № 3. S. 66–75.
15. Maslennikova L. N. Konceptual'nyy podhod k postroeniyu ugolovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyah razvitiya cifrovyykh tekhnologiy // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 10 (74). S. 52–65.
16. Lazarev V. V. Innovacionnaya deyatel'nost' suda // Aktual'nye problemy ehkonomiki i prava. 2021. T. 15. № 1. S. 85–93.
17. Marchenko M. N. Sudebnoe pravotvorchestvo i sudejskoe pravo. M.: Prospekt, 2009. 510 s.
18. Lazarev V. V. Ideologicheskoe soprovozhdenie sovremennogo pravosudiya // Mir politiki i sociologii. 2019. № 4. S. 16–32.

Челбаев Дмитрий Владимирович,

младший научный сотрудник Научно-исследовательского института
государственно-правовых исследований
Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина;
ассистент, аспирант кафедры теории и истории государства и права
Тамбовского государственного технического университета;
chelbaev.d@yandex.ru

Chelbaev Dmitry Vladimirovich,

Junior Research Fellow of the Research Institute for State and Legal Studies
of the Derzhavin Tambov State University,
Assistant, Postgraduate Student at the Department of Theory and History
of State and Law of the Tambov State Technical University;
chelbaev.d@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 20.03.2026; принята к публикации 23.03.2026.

The article was submitted 10.03.2026; approved after peer reviewing 20.03.2026; accepted for publication 23.03.2026.

* * *

УДК 342.951

**ПРАВОВАЯ ИНИЦИАТИВА: ПРОЕКТ АДМИНИСТРАТИВНОГО РЕГЛАМЕНТА
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОРГАНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ
ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСЛУГИ
«ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, УЧЕТА, ВРЕМЕННОГО ХРАНЕНИЯ
И ОБРАЩЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ
БЕСХОЗЯЙНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ»**

Григорий Сергеевич Попов*

Виктория Владимировна Губанова**

*Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
grig.popov2015@yandex.ru

**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия,
viktoriagub@mail.ru

Аннотация. В статье авторы обращаются к проблеме брошенных, разукomплектованных и длительно не используемых по прямому назначению транспортных средств на территориях общего пользования. Они создают препятствия для осуществления мероприятий по благоустройству и санитарной очистке территорий, что влечет повышенную загруженность парковочных зон, дворовых проездов, формирует аварийно опасные участки (ограничение обзорности для водителей и пешеходов), повышает риски возникновения пожаров, способствует нецелевому занятию дефицитных парковочных мест, а также повышает риск совершения преступлений террористической направленности, что в условиях современных городских агломераций придает проблеме социально значимый характер. В целях обеспечения на всей территории Российской Федерации публично значимых интересов авторами разработан проект административного регламента федерального органа исполнительной власти по предоставлению государственной услуги «Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств».

Ключевые слова: административный регламент, бесхозное транспортное средство, государственная услуга, разукomплектованное транспортное средство, государственная собственность, безопасность дорожного движения, административная процедура.

Для цитирования: Попов Г. С., Губанова В. В. Правовая инициатива: проект административного регламента федерального органа исполнительной власти по предоставлению государственной услуги «Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств» // Трaктат правовых инициатив. 2026. № 2. С. 101–109.

**LEGAL INITIATIVE: DRAFT ADMINISTRATIVE REGULATION
OF THE FEDERAL EXECUTIVE AUTHORITY FOR THE PROVISION
OF THE STATE SERVICE “ORGANIZATION OF THE IDENTIFICATION,
REGISTRATION, TEMPORARY STORAGE
AND TRANSFER TO STATE OWNERSHIP OF OWNERLESS VEHICLES”**

Grigory Sergeevich Popov*

Victoria Vladimirovna Gubanova**

*Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
grig.popov2015@yandex.ru

**Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Volgograd, Russia,
viktoriagub@mail.ru

Abstract. In the article, the authors focuses on the issue of abandoned, dismantled, and long-term unused for their intended purpose vehicles located in public areas. These vehicles hinder the implementation of landscaping and sanitary cleaning measures, resulting in overcrowded parking areas and residential driveways. They also form accident-prone zones (due to limited visibility for both drivers

and pedestrians), elevate fire risks, promote the inappropriate occupation of limited parking spots, and increase the threat of terrorist crimes. Within the framework of contemporary urban agglomerations, these factors impart a socially significant dimension to the issue.

In order to ensure publicly significant interests across the entire territory of the Russian Federation, the authors have developed a draft administrative regulation of a federal executive authority for the provision of the state service "Organization of the Identification, Registration, Temporary Storage and Transfer to State Ownership of Ownerless Vehicles".

Keywords: administrative regulation, ownerless vehicle, state service, dismantled vehicle, state ownership, road safety, administrative procedure.

For citation: Popov G. S., Gubanova V. V. Legal Initiative: Draft Administrative Regulation of the Federal Executive Authority for the Provision of the State Service "Organization of the Identification, Registration, Temporary Storage and Transfer to State Ownership of Ownerless Vehicles". Journal of Legal Initiatives, 101–109, 2026. (In Russ.).

Введение. Проблема наличия бесхозных, разукomплектованных и длительно неиспользуемых транспортных средств (далее – ТС) на дворовых и улично-дорожных пространствах носит устойчивый, актуальный и стремительно развивающийся характер. Так, например, только в г. Москве за 2025 г. из дворов и с улиц вывезено более 1,2 тыс. брошенных автомобилей¹. Указанные ТС создают препятствия для благоустройства и содержания территорий, способствуют повышенной загруженности дворовых проездов и парковочных зон, формируют угрозы безопасности дорожного движения вследствие ограничения обзорности, а также являются потенциально пожароопасными объектами. Мы солидарны с мнением И. Е. Кабановой, которая считает, что неисправные и разобранные ТС занимают дефицитные парковочные места, нехватка которых в крупных городах Российской Федерации приобретает социально значимый характер [1].

Федеральным законодательством признаки брошенных и разукomплектованных ТС четко не определены; соответствующее правовое регулирование осуществляется нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

В целях разработки настоящего административного регламента под бесхозным и (или) брошенным ТС понимается ТС: а) собственник которого неизвестен; б) имеющее признаки утраты потребительских свойств, в том числе отсутствие узлов, агрегатов и кузовных деталей, либо находящееся в состоянии, исключающем возможность его дальнейшей эксплуатации.

К признакам ТС, подлежащего признанию бесхозным, следует относить:

- 1) ТС повреждено в результате дорожно-транспортного происшествия, сопряженного с невозможностью его восстановления;
- 2) отсутствуют конструктивные элементы, препятствующие полноценной эксплуатации (стекло, колеса и иных обязательных частей);
- 3) невозможно поставить на государственный регистрационный учет в подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – Госавтоинспекция) по причине конструктивных недостатков, исключающих эксплуатацию и восстановление ТС;
- 4) отсутствуют государственные регистрационные знаки при наличии признаков, указанных в подпунктах 1–3.

Выявление брошенных и неисправных ТС (автомобилей, мотоциклов, прицепов) осуществляется на основании информации, поступающей от физических и юридических лиц, а также собственников (владельцев) таких ТС. При этом, как отмечает Е. С. Шугрина, «параметры качества городской среды тесно связаны с вопросами местного значения, за решение которых отвечают органы местного самоуправления» [2].

Предлагаемый проект административного регламента устанавливает общие положения, стандарт предоставления государственной услуги, состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур, формы контроля за исполнением регламента, досудебный (внесудебный) порядок обжалования решений и действий.

¹ С июля вывезли в полтора раза больше машин, чем за весь прошлый год: как теперь в Москве утилизируют бесхозные авто // Рос. газ. URL: https://rg.ru/2025/10/15/reg-cfo/avto-v-odni-ruki.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 05.05.2026).

Реализация положений проекта административного регламента направлена на сокращение количества бесхозных ТС на территориях общего пользования, повышение уровня общественной безопасности и благоустройства, а также создание условий для вовлечения выявленного имущества в хозяйственный оборот в установленном законодательством порядке.

Дополнительные неналоговые поступления в государственный бюджет, полученные в результате реализации ТС либо передачи их на утилизацию, могут быть направлены на финансирование приоритетных направлений муниципального развития, включая поддержку социальной инфраструктуры, строительство и оснащение образовательных и медицинских организаций.

Методы. Методологическую основу работы составили общенаучные и специальные юридические методы. В частности, использовались: метод системного анализа – для комплексного рассмотрения государственной услуги как элемента публичного управления и определения ее структуры; формально-юридический метод – для изучения и обобщения нормативных правовых актов, регулирующих релевантные общественные отношения; сравнительно-правовой метод – для сопоставления действующих подходов к регулированию сходных процедур; метод юридического моделирования – для разработки положений административного регламента, определяющих содержание и порядок предоставления государственной услуги.

Результаты. В ходе проведенного исследования разработан проект административного регламента федерального органа исполнительной власти по предоставлению государственной услуги «Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств».

ПРОЕКТ

Приложение № 1
к приказу ...

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЕГЛАМЕНТ

федерального органа исполнительной власти по предоставлению государственной услуги
«Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств»

Настоящий регламент разработан в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральным законом от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», а также иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и определяет порядок организации выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств в целях обеспечения безопасности дорожного движения, пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, надлежащего содержания территорий общего пользования, автомобильных дорог федерального, регионального, межмуниципального и местного значения, дворовых и внутриквартальных территорий, рационального использования парковочного пространства, вовлечения бесхозного имущества в хозяйственный оборот в установленном законодательством порядке.

Раздел I. Общие положения

1. Предмет регулирования Административного регламента.

Настоящий административный регламент устанавливает порядок и стандарт предоставления государственной услуги по выявлению, учету, перемещению на специализированную стоянку, хранению, признанию бесхозными и обращению в государственную собственность транспортных средств (далее – ТС), находящихся на территориях общего пользования, дворовых и внутриквартальных проездах, автомобильных дорогах федерального, регионального,

межмуниципального и местного значения, а также определяет состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур.

2. Круг заявителей.

Заявителями на получение информации о ходе предоставления услуги являются физические и юридические лица, обратившиеся с информацией о брошенном ТС, а также собственники (владельцы) выявленных ТС в ходе процедур, установленных настоящим регламентом.

3. Правовые основания.

Предоставление государственной услуги осуществляется в соответствии с:

- Гражданским кодексом Российской Федерации;
- Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг»;
- Федеральным законом от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения»;
- приказом МВД России от 21.12.2019 № 950 (ред. от 18.08.2025) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств» (зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2019 № 57066);

– настоящим Административным регламентом.

4. Результат государственной услуги.

Результатом предоставления государственной услуги является:

- акт осмотра ТС с заключением о наличии признаков бесхозяйного имущества;
- решение (протокол) о перемещении ТС на специализированную стоянку;
- решение о признании ТС бесхозяйным и обращении его в государственную собственность;
- отказ в обращении ТС в государственную собственность (при наличии собственника, заявившего права в установленный срок).

Раздел II. Стандарт предоставления государственной услуги

5. Наименование государственной услуги.

«Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозяйных транспортных средств».

6. Наименование органа, предоставляющего государственную услугу.

Федеральный орган исполнительной власти (уполномоченное ведомство) с привлечением территориальных подразделений Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – Госавтоинспекция), органов местного самоуправления, специализированных организаций – держателей стоянок.

7. Срок предоставления государственной услуги:

Общий срок от поступления обращения (или выявления факта) до перемещения ТС на стоянку – не более 30 рабочих дней (включая проверку собственника, уведомление, ожидание заявления собственника).

Срок хранения ТС на специализированной стоянке до обращения в государственную собственность – 6 месяцев с даты размещения уведомления в официальных источниках.

Срок регистрации запроса (обращения) заявителя – 1 рабочий день.

8. Перечень документов, необходимых для предоставления государственной услуги:

Заявитель представляет самостоятельно: заявление (обращение) с указанием места нахождения ТС и его признаков, при наличии – фото / видеоматериалы;

Запрашиваемые в рамках межведомственного взаимодействия: сведения из реестра транспортных средств Госавтоинспекции МВД России о собственнике, сведения из ЕГРН (о праве на земельный участок под ТС), данные из адресного реестра (ФИАС).

9. Основания для отказа в приеме документов:

- обращение не содержит сведений о местонахождении ТС;
- обращение подано анонимно;
- текст обращения не поддается прочтению.

10. Основания для отказа в предоставлении государственной услуги:

- по итогам проверки установлено, что ТС является исправным, имеет действующую регистрацию и собственник возражает против его перемещения;

- ТС находится на частной территории без признаков нарушения (по заявлению собственника земли);
- вступившее в законную силу судебное решение запрещает перемещение.

11. Плата за предоставление государственной услуги.

Услуга предоставляется бесплатно. Расходы на эвакуацию и хранение не возлагаются на заявителей и возмещаются за счет бюджетных ассигнований (с последующим взысканием с собственника при его выявлении либо за счет средств от реализации обращенного имущества).

12. Максимальный срок ожидания в очереди при подаче заявления в территориальный орган – 15 минут.

13. Срок регистрации запроса заявителя – 1 рабочий день.

14. Показатели доступности и качества:

- доля обоснованных жалоб на действия (бездействие) должностных лиц – не более 5 %;
- доля ТС, обращенных в собственность, от общего числа выявленных брошенных ТС – не менее 70 %;

– информирование заявителей о ходе процедуры – в срок не более 5 рабочих дней.

15. Особенности предоставления услуги в электронной форме: подача заявления через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – портал «Госуслуги») (с авторизацией ЕСИА), возможность получения уведомлений о статусе ТС.

Раздел III. Состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур

Административная процедура 1. Выявление и фиксация факта размещения ТС.

Основание: плановый рейд, обращение граждан, предписание Госавтоинспекции.

Ответственное лицо: член комиссии, назначенный уполномоченным органом.

Содержание: фото / видеофиксация, заполнение таблицы № 1 (по форме приложения 2 к Административному регламенту) с указанием адреса, координат, марки, состояния, признаков бесхозности.

Срок: один рабочий день с момента обнаружения.

Административная процедура 2. Проверка собственника ТС.

Межведомственный запрос в Госавтоинспекцию (наличие регистрации, дата последней регистрации, собственник).

Срок: три рабочих дня.

Административная процедура 3. Уведомление собственника (при установлении).

Размещение уведомления на ТС (маркировочная наклейка), а также направление уведомления почтовым отправлением (по адресу регистрации собственника) и в личный кабинет пользователя портала «Госуслуги».

Содержание уведомления: требование в течение 30 календарных дней привести ТС в надлежащее состояние либо осуществить его перемещение самостоятельно.

Административная процедура 4. Принятие решения о перемещении на специализированную стоянку.

При отсутствии действий собственника в установленный срок – комиссия, состоящая из представителей органа местного самоуправления и Госавтоинспекции, оформляет Акт осмотра и Протокол о перемещении ТС.

Срок: не позднее 5 рабочих дней по истечении срока уведомления.

Административная процедура 5. Перемещение, хранение и учет.

заключение договора со специализированной организацией (держателем стоянки);

составление Акта приема-передачи ТС;

срок хранения до обращения в государственную собственность: 6 месяцев;

расходы на эвакуацию и хранение учитываются далее при реализации ТС.

Административная процедура 6. Обращение в государственную собственность.

По истечении 6 месяцев хранения и при отсутствии требований собственника (или при отказе суда в восстановлении прав) уполномоченный орган подает заявление в суд о признании ТС бесхозным.

Решение суда является основанием для государственной регистрации права собственности Российской Федерации (субъекта Российской Федерации).

Административная процедура 7. Распоряжение ТС (реализация / утилизация).

- проведение оценки рыночной стоимости;
- продажа на торгах (в порядке, установленном Федеральным законом от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества») либо передача на утилизацию (при нулевой или отрицательной стоимости);
- зачисление средств от реализации в государственный бюджет;
- направление расходов на эвакуацию, хранение и оценку – за счет средств от реализации.

Раздел IV. Формы контроля за исполнением регламента

17. Текущий контроль осуществляет руководитель уполномоченного органа.
18. Плановые и внеплановые проверки проводятся не реже 1 раза в год.
19. Ответственность должностных лиц – дисциплинарная, административная в соответствии с КоАП РФ.
20. Права граждан на контроль – подача жалоб, запрос информации.

Раздел V. Досудебный (внесудебный) порядок обжалования решений и действий

21. Предмет жалобы: нарушение прав и законных интересов заинтересованных лиц, противоправные решения, действия (бездействие) должностных лиц, нарушение положений настоящего Административного регламента.

22. Место подачи жалобы: вышестоящему руководителю уполномоченного органа или в орган, уполномоченный на рассмотрение жалоб в соответствии Федеральным законом от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг».

23. Срок рассмотрения жалобы: 15 рабочих дней, в случае обжалования отказа в приеме документов – 5 рабочих дней.

24. Способы подачи жалобы: письменно (на бумаге), через портал «Госуслуги», в МФЦ.

Приложения к Административному Регламенту: Акт осмотра транспортного средства; Таблица выявления бесхозного ТС.

Акт осмотра транспортного средства (приложение 1)

г. _____ « ____ » _____ 20__ г.

Комиссия в составе:

1. _____ (председатель комиссии)
2. _____
3. _____

В присутствии:

1. _____
2. _____

« ____ » _____ 20__ года произвели осмотр следующего объекта:

_____,

находящегося по адресу:

_____,

и составили настоящий акт технического состояния, о нижеследующем:

_____
_____
_____

_____ ,

Результаты осмотра: _____

_____ ,

Рекомендации владельцу объекта: _____

_____ ,

Условия проведения осмотра: _____

Время начала осмотра ____ часов ____ минут.

Время окончания осмотра ____ часов ____ минут.

Использованные при осмотре материалы и оборудование:

_____ ,

Особое мнение участников осмотра:

_____ .

Прилагаемые к акту документы:

_____ .

Акт технического состояния составлен в трех экземплярах:

1. Первый экземпляр владельцу объекта _____

2. Второй экземпляр председателю комиссии _____

_____ .

3. Третий экземпляр станции технического осмотра _____

_____ .

Подписи участников осмотра:

1. _____ М.П.

2. _____ М.П.

3. _____ М.П.

4. _____ М.П.

5. _____ М.П.

Приложение № 2

Таблица выявления бесхозного ТС

Дата выявления	Адрес	Источник	Марка	Гос.номер	VIN	Состояние	Признаки бесхозности	Проверка собственника

Заключение. Проведенное исследование подтвердило наличие устойчивой и социально значимой проблемы, связанной с распространением бесхозных, разукомплектованных и длительно неиспользуемых ТС на территориях общего пользования. Установлено, что такие ТС оказывают негативное влияние на состояние городской среды, безопасность дорожного движения, эффективность использования парковочного пространства и уровень благоустройства территорий в целом.

Анализ действующего правового регулирования показал отсутствие административно-правового механизма, направленного на решение выявленной проблемы, который могло бы заключаться в комплексе процедур, направленных на выявление, учет, временное хранение и дальнейшее обращение ТС в государственную собственность, что обусловило актуальность работы в указанном направлении.

В целях устранения выявленного правового пробела в рамках исследования предложено решение в виде проекта Административного регламента федерального органа исполнительной власти по предоставлению государственной услуги «Организация выявления, учета, временного хранения и обращения в государственную собственность бесхозных транспортных средств». Предложенный проект обеспечивает унификацию административных процедур, определяет порядок взаимодействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц, формирует правовые условия для вовлечения выявленного имущества в хозяйственный оборот.

Практическая реализация предложенных положений позволит сформировать целостный административный механизм в рассматриваемой сфере, будет способствовать сокращению количества брошенных транспортных средств, повышению уровня общественной безопасности и санитарного состояния территорий, а также оформлению дополнительных неналоговых поступлений в государственный бюджет, направляемых на развитие социальной и городской инфраструктуры.

Список источников

1. Кабанова И. Е. Берегись брошенного автомобиля: как неиспользуемое имущество становится угрозой безопасности городской среды // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6 (237). С. 62–66.
2. Шугрина Е. С. Может ли муниципальный контроль обеспечить безопасность городской среды: реформа контрольно-надзорной деятельности и судебная практика // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 86–99.

References

1. Kabanova I. E. Beregis' broshennogo avtomobilya: kak neispol'zuемое imushchestvo stanovitsya ugrozoy bezopasnosti gorodskoj sredy // Imushchestvennyye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2021. № 6 (237). S. 62–66.
2. Shugrina E. S. Mozhet li municipal'nyj kontrol' obespechit' bezopasnost' gorodskoj sredy: reforma kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti i sudebnaya praktika // Pravoprimerenie. 2019. T. 3. № 1. S. 86–99.

Попов Григорий Сергеевич,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
grig.popov2015@yandex.ru

Губанова Виктория Владимировна,

адъюнкт Волгоградской академии МВД России;
viktoriagub@mail.ru

Popov Grigory Sergeevich,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
grig.popov2015@yandex.ru

Gubanova Victoria Vladimirovna,

Adjunct of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia;
viktoriagub@mail.ru

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 02.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.

The article was submitted 26.01.2026; approved after peer reviewing 02.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

* * *

УДК 340.1 (049.32)

Артём Григорьевич Репьев,Российский университет транспорта, Москва, Россия,
repev-artem@yandex.ru

**ГРАНИЦЫ ДОЗВОЛЕННОГО УСМОТРЕНИЯ:
КРИТЕРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ ДИСКРЕЦИОННОГО МЕТОДА
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ДОЦЕНТА РЕПЬЕВА АРТЕМА ГРИГОРЬЕВИЧА
НА ДИССЕРТАЦИЮ ЦЫГАНОВКИНА ВЛАДИМИРА АНАТОЛЬЕВИЧА
НА ТЕМУ «ДИСКРЕЦИОННЫЙ МЕТОД ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ»
(ИРКУТСК, 2026. 220 С.), ПРЕДСТАВЛЕННУЮ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.1.1.
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ**

Artem Grigoryevich Repyev,Russian University of Transport, Moscow, Russian,
repev-artem@yandex.ru

**LIMITS OF PERMISSIBLE DISCRETION:
CRITERIA FOR THE LEGITIMACY OF THE DISCRETIONARY METHOD
IN THE MODERN LEGAL SYSTEM: REVIEW OF THE OFFICIAL OPPONENT,
DOCTOR OF SCIENCES (JURISPRUDENCE),
ASSOCIATE PROFESSOR REPEV ARTEM GRIGORYEVICH
ON THE DISSERTATION OF TSYGANOVKIN VLADIMIR ANATOLEVICH
“DISCRETIONARY METHOD OF LEGAL REGULATION” (IRKUTSK, 2026. 220 P.)
SUBMITTED FOR THE SCIENTIFIC DEGREE
OF CANDIDATE OF SCIENCES (JURISPRUDENCE)
ON SPECIALTY 5.1.1.
THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES**

Актуальность темы диссертационного исследования. Современная правовая наука находится на этапе глубокой трансформации, обусловленной глобальными изменениями в социальной, экономической и политической сферах жизнедеятельности общества. В условиях усложнения общественных отношений, появления новых технологий, цифровизации государственных услуг и возрастания динамики социальных процессов традиционные догматические конструкции теории права зачастую оказываются недостаточно гибкими для адекватного отражения реальности. Одним из ключевых вопросов, стоящих перед современной юридической наукой, является проблема соотношения правовой определенности и необходимой свободы усмотрения правоприменителя. Как справедливо отмечал еще Иммануил Кант, «право есть совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого лица с точки зрения всеобщего закона свободы» [1, с. 253]. Однако реализация этого кантовского идеала на практике неизбежно сталкивается с необходимостью индивидуализации правового воздействия, что приводит нас к феномену дискреции.

Тема диссертационного исследования В. А. Цыгановкина «Дискреционный метод правового регулирования» представляется исключительно актуальной и своевременной по ряду фундаментальных причин. Во-первых, необходимо отметить теоретическую значимость переосмысления классической системы методов правового регулирования. Традиционно отечественная доктрина права оперировала дихотомией императивного и диспозитивного методов, что отражало дуализм публичного и частного права. Однако реальная правовая жизнь гораздо сложнее любых схем. Выдающийся русский правовед начала XX в. Н. М. Коркунов отмечал особое свойство права – его «живой характер», говоря о нем не как о чем-то застывшем, раз и навсегда данном, а как о про-

цессе постоянного творчества¹ [2, с. 49]. Выделение дискреционного метода в качестве самостоятельной категории позволяет преодолеть ограниченность традиционных подходов и дать более точное описание тех ситуаций, когда компетентный субъект властным образом определяет права и обязанности третьих лиц по собственному выбору в рамках закона, не опираясь на определенную модель. Это не просто терминологическое новшество – это шаг к адекватному отражению механизмов современной государственности.

Во-вторых, актуальность исследования продиктована практическими потребностями совершенствования правоприменительной деятельности. В условиях реализации концепции «регуляторной гильотины», внедрения риск-ориентированного подхода в сфере безопасности и развития административной реформы – вопрос о пределах усмотрения государственного служащего, судьи, прокурора стоит особенно остро. Чрезмерная регламентация ведет к бюрократизации и неэффективности, тогда как неограниченная свобода усмотрения чревата произволом и коррупцией. В.А. Цыгановкин справедливо указывает на необходимость поиска баланса между законностью и целесообразностью. Нельзя не вспомнить слова известного английского юриста лорда Кэздена, который характеризовал усмотрение как «неизвестную величину, различную у различных людей, зависящую от характера и страсти» [3, с. 54]. Задача науки – превратить эту «неизвестную величину» в прогнозируемый и контролируемый инструмент правового государства. Исследование механизмов дискреции позволяет выработать критерии, которые предотвратят превращение законного усмотрения в произвол, сохраняя при этом необходимую гибкость правового регулирования.

В-третьих, нельзя игнорировать социально-философский аспект проблемы. Дискреция находится на стыке права и морали, права и политики. Она затрагивает глубинные вопросы справедливости. Формальная законность не всегда тождественна справедливости. Аристотель в «Никомаховой этике» указывал на необходимость – исправления закона там, где он недостаточен в силу своей общности [4, с. 110]. Дискреционный метод, по сути, является современным юридическим воплощением аристотелевской концепции. Он позволяет учитывать уникальность жизненных ситуаций, которые законодатель не мог предвидеть при создании абстрактной нормы. В условиях российского правового менталитета, где ценность справедливости зачастую превалирует над ценностью формальной определенности, исследование дискреции приобретает особое культурологическое звучание. Как отмечал классик русской правовой мысли И. А. Ильин, «право есть не только система норм, но и духовная сила» [5, с. 86, 132]. Дискреция позволяет внести в сухую букву закона дух справедливости, но требует для этого высокой правовой культуры субъектов.

Четвертое обстоятельство, повышающее актуальность темы, – это стремительная цифровизация правовой сферы. Когда искусственный интеллект внедряется в судопроизводство и административные процессы, неизбежно встает вопрос о том, способны ли такие системы обладать дискрецией. Ведь дискреция предполагает ценностно-ориентированный выбор, основанный на внутреннем убеждении. Но может ли это быть реализовано с помощью детерминированных алгоритмов? Исследование В. А. Цыгановкина создает теоретическую базу для ответов на эти вызовы будущего. Понимание природы дискреционного метода нужно не только для того, чтобы не допустить подмены живого человеческого правосудия механическим расчетом в сложных ценностно-правовых коллизиях, требующих оценки справедливости. Оно также необходимо для предотвращения ситуаций, когда под видимостью объективной работы алгоритма маскируется человеческий произвол.

Пятое – значимость работы для экономической безопасности и инвестиционного климата. Бизнес всегда заинтересован в предсказуемости правового регулирования. Избыточная дискреция со стороны государственного аппарата порождает риски вынесения произвольных решений, что отпугивает инвесторов. В то же время полное отсутствие гибкости делает правовую систему неспособной реагировать на кризисы. Работа В. А. Цыгановкина предлагает критерии оценки эффективности дискреционного регулирования. Данная концепция способна эффективизировать

¹ Между тем авторство данного утверждения буквально не подтверждено. К примеру, данную цитату использует Ганс Фаллада в своем произведении «У нас дома в далекие времена», где она звучит с продолжением: «...право не есть нечто мертвое, застывшее, оно изменяется вместе с народом, живет его жизнью. Оно занемогает, если занемог народ, и может достигнуть наивысшего расцвета как в годы тяжких испытаний, так и в счастливые дни. Право – это нечто живое...». См.: Фаллада Х. У нас дома в далекие времена: пережитое, увиденное и сочиненное / пер. с нем. и примеч. Н. Бунина; предисл. П. Топера. М.: Худож. лит., 1975. 315 с.

процессы проведения оценки регулирующего воздействия. Взгляд с такого ракурса переводит теоретическую конструкцию в плоскость конкретных экономических показателей.

Предпринятая соискателем попытка комплексного теоретико-правового анализа дискреционного метода представляет собой ответ на вызовы времени. Современность требует синтеза догматического анализа, социологического подхода и философского осмысления. Только глубокое понимание природы юридически обусловленной свободы правового усмотрения при принятии решений в ситуациях, где нет единого предписания нормативного регулирования, позволяет построить эффективную систему правового регулирования. Такой конструкт сочетает в себе стабильность, гибкость, законность и справедливость. В условиях трансформации российской государственности и поиска оптимальных моделей взаимодействия личности и власти рассматриваемое исследование приобретает не только научную, но и ярко выраженную общественно-политическую стратегическую значимость.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Сформулированные в положениях, выводах и рекомендациях мысли относительно дискреционного метода правового регулирования, подтверждаются верно избранной методологией исследования, глубокой проработкой теоретической и нормативной базы, эмпирической составляющей. Диссертант демонстрирует уверенное владение современным категориальным аппаратом теории права, умение работать с разнообразными источниками информации, включая общепризнанную международную доктрину.

Диссертационное исследование В. А. Цыгановкина характеризуется продуманной и логически выверенной структурой, обеспечивающей системное изложение научного материала. Работа выстроена в соответствии с классической концепцией научного труда и включает в себя несколько базовых компонентов, таких как введение, основная часть, представленная тремя главами, заключение и список использованных источников и литературы. Такая структура позволяет последовательно раскрыть аспекты легитимности дискреционного метода в современной правовой системе, начиная с общих теоретических предпосылок и переходя к конкретным механизмам реализации и проблемам эффективности.

Основная часть исследования состоит из шести параграфов, содержащихся в трех главах. Первая глава «Понятие метода правового регулирования с точки зрения современной юридической науки» (с. 16–56) носит фундаментальный теоретический характер. В ней диссертант проводит «ревизию» существующих представлений о методе правового регулирования. Особого внимания заслуживает критический анализ традиционной дихотомии императивного и диспозитивного методов. Автор указывает на межинституциональный характер современных правовых институтов, которые носят комплексный характер и не укладываются в жесткие рамки отраслевого деления. В параграфе 1.1 достаточно подробно рассматриваются различные подходы к пониманию метода регулирования: от волюнтаристского до содержательного. В. А. Цыгановкин аргументированно отстаивает позицию, согласно которой метод регулирования должен пониматься комплексно, и включает в объем понимания не только нормативные способы формулирования прав и обязанностей, но и индивидуальные способы их установления и реализации. Такой ракурс позволяет увидеть в методе регулирования живой процесс взаимодействия субъектов, преодолев узкодогматичный подход.

В параграфе 1.2 автор переходит к типологии методов. Здесь проявляется научная смелость соискателя. Он не просто критикует существующие классификации, но и предлагает обоснование для выделения нового типа, а именно дискреционного метода. Обращаясь к работам корифеев отечественной теории права и государства, например С. С. Алексеева и Н. И. Матузова, диссертант убедительно демонстрирует, что комбинация альтернативности прав и обязанностей с властно-подчиненным характером отношений образует особую конфигурацию. Она не совпадает ни с императивным методом, где господствуют безальтернативность и властное начало, ни с диспозитивным, для которого характерны альтернативность и равенство сторон. Данное теоретическое построение становится краеугольным камнем всей диссертации и служит каркасом для последующих выводов.

Во второй главе «Теоретическое понимание и практическая роль дискреционного метода правового регулирования» (с. 57–103) автор раскрывает содержание исследуемого явления непосредственно. В параграфе 2.1 предлагается оригинальное определение дискреционного метода. Здесь важно подчеркнуть, как соискатель четко разграничивает понятия «дискреция» и «усмотрение», которые нередко смешиваются в научной литературе (с. 57). Усмотрение пони-

мается как родовое понятие, включающее выбор и в равных, и во властных отношениях, тогда как дискреция – это именно властно-односторонний выбор. Такое уточнение терминологии повышает понятийную строгость исследования. В этом разделе подробно анализируются также факторы дискреции: формально-юридические (неопределенность норм, пробелы), практические (уникальность ситуаций) и культурно-правовые (приоритет справедливости) (с. 70, 75, 79 и др.). Такой многофакторный подход позволяет увидеть причины существования дискреции не только в дефектах правовой техники, но и в объективной необходимости.

В параграфе 2.2 рассматриваются виды дискреции. Автор предлагает классификацию по субъекту (публичная, частная), степени свободы (ограниченная, абсолютная), форме проявления (явная, скрытая). Особенно интересен анализ скрытой дискреции, возникающей из-за неопределенности оценочных понятий (с. 100–102). Это имеет прямое отношение к современной правоприменительной практике, где суды и другие органы власти часто вынуждены наполнять содержанием такие категории, как «разумность», «добросовестность», «существенное нарушение» и пр. Соискатель показывает, что даже там, где закон не говорит прямо о праве выбора, дискреция может присутствовать имплицитно.

Третья глава «Эффективность дискреционного метода правового регулирования» (с. 104–168) выводит исследование на уровень оценки результативности. В параграфе 3.1 анализируются критерии эффективности правового регулирования в целом. Диссертант разделяет правовые (внутренние) и неправовые (внешние) критерии (с. 114, 122 и др.). К внутренним он относит законность, справедливость, определенность, обеспеченность прав человека. К внешним – экономические и политические показатели. Такой дуализм позволяет оценить дискрецию не только с позиции юридической техники, но и в плане ее социального воздействия. В параграфе 3.2 применяются эти критерии непосредственно к дискреционному методу. Автор выявляет факторы неэффективности: неограниченность дискреции, отсутствие единообразия практики, релятивизм правопонимания (с. 146, 151 и др.). Здесь же приводятся конкретные примеры из российской судебной практики (дела о компенсации морального вреда, применение ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации, ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации), что придает исследованию эмпирическую весомость.

Достоверность и новизна положений, выводов, рекомендаций, сформулированных в диссертации. В рамках проведенного исследования В. А. Цыгановкин осуществляет фундаментальный теоретико-правовой анализ дискреционного метода, заполняя существующий пробел в теории правового регулирования. В научный оборот вводится само понятие дискреционного метода правового регулирования как самостоятельной категории, расширяющей традиционную типологию. Это не просто новая терминология, а оригинальный инструмент познания правовой реальности. Предложено комплексное понимание метода регулирования, охватывающее как нормативные, так и индивидуальные способы установления прав и обязанностей. Тем самым преодолевается разрыв между учением о нормах права и теорией правоотношений. Выявлена специфика дискреции, позволяющая отграничить ее от усмотрения. Это устраняет терминологическую путаницу, долгое время существовавшую в доктрине. Определены критерии эффективности дискреционного метода, разделенные на внутренние (правовые) и внешние (неправовые). Это создает методическую основу для последующего мониторинга правоприменения. Установлены факторы, снижающие эффективность дискреции, что имеет прямое значение для предупреждения правовых дефектов.

Значение выводов и рекомендаций для науки и практики. Разработанная автором концепция дискреционного метода вносит довольно весомый вклад в развитие теории права. Она обогащает общетеоретический инструментарий юриспруденции, открывает новые возможности для изучения механизмов реализации права. Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при совершенствовании законодательства. Предложения диссертанта по оптимизации дискреционных полномочий целесообразно учитывать при подготовке проектов нормативных правовых актов, особенно в сфере государственного управления и правосудия. Материалы диссертации вполне применимы в образовательном процессе при преподавании теории государства и права, а также отраслевых юридических дисциплин. Кроме того, разработанные критерии эффективности могут внедряться в практику правовой экспертизы и мониторинга правоприменения.

Личный вклад соискателя и общая оценка работы. Несомненно, заслуживает положительной оценки личный вклад В. А. Цыгановкина в разработку научной проблемы. Репрезентативность

эмпирического материала, глубокая обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, делают ее аутентичной и новаторской. Автор демонстрирует высокую культуру научного мышления и одновременно способность видеть проблему в широком контексте, находить нестандартные решения. Диссертант опирается на обширный массив литературы, который включает в себя труды классиков российской правовой мысли и современных зарубежных исследователей. При этом стоит обратить внимание, что включение в эмпирическую базу не только нормативных актов, но и судебной практики, данных мониторинга правоприменения подтверждает практическую ориентированность работы.

Завершенность диссертации. Выносимые на защиту положения аргументированы и доказательны. Используя разнообразные средства и способы познания, диссертант сумел раскрыть объект и предмет исследования, достичь поставленной цели и решить соответствующие задачи. Материалы диссертации в достаточной мере отражены в научных публикациях автора. Содержание автореферата соответствует диссертации. Проведенное В. А. Цыгановкиным исследование отличается высоким уровнем научной проработки темы, достоверностью полученных результатов и значимостью как для развития теоретической базы правоведения, так и для практического применения в правовой сфере.

Отмечая в целом высокий научный уровень проведенного диссертационного исследования, нельзя не указать, что, как всякого рода работа творческого характера, она содержит отдельные погрешности, некоторые неточности и противоречия, спорные моменты, которые дают основания для научной дискуссии.

Первое. В диссертации, на наш взгляд, недостаточно четко проведена граница между дискреционным методом и дефектом юридической техники. Автор справедливо указывает, что скрытая дискреция часто возникает из-за неопределенности норм, пробелов или коллизий (с. 71–74). Однако возникает вопрос: всегда ли такая неопределенность легитимна? Если законодатель допускает чрезмерную неопределенность из-за низкого качества законотворческой работы, приводит ли реализация такой нормы к применению дискреционного метода или же это свидетельствует о нарушении принципа правовой определенности? В работе прослеживается тенденция рассматривать дискрецию как нейтральный инструмент, однако в некоторых случаях она может быть следствием законодательного упущения, которое должно быть устранено, а не легализовано как метод. Хотелось бы услышать от автора более развернутую позицию о том, где проходит грань между необходимой гибкостью права и недопустимой неопределенностью, превращающей закон в фикцию. Например, применение оценочных понятий и конструкций: «разумность», «уважительные причины», «исключительные обстоятельства» необходимо, но когда их количество становится избыточным, это размывает правовое поле. Как в рамках предложенной концепции оценивать ситуацию, когда дискреция становится не исключением, а правилом в определенной отрасли права? Не ведет ли это к трансформации конкретной отрасли в дискреционный тип регулирования, что может быть признаком отхода от принципов правового государства?

Второе. В исследовании затрагивается вопрос о частной дискреции (решения третейских судей, работодателей и т. д.) (с. 103). Однако критерии ограничения такой дискреции разработаны менее подробно, чем для публичной власти. В публичном праве действует принцип «разрешено только то, что прямо предусмотрено законом», тогда как в частном праве – «разрешено все, что не запрещено». Как соотносится дискреционный метод с этими принципами? В работе упоминается, что дискреция ограничивается императивными нормами, но в частных отношениях императивное регулирование сведено к минимуму. Не возникает ли здесь риск злоупотребления правом со стороны экономически более сильного субъекта под видом дискреционного метода? Требуется дополнительное обоснование возможности контроля за частной дискрецией, чтобы она не превратилась в инструмент произвола в трудовых или гражданских правоотношениях.

Третье. Автор выделяет культурно-правовые факторы дискреции, указывая на приоритет справедливости перед правовой определенностью (с. 79–81). Это важное наблюдение, однако оно требует более глубокой социологической конкретизации. Что понимается под «справедливостью» в данном контексте? Справедливость распределительная, коммутативная (обменивающая) или воздающая? Разные группы субъектов права могут по-разному понимать справедливость. Для государственного служащего справедливость может означать эффективность управления, для гражданина – защиту его личных прав. Если дискреционный метод опирается

на субъективное понимание справедливости правоприменителем, как обеспечить единообразие практики? Хотелось бы получить от автора рекомендации о том, как формировать единое понимание принципов права в профессиональном сообществе, чтобы культурный фактор дискреции работал на укрепление правопорядка, а не на его размывание.

Наконец, *четвертое*. В разделе об эффективности дискреционного метода (глава 3) автор предлагает ряд ее критериев (с. 118–122), однако методика измерения этих критериев применительно к дискреции во многом остается декларативной. Как конкретно измерить уровень «правовой определенности» или «справедливости» в результате дискреционного решения? В работе приводятся примеры судебной практики, но отсутствует детальная система индикаторов, позволяющая проводить количественную или качественную оценку эффективности дискреции в масштабах отрасли или региона. Для практической реализации предложений диссертанта необходима разработка методики мониторинга, которая позволяла бы переводить теоретические критерии в измеримые показатели.

Вместе с тем все замечания, сформулированные в процессе детального анализа диссертационного исследования В. А. Цыгановкина, имеют исключительно рекомендательный характер и направлены на оптимизацию и совершенствование научного труда. Необходимо особо отметить, что данные аспекты не ставят под сомнение научную обоснованность и достоверность выводов, к которым пришел автор в результате проведенного исследования. Замечания носят дискуссионный характер и призваны стимулировать дальнейшую разработку поднятых проблем.

Проведенное В. А. Цыгановкиным диссертационное исследование является результатом самостоятельной и целенаправленной научной работы, в ходе которой успешно решена актуальная научная задача в области теоретико-исторических правовых наук. Автору удалось не только сформулировать научную проблему, но и предложить обоснованные пути ее решения, что свидетельствует о высоком уровне научной квалификации диссертанта. Работа демонстрирует зрелость научного мышления, глубокое понимание процессов правового регулирования и умение применять теоретические знания для анализа практических ситуаций.

С учетом качества проведенного исследования, его актуальности и значимости для развития юридической науки диссертация Цыгановкина Владимира Анатольевича на тему «Дискреционный метод правового регулирования» соответствует критериям, определенным Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, является единолично выполненной и завершенной научно-квалификационной работой, а ее автор – Цыгановкин Владимир Анатольевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.

Список источников

1. Кант И. Сочинения. В 8 т. Т. 6: Религия в пределах разума. Метафизика нравов. М.: Чоро, 1996. 613 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права профессора Санкт-Петербургского университета. Изд. 8-е (без изм.) СПб.: Мартынов Н. К., 1909. 354 с.
3. Цит. по.: Будякова Т. П. Индивидуальность потерпевшего и моральный вред = Individuality of a victim and moral harm. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2005. 247 с.
4. Аристотель. Никомахова этика. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления. Белград: [б. и.], 248 с.

References

1. Kant I. Sochineniya. V 8 t. T. 6: Religiya v predelah razuma. Metafizika нравов. M.: Choro, 1996. 613 s.
2. Korkunov N. M. Lekcii po obshchej teorii prava professora Sankt-Peterburgskago universiteta. Izd. 8-e (bez izmen.) SPb.: Martynov N. K., 1909. 354 s.
3. Cit. po.: Budyakova T. P. Individual'nost' poterpevshego i moral'nyj vred = Individuality of a victim and moral harm. SPb.: Yurid. centr «Press», 2005. 247 s.
4. Aristotel'. Nikomahova ehtika. M.: Berlin: Direkt-Media, 2020. 222 s.
5. Il'in I. A. Put' duhovnogo obnoveniya. Belgrad: [b. i.], 248 s.

Репьев Артем Григорьевич,

заместитель директора Юридического института
Российского университета транспорта по науке,
заведующий кафедрой теории права, гражданского права и гражданского процесса,
доктор юридических наук, доцент;
repev-artem@yandex.ru

Repyev Artem Grigoryevich,

Deputy Director of the Law Institute
of the Russian University of Transport for Science, Head of the Department
of Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure,
Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor;
repev-artem@yandex.ru

***

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

В ЖУРНАЛ «ТРАКТАТ ПРАВОВЫХ ИНИЦИАТИВ», ТРЕБОВАНИЯ К ТЕХНИЧЕСКОМУ ОФОРМЛЕНИЮ

Журнал является периодическим печатным изданием Волгоградской академии МВД России.

Учредителем, редакцией, издателем, распространителем и собственником имущества редакции журнала является Волгоградская академия МВД России.

Наименование на русском языке – «Трактат правовых инициатив», на английском языке – Journal of Legal Initiatives, на латинском языке – Tractatus iniciativarum legis. Все названия журнала равнозначны.

Журнал издается на русском языке. Периодичность издания – ежеквартально, 4 раза в год.

Основные тематические рубрики журнала:

1. Теоретико-исторические правовые науки.
2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
3. Правовая политика и право.
4. Место искусственного интеллекта в теории права.
5. Трибуна молодого ученого.
6. Рецензии, отзывы, обзоры научно-представительских мероприятий.

В журнале отражаются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований кандидатов и докторов наук, соискателей ученых степеней кандидата и доктора наук, адъюнктов и аспирантов, а также практикующих юристов и государственных служащих.

Основными задачами журнала являются:

– публикация оригинальных материалов, в которых представлены результаты актуальных научных исследований по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки;

– популяризация идей совершенствования административного и административно-процессуального законодательства, содействие развитию юридической науки, консолидация научного сообщества для выработки актуальных правовых инициатив и освещение новых научных идей, направленных на совершенствование правовой жизни Российской Федерации, развитие российской цивилизационной государственности;

– содействие в повышении научного потенциала профессорско-преподавательского состава Волгоградской академии МВД России и других образовательных организаций юридического профиля.

Основными целями Журнала являются:

– внесение значимого вклада в развитие отечественной юридической науки;

– создание площадки для открытой научной дискуссии по актуальным проблемам права, правовой политики, цифровизации права и внедрения искусственного интеллекта в систему права Российской Федерации;

– представление результатов проектной деятельности и научных исследований, выполненных в научно-исследовательских и образовательных организациях системы МВД России и других образовательных организациях юридического профиля;

– информирование о внедрении результатов научных исследований в практику органов внутренних дел;

– обмен положительным опытом практической деятельности правоохранительных органов;

– поддержка и развитие научного потенциала молодых ученых;

– организация открытой научной полемики, способствующей повышению качества научной работы;

– информирование научного сообщества о ключевых событиях и публикациях в области права.

Электронная версия журнала после его выхода в свет размещается на официальном сайте журнала по адресу: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>, а также на электронных платформах библиотек и правовых систем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Направление автором рукописи статьи в редакцию журнала означает его согласие с правилами представления рукописей, ее опубликованием и размещением на официальном сайте журнала, а также на электронных платформах библиотек и правовых систем в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Публикация статей бесплатная, гонорары авторам не выплачиваются.

В публикуемых материалах не должно содержаться сведений, относящихся к государственной тайне и к служебной информации ограниченного распространения.

Основной текст рукописей представляется на русском языке.

Представляемая к опубликованию рукопись должна по своему содержанию соответствовать приоритетным задачам журнала и научной специальности. Содержать развернутое обоснование актуальности и четкую формулировку раскрываемой в работе проблемы, которая должна коррелироваться с наименованием статьи. Предлагать конкретные пути решения заявленной проблемы, имеющие значимость для практической деятельности правоохранительных органов, не носить описательный (информационный) характер. Рукопись должна иметь четкую структуру в соответствии с требованиями журнала.

Рубрика статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева. Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), ученая степень, ученое звание, должность, адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника ORCID (при наличии). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами: введение; методы; результаты; обсуждение (при наличии); заключение.

При подготовке статей и иных материалов учитываются положения ГОСТ Р 7.0.110-2025.

Пристатейный затекстовый список библиографических ссылок, содержащий не более 25 источников (рекомендуемое количество 10–15 источников), с указанием цифрового идентификатора (DOI) цитируемой публикации (при его наличии в цитируемом источнике), и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, размещается в конце текста.

В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из списка библиографических ссылок, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (транслитерация русского алфавита латиницей). На все источники должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в список библиографических ссылок анонимных источников и правовых документов в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в списке библиографических ссылок труднодоступных, неопубликованных, а также локальных, популярных источников: газет, неопубликованных отчетов. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – полуторный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 сантиметра каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы представляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 10 страниц.

Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц (не включая обязательные атрибуты, список библиографических ссылок, таблицы, иллюстрации), рецензии и отзывы – не более 10 страниц, обзоры научно-представительских мероприятий – не более 2 страниц.

Плагиат в любых объемах и формах, в том числе неоформленные цитаты, а также присвоение прав на результаты чужих исследований недопустимы. Оригинальность текста рукописи (без наименования статьи, аннотации, ключевых слов, сведений об авторе и списка библиографических ссылок) должна составлять не менее 70 %. Обзоры и статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований и обращений к нормативным правовым актам, рассматриваются в индивидуальном порядке и по мотивированному решению редакции журнала могут иметь оригинальность менее 70 %. Ссылки на первоисточники заимствованных материалов обязательны.

В оригинальность статьи не входят самоцитирование и цитирование.

Использование автором своего ранее опубликованного текста должно сопровождаться соответствующими ссылками.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает,

расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук, аспиранты и адъюнкты также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Количество авторов научной статьи не может превышать трех человек. По мотивированному решению редакции журнала возможно опубликование статьи с числом авторов более трех.

Если авторов несколько, они могут указать свой персональный вклад в создание статьи (например, «Авторы внесли равный вклад в создание статьи») или уточнить, какой персональный вклад в создание статьи внес каждый из них. Отсутствие в поступившей в журнал на опубликование статье указания о вкладе каждого автора рассматривается как внесение авторами равного вклада в создание статьи.

Автор может выразить благодарность лицам или организациям, оказавшим значительную помощь в проведении исследования (в том числе в случае субсидирования исследования). Благодарности и данные о финансировании размещаются кратко в конце статьи.

При обнаружении некорректного заимствования, попытки маскировки заимствования, генерирования текста при помощи искусственного интеллекта или факта размещения автором материала, предложенного журналу, в другом издании, автор уведомляется об этом, ему отказывается в публикации и новые варианты рукописи и другие исходящие от него публикационные предложения не рассматриваются.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты представляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Датой поступления статьи в редакцию считается день представления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

Материалы представляются в редакцию посредством сервиса российской научно-издательской системы Editorum в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>.

К представлению требуется следующий пакет документов:

- статья в формате .docx;
- статья с подписями авторов (при необходимости и научного руководителя) на последнем листе в формате .pdf;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы) в формате .jpg (при наличии);
- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявка на опубликование научной статьи в формате .pdf.

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи ответственный секретарь ведет переписку с автором посредством электронной почты, указанной в контактных данных, или посредством сервиса российской научно-издательской системы Editorum в информационно-телекоммуникационной сети Интернет по адресу: <https://va-mvd.editorum.ru/ru/nauka/journal/282/view>.

К изданию не принимаются материалы, имеющие религиозно и политически тенденциозный характер, содержащие пристрастные, необоснованные и (или) стилистически некорректные оценки других научных работ и ученых, а также материалы автобиографии.

Редакция журнала использует ретракцию (отзыв статьи) в целях предупреждения читателей о недопустимости дублирующих публикаций (когда автор представляет одни и те же данные в нескольких публикациях), плагиата, сокрытия конфликтов интересов, представления недостоверных данных, которые могли повлиять на интерпретацию данных или рекомендации об их использовании.

Основаниями для отзыва статьи являются:

- некорректное (неоформленное) заимствование (плагиат) в опубликованной статье;
- дублирование статьи в нескольких изданиях;
- большой объем самоцитирования, выразившегося в повторяемости уже опубликованных в других изданиях результатов исследований;
- фальсификации или фабрикация результатов исследования (например, подтасовка экспериментальных данных);
- серьезные ошибки (например, неправильная интерпретация результатов исследования), которые ставят под сомнение научную ценность статьи;

- скрытый авторами конфликт интересов;
- статьи, не принятые к опубликованию, не хранятся и авторам не возвращаются.

**Заявка
на опубликование научной статьи (рецензии/обзора) в научно-практическом журнале
«Трактат правовых инициатив / Journal of Legal Initiatives / Tractatus iniciativarum legis»**

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

в рубрике _____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте научно-практического журнала «Трактат правовых инициатив / Journal of Legal Initiatives / Tractatus iniciativarum legis» или на сайте Волгоградской академии МВД России в разделе научно-практического журнала в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и электронных научных библиотек.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом Редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.

Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии со статьей 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи: _____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается.

«___» _____ 20__ г.

подпись

И.О. Фамилия

ОПЕЧАТКИ

В научно-практическом журнале «Трактат правовых инициатив / Journal of Legal Initiatives / Tractatus iniciativarum legis» (№ 1 (1) 2026) допущены опечатки:

1. На титульном листе и с. 2 вместо «Журнал основан в 2025 г.» читать «Журнал основан в 2026 г.».

2. На с. 4 вместо «The journal is founded in 2025» читать «The journal is founded in 2026».

3. На с. 87 вместо «Дмитрий Владимирович Бойко» читать «Дмитрий Валентинович Бойко».